

#2(54), 2020 część 7

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#2(54), 2020 part 7

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

**Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

**Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Васильева Е.С., Васильева И.В. ФОРМИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОГО КОСТЮМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ	4
Kozorezenko, I. Orlov SOVIET PAINTING OF «SEVERE STYLE».PROBLEM HISTORIOGRAPHY.....	11

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мищенко Т.А., Клименок К.Н. СОВЕТСКАЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД.	15
Самчук Т. РЕЛІГІЯ В ЖИТТІ СТУДЕНТІВ УНІВЕРСИТЕТУ СВ. ВОЛОДИМИРА (1834-1863)	18
Цховребова М.В. МИСТАГОГИ И ИЕРОФАНТЫ НАРТИАДЫ. “ВОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ” СЫРДОН	23

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Цзинь Жу Нет ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ.....	30
Ahmadova M.I. COGNITIVE PECULIARITIES OF UNDERSTANDING INFORMATION IN INTERROGATIVE DIRECT SPEECH IN ENGLISH AND AZERBAIJANI	33
Alimbetov Yu., Pirnazarov N. CULTURE: TRADITION AND NOVATION.....	38
Seydabullaeva N.T. THE IMPORTANCE OF THE CONCEPT OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS IN THE DEVELOPMENT OF THE HOMELAND	41
Безрукова А.А., Тхакушинов А.К. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ)	43
Кислий А. О. ЦІННІСНІ АСПЕКТИ ХРИСТІЯНСЬКОГО СУСПІЛЬНОГО ІДЕАЛУ В УМОВАХ ТРАНСФОРМАЦІЇ СУЧАСНОГО СВІТУ	50

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК747.012*687.13

Vasylieva O.S.*Candidate of Engineering Sciences,
Associate Professor at the department of design,
Kyiv National University of Technologies and Design***Vasylieva I.V.***Associate Professor at the department of ergonomics and clothing design,
Kyiv National University of Technologies and Design*

FORMATION OF SCHOOL SUIT IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRADITIONS

Васильева Елена Сергеевна*кандидат технических наук, доцент кафедры дизайна,
Киевский национальный университет технологий и дизайна***Васильева Ирина Валентиновна***Доцент кафедры эргономики и проектирования одежды,
Киевский национальный университет технологий и дизайна*

ФОРМИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОГО КОСТЮМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Summary. The paper presents the results of studies of modern school uniforms in the world. The types of design of school uniforms, their completeness and features are determined. The common colors used in the design of a school costume of Europe, Asia, Africa, Australia of South and North America are investigated. Proportional ratios in classic school suits have been determined.

Аннотация. В работе представлены результаты исследований современных образцов школьного форменной одежды в странах мира. Определены типы дизайна школьного форменной одежды, их комплектность и особенности. Исследованы распространённые цвета что используются в дизайне школьного костюма Европы, Азии, Африки, Австралии Южной и Северной Америки. Определены пропорциональные соотношения в классических школьных костюмах.

Keywords: school suit, design, color, proportions

Ключевые слова: school suit, design, color, proportions.

Постановка проблемы. Дизайн школьного форменной одежды чаще всего является вопросом разработки комплектов, которые служат объединяющим символом членов сообщества (компаний, объединений определенной деятельности). Это является решающим в определении и распространении определенных стилей жизни, программ социального поведения, ценностных ориентиров и формирует социально-психологические установки в массовом сознании общества [2, 10, 11, 16, 17]. Дизайн школьного форменной одежды в контексте элемента образовательной среды одновременно с воспитательной и дисциплинарной задачами выполняет информативную задачу, формирует окружение ребенка и социализирует ее. Школьный костюм как социокультурное явление ставит перед учеными и дизайнерами задачи решения проблем, связанных с обоснованием и осмыслением механизмов влияния одежды на жизнедеятельность школьников.

Дизайн школьного форменной одежды можно рассмотреть в контексте проектирования элемента воспитательного образовательной среды, одновременно с воспитательными и дисциплинарными задачами служит

информативной и социализирующую составляющими окружение ребенка. Вопрос составляющих дизайн-проектирования школьного форменной одежды наряду с концептуальными вопросами современного определения задач школьной формы также требуют решений, связанных с понятиями и эстетичности данного ассортимента изделий, а именно эргономикой и эстетикой [4]. Эстетика школьного костюма, его композиция и пропорции может отличаться в разных странах мира. Определение особенности дизайна школьной одежды и особенности его композиционной структуры даёт возможность для новых дизайнерских решений в дизайн-проектирование данного вида ассортимента

Анализ последних исследований и публикаций.

Вопросы целесообразности школьного форменного костюма, его преимущества и недостатки использования в учебных заведениях разных стран исследовались в работах [20-22]. Авторы отмечают, что наличие обязательного форменной одежды у школьников, прежде всего увеличивает безопасность и предотвращает насилию среди учащихся. Результаты исследований предоставлены в работах [20, 21]

показали, что наличие обязательного школьного форменной одежды приводит к уменьшению насилия и краж в учебных заведениях. Однако в работе Дж. Санчеза, А. Йохсимера и Г. Хилла [20] отмечено, что среди школьников лишь небольшому проценту учеников нравится носить форменный костюм (12,7%), одновременно респонденты подтверждают, что форма делает их более дисциплинированными и предоставляет большую безопасность в школе [20, 21].

Проведенный анализ научных исследований подтверждает важность школьной форменной одежды в образовании и воспитании ученика как воспитательного и дисциплинарного инструмента социальной идентификации ребенка [5, 12, 14, 15]. Д. А. Айкян в своей работе отмечает, что введение современного, эргономичного, модного и доступного по цене школьного костюма позволит ученикам более качественно освоить новые социальные роли, сформировать свою личность [1].

Дизайн школьного форменной одежды можно рассмотреть в контексте проектирования элемента воспитательной образовательной среды, одновременно с воспитательными и дисциплинарными задачами служит информативной и социализирующую составляющими окружение ребенка. Вопрос составляющих дизайн-проектирования школьного форменной одежды наряду с концептуальными вопросами современного определения задач школьной формы также требуют решений, связанных с понятиями и эстетичности данного ассортимента изделий. Вопросы дизайна форменной [9, 18], школьного форменной [5, 6, 14, 17, 22] и детской одежды [11, 19] исследовали многие ученые. Проблемами совершенствования процесса проектирования детской одежды посвящено исследование В. Омельченко, М.В. Колосниченко, С.В. Донченко, К.Л. Пашкевич [19], в работе которых рассматривались вопросы конструктивно-технологических решений детской одежды для роллеров с элементами трансформации.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы.

Теоретико-методологическое обоснование принципов формообразования в дизайне одежды положено в основу многих научных трудов и теорий. Формообразование, как процесс исследовалось не только в сфере дизайна и проектирования, но и в направлениях философии, культурологии и истории в работах Ж.-Л. Бессона [3], Н.М. Каминской [7], Л. Кибаловой, А. Гербеновой, М. Ламаровой [8]. В этих работах были рассмотрены вопросы организации костюма, как целого и изменения его форм и пропорций во времени, что связано со многими факторами: социальными изменениями в обществе, экономическим развитием, историческими событиями и прочее. Однако, существующие на сегодня результаты исследований недостаточно

раскрывают особенности проектирования школьного форменной одежды.

Цель статьи.

Вопросы составляющих дизайн-проектирования школьного форменной одежды наряду с концептуальными вопросами современного определения его задач также требуют решений, связанных с понятиями комфортности и эстетичности данного ассортимента изделий, а именно: эргономикой (проблема быстрого роста детей школьного возраста), эстетикой (пропорциональные соотношения и оригинальные решения) и экономическими факторами (возможностью пользоваться комплектом или отдельными его элементами большой период времени, ценовая политика и т.д.). Целью данной работы является исследования особенностей формирования школьного костюма и определения особенностей его формирования в различных странах мира.

При написании статьи были использованы комплексный подход, содержащий анализ научных источников связанных с исследованием вопросов дизайн-проектирования школьного форменной одежды и формообразования повседневной и специальной одежды, системно-структурный и морфологический анализ объекта исследования.

Изложение основного материала.

Среди особенностей проектирования школьного форменной одежды можно определить следующие факторы, влияющие на решение определенных проектных задач: возрастной (особенности развития ребенка в определенный возрастной промежуток), эргономичный (эксплуатационный) и др. Особенности роста ребенка и пропорций тела в определенные возрастные промежутки и психологическое развитие ребенка формирует критерии к проектным дизайнерских составляющих форменной школьной одежды. С целью определения особенностей дизайна школьных комплектов в странах мира было проведено исследование образцов и фотоснимков комплектов школьного форменного костюма, используемых в разных странах мира. На основе анализа образцов школьного костюма, можно выделить следующие типы комплектов: 1) сформированные регламентированные комплекты изделий (форменный костюма) 2) школьный дресс-код (свободно сформированные комплекты с форменной регламентированной единицей одежды (жакет, жилет), 3) свободный выбор одежды для школы с обязательными аксессуарами или нашивками; 4) свободный выбор одежды.

С целью определения особенностей проектирования школьного форменного костюма были проведены исследования образцов школьной одежды стран мира. В результате исследования было определено, что школьный форменный костюм может быть сформированы: 1) на базе исторического традиционного школьного форменного костюма, «осовремененного» с учетом

потребностей школьников; 2) на национальных традициях; 3) на религиозных традициях; 4) на современных стилистических решениях школьного форменной одежды.

Рассмотрим более подробно. Исторический традиционный форменный костюм, имеющий давнюю историю более 150 лет. Примером его может служить: современные варианты униформы старинных школ с историей более 150 лет - Christ's Hospital School, All Hallows 'School, Eton College. Старинный тип школьной форменной комплекта сохраняется и служит визитной карточкой заведения. Например, Christ's Hospital School где дизайн школьных форменных комплектов сохраняется с 1552 года. Конечно определенные элементы и технологии обработки были изменены, но общий вид и пропорции в комплекте остались в первоначальном виде. Комплект для мальчиков состоит из длинного темно-синего пальто, белой рубашки и коротких до колена темно-синих брюк. Устройство комплекта единственный для мальчиков всех возрастов. Пальто из шерстяной ткани, длинное (длинной до лодыжек), силуэтной формы трапеция, отрезное ниже талии по линии полочек и спинки, с вшивными двухшовный

рукавами, с центральной застежкой на шесть пуговиц; горловина закрытого типа с воротником «стойкой». Полочки без выточек, пришивная нижняя часть полочки имеет по линии отреза три односторонние складки и потайной карман спрятанный под складками. Спинка с бочками, отрезная часть спинки имеет шесть складок. Варианты формы рукавов форменной пальто данного заведения может быть три: вшивной двухшовный, вшивной двухшовный где по окату рукава по линии вшивания его в пойму, вставлена дополнительная деталь в виде жесткого крылышка, вшивной двухшовный со складками по окату. На задней части рукава шлица с тремя пуговицами. Рубашка белого цвета из хлопка, с вшивной планкой на трех пуговицах, с вшивным рукавом. Горловина с воротником «стойкой» и пуговицами для крепления галстука. Рукава рубашки классические с манжетами и застежками на пуговицах. Брюки из полушерстяной ткани, на поясе, длиной ниже колена с манжетами на застежках на два пуговицы. Интересны аксессуары в комплект - ярко желтые гольфы, кожаные ремни, галстуки (рис. 1).

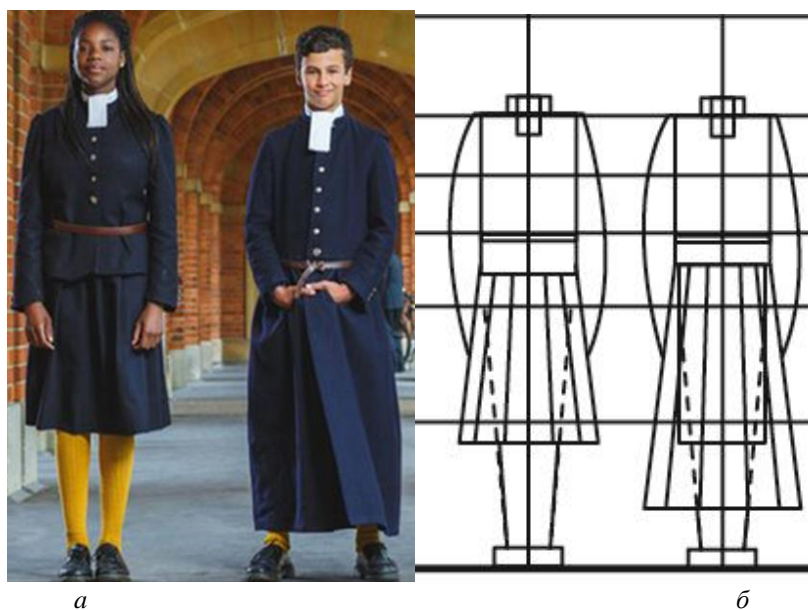

Рис 1. Комплекты школьного форменного костюма для учащихся Christ's Hospital School: а - образцы форменной одежды для мальчиков и девочек; б - структура костюма Christ's Hospital School.

Костюм для девочек, был разработан 1985 (как обновленный вариант для объединенной школы) состоит из жакета темно-синего цвета, белой рубашки и темно-синей юбки в складку длиной ниже линии колен. Жакет из полушерстяной ткани, длиной до линии бедер, прямого силуэта с вшивными двухшовный рукавами, с центральной застежкой на шесть пуговиц горловина закрытого типа с воротником «стойкой». Полочки с бочками, пришивными нижняя часть полочки имеет по линии отреза три односторонние складки и сокровенную карман спрятанную под складками. Спинка с бочками. Рукава такие как на пальто у мужчин. Рубашка прямая, без выточек с вшивным

рукавом с манжетами на пуговицах. Юбка (рис. 1) или длиной миди, до середины голени и в складку, обязательные карманы в боковых швах. Аксессуары к костюму у учащихся обоих полов одинаковы. Проведенный сравнительный анализ показал, что имея разную комплектность в форменном костюме мальчиков и девочек Christ's Hospital сохраняется одинаковый силуэт и декоративные элементы кроя. Сине-желтое цветовое сочетание и аксессуары (галстук, пояс, манжеты, декоративные пуговицы) завершают образ и делают его узнаваемым.

Дизайн школьного форменной одежды, основанный на национальном традиционной

одежде чаще всего можно встретить в странах Азии: Индия, Туркменистан, Вьетнам, Бутан. Школьные костюмы в национальных традициях можно выделить как: 1) комплекты современной одежды, где в отделке используются этнический декор; 2) комплекты в которых один или несколько элементов спроектированы в традиционном покрое и / или с традиционными элементами декора; 3) школьная форменная одежда - национальный костюм.

Школьные костюмы с элементами традиционного декора можно встретить во многих странах. Чаще всего это элементы классического школьного костюма (жакет, блуза, юбка, рубашка), украшенного традиционными орнаментами, вышивками и тому подобное.

Комплекты, в которых один или несколько элементов спроектированы в традиционном крое и / или с традиционными элементами декора можно выделить по типам: 1) основную одежду; 2) аксессуары.

Национальный костюм, используемый как школьный форменный встречается в странах Азии. Рассмотрим подробнее на примере образцов форменной школьной одежды школ Бутана и Индии.

Школьный форменный костюм Бутана - национальный костюм, полностью отражает политику государства Бутан, что в 1989 году

обязала всех граждан соблюдать дресс-код, и носить национальный костюм в общественных местах в рабочие часы. Комплект для мальчиков состоит из элементов национального костюма «таго» (англ. Toego), «гхо» и «тего». Таго представляет собой распахнутые рубашку белого цвета из хлопка или шелка, прямоугольного кроя, без застежки, одевают под «гхо» - мужской национальный халат на подкладке и с завязками. В комплект мальчики могут добавлять гольфы.

Комплект для девочек (рис.2) состоит из «вонджу», «кира» и «тего». Вонджу представляет собой распахнутую блузку из хлопка, чаще всего красного цвета. Сверху надевают «кира» (дзонг-кэ འཕྱོ་ར་ / འཕྱོ་ར་མཚ, англ. Kira), которая представляет собой прямоугольник из ткани, особым образом обернутый вокруг тела и закреплен декоративными элементами (брошами, булавками и т.п.) и поясом. Школьные костюмы для учениц Бутана завершаются «тего» - жакетом на подкладке без застежек, что одевают сверху. Как указано выше, цвета традиционной рубашки для мальчиков и блузки для девочек отличаются, но другие составляющие комплектов имеют одинаковые цветовые решения. Чаще всего «кира» и «гхо» могут быть выполнены из ткани в клетку или полоску, а «тего» - из однотонной ткани синего, темно-зеленого, черного цветов.

Рис.2. Школьные костюмы в национальных традициях :
а, б – Бутана с – Индии; d – Омана

В школах Индии, дизайн школьного костюма для девочек на основе традиционной одежды может существовать в двух видах: 1) как сари в определенных цветах, 2) как модели разработаны на базе shalwar qameez - традиционной одежды, состоящий из широких брюк шальвар, суженных к низу и длинной рубашки или туники. В качестве аксессуаров в комплекте могут использоваться элементы такие как жилеты различной длины, дхупатты (традиционный палантин), пояса (рис 2в).

Школьный форменный костюм, дизайн которого разработан в религиозных традициях

чаще всего встречается в исламских странах и отражается в школьном форменной одежде для девочек и мальчиков комплектами традиционных или европейских типов костюма, выполненных в определенных пропорциях и длинах с обязательными головными уборами в соответствии с религиозными нормами. Рассмотрим более подробно на примере школьных форменных костюмов для девочек Ирана.

В школах Ирана девочки и мальчики учатся отдельно. Для девушек в школах обязательный исламский дресс-код предусматривает в составе

школьного комплекта: манти (длинная рубашка, ниже линии бедер), брюк и обязательного головного убора типа - хиджаба (платок), или химаре, или хиджаба-амиры. Цвета и их сочетания в школьных комплектах могут быть разнообразны:

от розовых до черных. Комплект форменного костюма для девочек школ Ирана и схема его вариантов в исламских странах представлено на рисунке 3.

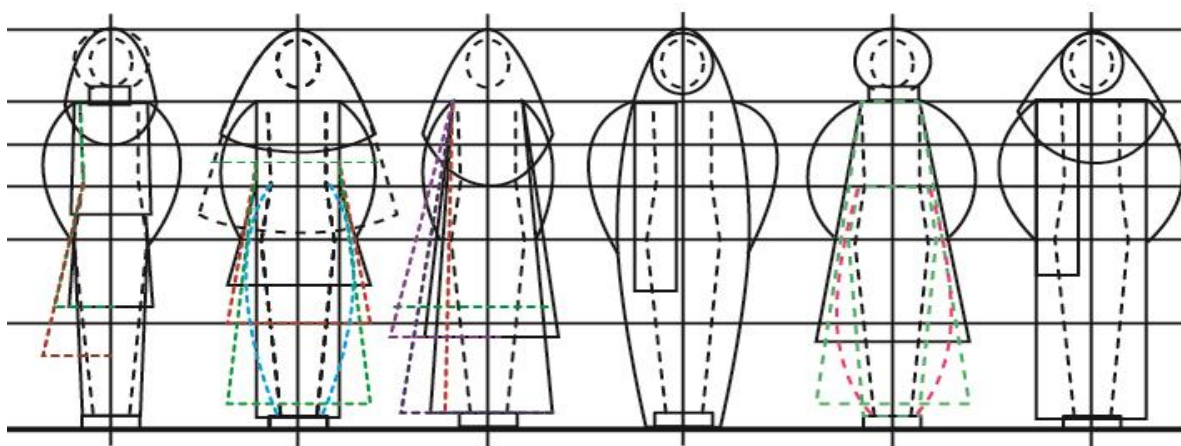

Рис.3 Схематическое изображение распространенных типов школьной форменной одежды для девушек в исламских странах

Варианты школьных форменных комплектов, основанных на современных стилистических решениях, встречаются практически во всех странах мира. Данный тип школьной одежды можно различить по стилям: 1) классический; 2) спортивный; 3) романтический; 4) милитари.

Как пример форменных костюмов в классическом стиле можно привести форменные костюмы школ Великобритании. Состав комплектов костюма в классическом стиле: 1) для девушек - блузка, юбка (сарафан) и / или брюки, джемпер, жакет и / или жилет; 2) для мальчиков -

рубашка, брюки, джемпер, пиджак и / или жилет. Комплекты школьной форменной одежды в классическом стиле отличаются прямой или полуприлегающий силуэтом, форма брюк прямая, юбки - прямые, трапеция подобные или в складку (рис. 4).

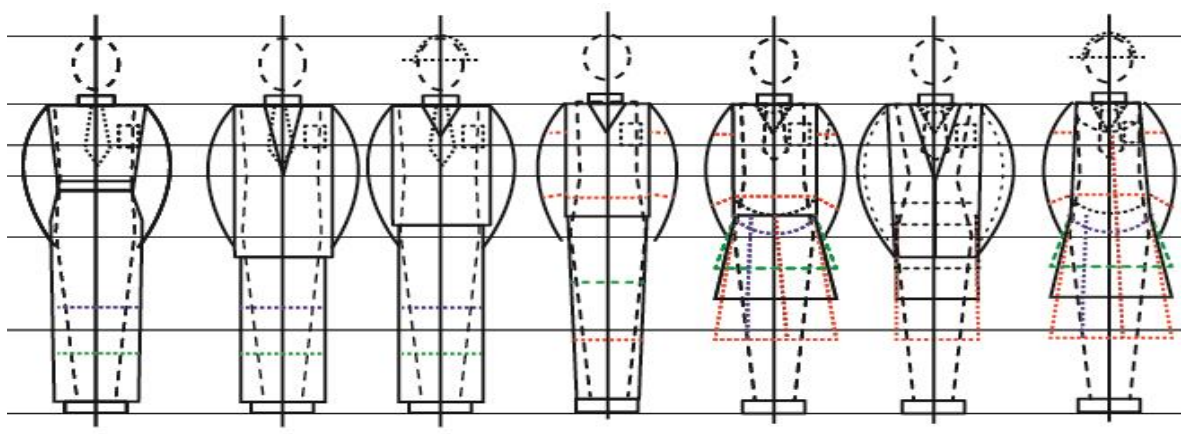

Рис.4 Схематическое изображение распространенных типов школьной форменной одежды в классическом стиле

Комплектность классического костюма может меняться в зависимости от климата: в странах с теплым климатом (Индия, Мексика, Гана, Шри-Ланка и т.д.) школьные форменные комплекты: 1) для мальчиков могут состоять из рубашки и брюк или шорт; 2) для девушек комплект может состоять из блузы и юбки или сарафана. Пропорции школьного костюма в классическом стиле тоже могут варьироваться. На рисунке 4 представлено схематические изображения распространенных

вариантов школьного костюма в классическом стиле и вариации распространённых длин его элементов.

Подбор цветов и их сочетания в комплектах школьной форменной в классическом стиле могут выделяться в зависимости от географического положения страны, климата, ее традиций и культуры. Как показал анализ в Северной Америке, Австралии и странах Европы наиболее распространенные базовые цвета в классических

школьных комплектах: синий, черный, серый, бордовый, которые могут сочетаться в комплектах с белым, голубым, синим. В странах Азии распространенными цветами классических школьных форменных комплектов являются: черный, синий, белый, голубой, розовый, черный. В Африке - черный, серый, белый, синий, желтый, зеленый, бордовый, бежевый. В странах Южной

Америки: черный, серый, синий, бордовый, зеленый, бежевый.

Школьные форменные комплекты в спортивном стиле распространены в Китае. Чаще всего это комплект спортивной одежды определенной модели и цвета, регламентируется школой. Исследования показали, что в комплектах в спортивном стиле часто могут использоваться джинсы, свитера и куртки свободного покроя.

Рис.5 Варианты школьной форменной одежды в: а – спортивном стиле; б – романтическом стиле; в – стиле милитари.

Проведенный анализ образцов школьного форменной одежды стран мира показал, что форменные школьные костюмы в романтическом стиле проектируются в основном для девочек. Основным признаками таких костюмов: 1) мягкие, женские формы и пропорции; 2) элементами декорирования могут быть: рюши, оборки, складки, сборки, банты, кружево, вышивки. Комплект школьного форменной одежды для девочек в романтическом стиле может состоять из платья и / или юбки с оборками и воланами, блузы с рюшами.

Стиль «милитари» в школьном форменной одежде можно встретить в странах Азии (Китай, Япония, Северная Корея) и России (рис. 5)

Анализ форм и пропорций образцов школьной форменной одежды стран мира показал, что в целом большинство стран Азии, Европы, Южной и Северной Америки, Африки и Австралии: одинаковые по комплектности, но структура и пропорции форменных комплектов в странах могут отличаться, что обусловлено климатом, национальными традициями и религией.

Исследование образцов показало, что пропорциональные соотношения в комплектах школьного форменного костюма в классическом стиле имеет определенные особенности в зависимости от возраста ребенка. Образцы форменной одежды для девочек младшего, старшего школьного возраста показали, что наиболее распространенная длина юбок ниже колена. В костюмах девочек чаще всего встречаются следующие пропорции вертикальных

членений : в классическом школьном костюме 2: 3,3: 4, 3: 7; на религиозных канонах 7: 2, 3: 2, 2: 5 ; национальных традициях 5: 8, 3: 7.

Для мальчиков пропорции составляют в: классическом - 1: 2, 4: 9, 5: 8; на религиозных канонах 4: 3, 3: 4; национальных традициях 4: 3, 3: 4, 5: 8. Определено, что в классическом форменном костюме для девочек пропорциональна длина юбки существенно отличается в зависимости от возраста. Для девочек младшего школьного возраста чаще встречаются длины юбки миди, составляет пропорцию к росту 2: 5, 2: 3 и 4: 9, а для девочек подростков чаще всего встречаются мини юбки длина которых составляет пропорцию к росту 1: 5 и миди. Как указано выше, в композиции школьного форменного костюма пропорциональность может реализовываться через соотношение форм, членений, площади различных фактур, цветов, размеров деталей, декоративных и отделочных элементов. Выбор тех или иных пропорциональных связей определяется функциональными и эстетическими требованиями, которым должен соответствовать изделие. Использование пропорциональных соотношений в дизайне форменной одежды является средством получения целостной формы, так как создает гармонию отдельных частей ансамбля и их сочетаний.

Выводы и предложения.

Решение вопросов, связанных с дизайном школьной одежды должны учитывать многие факторы. Проведенные исследования показали, что

школьный форменная одежда используется во многих странах мира и имеет определенные различия связанные с климатом и культурными традициями. Это влияет на формирование костюма, его комплектности, пропорции и цветовые решения.

Проведенные исследования образцов и фотоснимков школьного костюма разных стран мира показали, что дизайн данных изделий базируется: на историческом школьном форменной одежде, что «современенный» с учетом потребностей школьников; на национальных традициях; на религиозных канонах; на современных стилистических решениях школьного форменного костюма.

Анализ пропорциональных соотношений членений школьного форменной одежды показал, что наиболее часто встречаются пропорции: в форменной костюме девушек: классический - 2: 3,3: 4, 3: 7, на религиозных канонах - 7: 2, 3: 2, 2: 5, на национальных традициях - 5: 8, 3: 7. Для мальчиков пропорции составляют в: классический - 1: 2, 4: 9, 5: 8, на религиозных канонах - 4: 3, 3: 4, национальном - 4: 3, 3: 4, 5: 8.

Проведенный анализ пропорциональных соотношений в комплектах форменной одежды и его цветовых решений позволяет определить особенности композиций и формообразования ассортимента данных изделий для разработки новых современных решений школьного форменной одежды.

Список литературы:

1. Айкян Д. А. Исследование рынка тематической школьной формы / Д. А. Айкян / Международный научный журнал «Инновационная наука». - 2015. №10. - Уфа: Аэтерна - С. 240-241.
2. Баранец С.Н. Смысл для истории: о способах субъективной самореализации. / С.Н. Баранец./Человек и общество: на рубеже тысячелетий: Международный сборник научных трудов. - 2002. №. 11. - С. 42-46.
3. Бессон Ж. Л. Мода. ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. 80 с.
4. Васильева О.С. Дизайн шкільного форменого одягу: функціональний та естетичний аспекти. / О.С. Васильева /Art and Design. - 2019. №1(5). -К. - С.58-68.
5. Власова Т.А. Школьная форма в пространстве власти/знания. / Т.А. Власова / Весник Удмуртского университета. - 2009. №2. С.143-147.
6. Денисова О.И. Анализ зарубежного опыта введения школьного дресс-кода. / О.И. Денисова /Образование и наука.- 2016. №. 9 (138). - Екб -С. 136-152.
7. Камінська Н. М., Нікуленко С. І. Костюм в Україні від Київської Русі до ХХІ століття. Золоті сторінки, Харків. 2004. 208 с.

8. Кибалова Л., Гербенова М., Ламарова О. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артис. 1987. 608 с.

9. Колосніченко О. В., Пашкевич К. Л., Лозко Ю. Я. Художньо-образні особливості спецодягу в дизайні ХХ століття./ О. В.Колосніченко, К. Л. Пашкевич, Ю. Я. Лозко / Art and design. - 2019. №1.- К. - С 66-74.

10. Луцева И. Влияние школьной формы на становление личностных качеств ученика. / И. Луцева /Современная педагогика. - 2014. №7. С. 6-9.

11. Розробка моделей дитячого одягу на основі принципів біоніки і трансформації. / Т.І. Ніколаєва, К.Л. Процик, Л.В. Назарчук /Вісник КНУТД. -2011. №2. С. 178 – 184.

12. Паршутин И.А. Методы стимулирования учебной деятельности. Справочник классного руководителя - 2009. т.№4.-С. 25-32.

13. Паршутин И.А. Форменная одежда как фактор изменения личности /Паршутин И.А./Наука вчера, сегодня, завтра: сборник статей аспирантов, молодых ученых и преподавателей: в 3 т. Т. 2. – 2015 - Уфа: ОмегаСайнс. - С. 200-204.

14. Скрипченко А. Школьная форма – традиции и современный взгляд. / А. Скрипченко./ Актуальні проблеми сучасного дизайну: збірник матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції. Київ : КНУТД, 2018. Т. 1. С. 402-405.

15. Савчин М.В., Василенко Л.В. Вікова психологія. К: Академвидав, 2005. 360 с.

16. Токмянина С.В. Дизайн в современном информационном обществе./ С.В. Токмянина / Дискурс-Пи. Екатеринбург. 2002. №2 С. 28.

17. Craik J.(2003) The Cultural Politics of the Uniform. Fashion Theory №7. P. 127-147.

18. Kolosnichenko O.V., Ostapenko N.V., Kolosnichenko M.V.(2016). The development of new forms of special clothes by design projecting methods. Vlakna and textile. № 2. P.3-9.

19. Omelchenko G.V., Kolosnichenko M.V., Donchenko S.V., Pashkevich K.L. (2016). The Process of Designing the Children's Clothes for Trainings on Roller-Skates. Fibres And Textiles. № 4. P. 21-26.

20. Sanchez J., Yoxsimer A., Hill G. (2012). Uniforms in the Middle School: Student Opinions, Discipline Data, and School Police Data. Journal of School Violence.. №11. P. 345–356.

21. Wade K.K., Stafford M.E. (2003). Public school uniforms: effect on perceptions of gang presence, school climate, and student self-perceptions. Education and Urban society. №35: 399–420.

22. Wilken I., Van Aardt A. (2012). School Uniforms: Tradition, benefit or predicament? Education as Change, №16, P.159-184.

Kozorezenko¹, I. Orlov²

1. The candidate of art criticism, the associate professor, the head of the department of IR MSAIAA of S.G. Stroganov, Russia. Moscow, Volokolamskoye Highway, 9.

2. Doctor of Art Studies, Professor of Lipetsk State Technical University, member of Russian Academy of Sciences and Arts (St Petersburg), International and European Academy of Natural History (Unated Kingdom-London), Doctor of Science, Honoris Causa from International and European Academy of Natural History (Unated Kingdom-London). Lipetsk State Technical University. Russia. 398055, Lipetsk, Moskovskaya str., 30

SOVIET PAINTING OF «SEVERE STYLE». PROBLEM HISTORIOGRAPHY.

Summary: Judgment of the difficult cultural and art phenomena of the Soviet fine arts from Khrushchev's "thaw" to Post-Soviet "decadence" went a long way for the last 30 years. Researchers stated extreme views, from banal ascertaining of the single phenomenon in the general context of the Soviet art of the sixtieth years, by fixing of its art value through concrete works in the seventieth and, finishing hot polemic in the late eighties - the ninetieth years. Quite considerable number of publications 1980 - 90 - x years in which the phenomenon of "severe style" is considered "under a microscope", obviously speaks about the deep and serious analysis of this phenomenon of the Soviet art in comparison with the previous decade of interesting searches of men of the seventies, for the period of "severe" which covered creativity. Persistent interest in the Soviet fine arts 60 – 70 - x for of the XX century is presently a natural consequence of change of cultural paradigms and shows confusion before diversity and diversity of the modern fine arts. Therefore, first of all, the ideological and art programs of "severe style" setting a vector of the movement from a publicistic expression in its early period to religious philosophically art judgment of problems of life in the next decades have to become a subject of a serious art criticism research.

Keywords: soviet art, socialist realism, severe style, men of the sixties, iconography, romanticism

Introduction. In particular, to the fine arts of the Soviet period, very many publications, both in the second half of the XX century, and during the late Post-Soviet period are devoted to the great Soviet culture of the 20th century. The era of socialist enthusiasm of "a storm and an impact" attracted and involves to itself many art critics with brightness power, passionarity of the proceeding cultural and art processes defining new quality of the Soviet bytiyny space. Judgment of the difficult cultural and art phenomena proceeding in development of the Soviet fine arts from Khrushchev's "thaw" to Post-Soviet "decadence" went a long way for the last decades. Researchers stated very extreme views, from banal ascertaining of the single phenomenon in the general context of the Soviet art of the sixtieth years, by fixing of its art value through concrete works in the seventieth and, finishing hot polemic in the late eighties - the ninetieth years. Quite considerable number of publications 1980 - 90 - x years in which the phenomenon of "severe style" is considered "under a microscope", obviously speaks about the deep and serious analysis of this phenomenon of the Soviet art in comparison with the previous decade of interesting searches of men of the seventies,

for the period of "severe" which covered creativity. The new surge in great interest in the Soviet heritage in graphic creativity 60 – 70 - x of the XX century during our postmodern period obviously demonstrates the serious crisis which arose owing to change of cultural paradigms which shows lostness of society before loudly "shouting" diversity of modern graphic language and art. [1.]

Research objective: Today need of identification of ideological and art reference points of the creative positions of "severe" artists which had an impact on addition becomes more and more relevant. This relevance is caused, first of all, by critical accent which was present earlier at a research of domestic culture of the XX century where the main emphasis was placed on insufficiently studied or very contradictory problems. Though, gradually there is a positive trend of more objective, "out of political" judgments of many already known processes. Proceeding from the aforesaid, special importance is gained by use of the system approach synthesizing together achievements of early domestic art of 1910 - the 1930th and all world cultural and art fund. Original synthetic creative thinking of representatives of "severe style" managed

¹ Кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой ИР МГХПА им. С.Г. Строганова, заслуженный художник РФ. Россия. Москва, Волоколамское ш., 9

² Доктор искусствоведения, профессор Липецкого государственного технического университета, член-корреспондент РАЕ, академик Международной и Европейской академий естественной истории (IANH and EANH), «Doctor of Science, Honoris Causa» IANH (Unated Kingdom - London), академик Национальной академии дизайна РФ. Липецкий государственный технический университет. Россия. 398055, Липецк, ул. Московская, 30

to transform harmoniously art practitioners of various traditional styles and the directions which were divided centuries from each other. Many artworks of masters of "severe style" bear in themselves not only some peculiar features of author's originality. Often they create own cultural and art space filled with original innovative experiments. In our opinion, "severe" as if would stretch ropes with which pulled together practice of pre-revolutionary and post-revolutionary art of the 20th century and heritage of Old Russian and European creativity of old masters. For this reason, it is necessary to study attentively rich cultural and art heritage of the late Soviet period (especially 60 – 70 - x of the 20th century), having separated, so to speak, "grains from a ryegrass", selecting everything the most valuable to preservation of general historical cultural space of a uniform Russian civilization.

Results of a research and their discussion. The Soviet art creativity of the 60-80th years, including, generated the strong, outstanding works relating to so-called "severe style". The art phenomenon of masters of "severe style" personified the most interesting cultural and religious movement of the Soviet fine arts of the second half of the 20th century which marked the beginning of new development of domestic painting and had significant effect on its further development. For the fiftieth anniversary at assessment of "severe style" as any large art phenomenon, various judgments express. This direction gave rise earlier and generates the mass of contradictory opinions today. At the same time, fixed attention enthusiastic recognition of its special role in the history of the Soviet art - denial or underestimation of its importance was replaced by oblivion, and. Today the next round of interest concerning painting of "severe style" during which articles and monographs are written is noted, catalogs of works are published, and cloths are exhibited at structure of the largest exhibitions and at Russia and around the world. Especially It should be noted the interest shown by the famous private collectors and auction houses to painting of masters of "severe style" that emphasizes once again timeless a continuum of this genre. As designers (architects-artists), we can draw a rough analogy: severe style in painting, it is kind of modernism (not to confuse with a modernist style) in design and architecture. Vulgar simplification should be considered that the severe style, having left socialist realism, became its logical continuation. By no means, the severe style is turned to Deyneki's creativity antagonistic to both vanguard and a formalism more likely. In this sense the severe style should be considered original Russian painting, originally the "secular iconography" though which fell on the Soviet period. Speaking about execution, we would allocate the following receptions in this style: dabs are large, but at the same time the having clear boundary, because many works remind a panel, monumental painting. Original painting "severe" most often monochrome, a palette of works is intentionally limited, in works quite often use three - four primary colors. Special "rublennost" of forms is inherent in style, and even the easy floating clouds in pictures have

concrete outlines and can remind geometrical objects. Compositions of pictures, as a rule, intentionally gruzna, kind of, "ordinary", and silhouettes deliberately angular, as if executed from a stone. To put it briefly, severe style - masterly executed "rough" professional painting. The severe style formally comes to an end approximately in the late seventies (having given an impetus to the subsequent artists), however its influence is big even today. It is worth looking at Yu.I. Bosko, N.P. Eryshev, E.A. Kazantsev, P.P. Kozorezenko, N.N. Krapivin, V.F. Samarin's works to be convinced that the severe style became the special Russian picturesque direction. The first shy attempts to somehow define new art the direction arisen in painting of the 1960th years were made in parallel with the birth of this movement. So it was bright and unexpected. However, even before emergence of the first large "proto-severe" works, in the art criticism environment and in periodicals the issue of modern style of the Soviet painting was very violently discussed. The discussion lifted by the art critic of H.A. In 1958 [2., page 190] found Dmitriyeva the continuation during the round table organized by the Tvorchestvo magazine. This heated debate was directed to understanding of the processes happening in the late fifties in art of the USSR. Discussion revealed a number of formal criteria of modern style which distinctive features considered lapidarity, monumental generality, a picturesque grafichnost and an expression of an art form. These quite exact trends shown in painting of the younger generation of artists were called by Alexander Kamensky terms: "severity", "courageous simplicity", "severe truth". [3.] Definitions were at once picked up by art criticism and began to appear in various publications. Finally the phrase "severe style" was practically fixed in terminology of art critics at once after issue of Article A. Kamensk "Reality of the metaphor" published in the Tvorchestvo magazine for 1969. [4] It should be noted that the term "severe style", as well as any term in the history of arts, it is necessary to understand very conditionally as it covers too wide range of names and quite considerable historical piece. There was this term, most likely, on a wave of penetration into the sphere of art criticism of fashion for lessons of the French "formal school" in philosophy and an esthetics, for representatives which the category of style already was fundamental. For example, the world history of art seriously was understood by representatives "formal school" as history of styles. A.M. The cantor quite fairly noted the fact that the term "severe style" initially was given too "broad sense" owing to what began to call this term practically any art of 1950 - the 1960th years which though in something differed from the established formal "canons" of socialist realism. "It is clear that in this case it is impossible to speak about any uniform style, and the Soviet art, having hardly left from under guardianship, began to break into at once numerous streamlets" [5.], - the Cantor notes. Art critic of B.C. Manin also emphasizes, ambiguity and vagueness of outlines of "severe style" as the defining criteria of the "new" direction. "Certain masters left aside, but neither the

right step, nor a left step led to death of all direction... it is also difficult to establish chronological limits of "severe style" which some representatives remained are faithful to themselves until the end of the 20th century, and others changed creative addictions", [6., page 10] - V.S. Manin writes. From here it is necessary to assume that "the severe style" is the certain certain "system of coordinates" describing esthetic, moral and style features of art phenomena. In other words, characteristic "severe" can express the certain semantic intonation arising from the aspiration to oppose naive and cheerful art of socialist realism and "special art" of young artists of an era of "thaw". To speak about "severe style" in its finished form (as about a concept) it is very problematic as in this art direction masters very diverse on the style preferences coexisted. Especially, according to authoritative opinion of B.R. Vipper one of essential signs of addition of new art style, disclosure of new style in different types of art always acts. And first of all, B.R. Vipper - in architecture considered: "when signs of style appear in architecture, it means that the style is formed". [7., page 12] In other cases, Vipper considered, it is possible to speak rather only about formation of the direction or certain general stylistic trends of this period of time. Proceeding from the aforesaid "the severe style" can be understood doubly, as in its narrow semantic value (mainly Moscow school), and in wide, including similar art manifestations in other regions and the Soviet republics. The scientific and popular scientific literature devoted to severe style published at a boundary of the 1990th - the 2000th years, dazzles with a variety, though includes serious researches. So on pages of the *Tvorchestvo* magazines [8.], "Art" [9.], "Decorative art", "Artist" - the questions connected with consideration of characteristics of the direction and definition of sign works were designated. [8.] In parallel with the critical works devoted to "severe style" appear as well the generalizing scientific research which is basic when studying dynamics of all direction in general. Approximately in the 1980th years when there was a certain historical distance, became possible to generalize the saved-up graphic material. A.A. Kamensky in the book "Romantic Installation" (1989) analyzes historical conditions, ideological and graphic features, the evolution which happened in creativity "severe" for 1950 - the 1970th [10., page 190] Kamensk also especially focuses attention on the underestimated aspects of "severe style", in particular on aspiration to metaphoricalness and width which the criticism did not notice even in "rather favorable responses". [10.] The serious and sound analysis of painting of "severe style" can be found in A.I. Morozov's works of the 1980th years. One of such important works book "Generations of young people. Painting of the Soviet artists of the 1960-1980th years", published in 1989. [11., page 17] the Author of this book investigates art of "severe style" from various parties, outlining a circle of the interests consideration of questions of continuity of works of painters of "severe style", revealing value of artistic touches of new artists, "severe" for the subsequent generations.

Frosts in the book "The artist and the world of the personality. Creative problems of modern portrait painting" fixing the attention on features of a portrait genre of "severe", allocates a factor of enthusiasm for a certain "chamber form" and naive "pravdoiskatelstvo" which appears in works by men of the seventies, taking sources in painting of "severe style". [12., page 59] Over time series of albums devoted to works and authors of "severe style" are born. From which, for example, especially It is necessary to distinguish work "Nikolay Andronov: Painting. Monumental art" Sarabyanova D.V., and publication B.C. Manina who is devoted to Victor Popkov's painting. [13.] In addition, it is very useful to address a research of the Soviet phenomenon of "severe style" in numerous works of the western colleagues. So in the interesting monograph "The Soviet art: painting, a sculpture and architecture in the one-party state, 1917 - 1992", is devoted to a subject of art of "severe" Suzan Read's article "Memory art": retrospectivism in the Soviet painting of an era of Brezhnev" ("The "art of memory": retrospectivism in Soviet painting of the Brezhnev era"). [14.] The author of article in particular notes the fact that artists of "severe style" in the creative search processed usual subjects of socialist realism consciously to emphasize still big "severity" of real life. [14., river 165] Mathew Baum in the book "Art at Stalin" investigates the Soviet art at a boundary of 1950 - the 1960th years and already in the epilog "Art after Stalin, 1956-1990" ("Art after Stalin, 1956-1990") notes special "inevitability" of emergence of "severe style". [15., river 230] Baum, in particular tells about the subsequent influence of this style and its further wide circulation in art of the 1960th at what, in very disputable opinion of the researcher, characteristic of this decade is more logical to consider this direction as special style of socialist realism. We are represented very disputable to consider art of "severe style" any branch of socialist realism as works by "severe" artists differed from the most characteristic cloths of the forthcoming period, both on formal, and on the ideological orientation markedly. In the most part of the researches published after "disintegration" by the USSR in the 2000th years in the Russian magazines on art, for example such as: "Academy", *Artkhronika*, "Dialogue of arts", "The Russian art", Tretyakov gallery, "The art magazine", a terminology problem of "severe style", a problem of its chronology and further distribution, remains debatable (however, as well as semantic contents of the term). So, for example, the researcher A. Bobrikov in article "Severe style: mobilization and the cultural revolution" [16., page 30] quite safely calls the direction of "severe style" - the peculiar "Soviet Reformation". And, the author treats ideological and art programs of "severe" artists as "... individual experience of the main values of Bolshevik religion (including a historical mystery of Revolution and Civil war) - instead of collective execution of ceremonies". [16., page 30] Having made such bold statement, Bobrikov notes that over time in works by masters of "severe style" not attendees by it "seclusion and intimacy" therefore in their late works some works

in the spirit of "peculiar silent "Biedermeier" appeared began to be shown earlier. [16., page 30] Youthful "severity", according to Bobrikov, was gradually transformed to certain "depressiveness", and slightly later in painting there was a natural drift to coast of "gloomy romanticism" or even certain "philosophy of despair". It can be observed in the so-called "Ferapontovo cycle" of artists of Nikolay Andronov and brothers Smolin. There are also more rigid opinions. In 2004 A. Kovalyov in the monograph "Introduction to art political economy of an era of "stagnation" stated the offer to mean by the term "severe style" in general two separate options of style which corresponded to eras of "thaw" and "stagnation". And, "severe" A. Kovalyov sees presence of intonations of a certain neglect and condemnation in the assessment of creativity. Thus, Kovalyov kind of at all rejects all importance of experience and heritage of men of the sixties, is groundless criticizing "severe realism" as the phenomenon of art culture. Such radical statement quite keeps within modern tendentious statements of young art critics that the quality of painting in general is not so important that just and lays down on modern fashionable concepts of vision of the fine arts. However, nevertheless recently even more often there are serious works which authors consider the various thematic directions in creativity of masters of "severe style". So, for example, the master's thesis of L.K. Bondarenko "A village subject in works of the Soviet painters of the 1960-1970th years" was devoted to detailed studying "rural" subject in creativity of "severe". In a number of the modern researches concerning painting of masters of "severe style" the emphasis on direct influence of masters of the Russian vanguard, for example the known community "Jack of Diamonds" is persistently placed. And, researchers especially note influence of painting of Robert Falk, Aristarkh Lentulov, Alexander Kuprin, Alexander Osmorkin, Ilya Mashkov, Pyotr Konchalovsky. Some art critics pay attention to that fact that influence of these artists was shown in the form of original independent experiences without being simple imitation or loan of others artistic touches on own cloths "severe".

Conclusions. Growth of number of special publications 1990 - 2000 - x the investigating a phenomenon of "severe style" the certificate of quite fixed and serious analysis of this phenomenon of the Soviet art in comparison with the previous decade of interesting searches of men of the seventies - the eight-foremen who for a while "removed" studying of original creativity "severe". Authors of these numerous publications bring everyone in own way something new in understanding of that direction. Expressing individual opinions and giving the estimates, authors of publications, undoubtedly, enrich understanding of both formal, and substantial characteristics of this unique phenomenon of domestic art. Despite diversity of "severe", it is possible to reveal the certain general signs uniting creativity of various masters and relatives on mood of a cloth, perceiving them as the uniform

direction. Therefore, first of all, the ideological and art programs of "severe style" setting a vector of the movement from a publicistic expression in its early period to religious philosophically art judgment of problems of life in the next decades have to become a subject of a serious art criticism research.

List of references:

1. Тавризян Г.М. О. Шпенглер и И. Хейзинга - две концепции кризиса культуры. - М.: Искусство. 1989. - 269 с.
2. Дмитриева Н. К вопросу о современном стиле в живописи // Творчество. -1958.- № 6. - С. 9-12.
3. Каменский А.А. Романтический монтаж / А.А. Каменский. М.: Советский художник, 1989. - 344 с.: ил., цв. ил.
4. Каменский, А. Вернисажи / А. Каменский. - М.: Советский художник, 1974. - С. 470-471.
5. Кантор А. Суровый стиль личности // Интернет-публикация: http://art.lseptember.ru/2004/08/no08_1.htm [Дата обращения: 04.02.2012].
6. Манин В.С. Русская пейзажная живопись / В.С. Манин. М.: Белый город, 2000. - 632 с.: цв. ил.
7. Виппер Б.Р. Становление реализма в голландской живописи XVII века / Б.Р. Виппер. М.: Искусство, 1957. - 335 с.: ил.
8. Акимова И., Ройтенберг О. Вставка художников Москвы. Живопись // Искусство, 1956, № 4. С. 39 - 44. Акимова И. Молодежь в искусстве// Творчество. -1959. - № 1.- С. 5 - 9.
9. Акимова И. Молодежь в искусстве// Творчество. 1959. - №1.- С. 5 - 9.
10. Каменский А.А. Романтический монтаж / А.А. Каменский. М.: Советский художник, 1989.- 344 с.: ил., цв. ил.
11. Морозов А.И. Художник и мир личности: творческие проблемы современной портретной живописи. / А.И. Морозов. М.: Советский художник, 1981. - 167с.: ил.
12. Морозов А.И. Поколения молодых. Живопись художников 1960-х -1980-х годов / А.И. Морозов. М.: Советский художник, 1989. - 256с.: ил.
13. Сарабьянов Д.В. Николай Андронов: живопись, монументальное искусство: альбом. / Д.В. Сарабьянов. М.: Советский художник, 1982. - 136с.: ил., цв. ил.
14. Ails Rosenfeld, eds. Defining Russian Graphic Arts: From Diaghilev to Stalin, 1898-1934. Exh. cat. Jane Voorhees Zimmerli Art Museum, Rutgers University, 1999. - 270 pp., 74 color ills.
15. Matthew Cullerne Bown. Socialist Realist Painting. New Haven: Yale University Press, 1998. - 506 pp., 184 color ills.
16. Бобриков А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция / А. Бобриков // Художественный журнал. - 2003. - №51/52. - С. 25 - 29.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мищенко Т.А.

к.и.н. доцент

ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского»,
филиал БГУ в г. Новозыбкове
г. Новозыбков, Брянская обл., РФ.

Клименок К.Н.

студентка V курса

направления подготовки

«Педагогическое образование»

профили

«История», «Обществознание»

ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского»,
филиал БГУ в г. Новозыбкове
г. Новозыбков, Брянская обл., РФ.

СОВЕТСКАЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к анализу визуальных источников по социальной истории XX в., представлены возможности мультипликации для понимания советского общества, предложена методика организации клубной внеурочной деятельности школьников на основе проведения тематического киноклуба «Постигая советское»: мультипликация как исторический источник. Рассмотрены и описаны основные понятия и принципы клубной деятельности.

Ключевые слова и фразы: визуальные источники, советское общество, киноклуб, внеурочная деятельность, методика организации, участие в клубах.

Мы с уверенностью можем говорить о том, что культура XX века визуальна, и не просто визуальна – она кинематографична. Дети во дворе играют в героев фильмов, люди в разговорах соотносят свои переживания и происходящее в их жизни с сюжетами фильмов, если мы посмотрим альбомы с фотографиями – вокруг которых выстраиваются многие ритуалы частной жизни – кинокадры служат образцами для построения многих снимков, люди имитируют в своей жизни сцены из кино, этот опыт оказывается переплетен и загрязнен, по-разному, но отрицать влияние кино трудно.

Использование визуальных репрезентаций для изучения социокультурных особенностей, редко фиксирующихся в текстах, превратилось в общий метод для ряда гуманитарных направлений исследований. Однако во второй половине XX в. технические возможности производства визуальных объектов резко возросли, как и варианты их восприятия и приобщения к визуальному в социокультурном контексте. Визуальные антропологи, социологи, специалисты в области visual studies, cultural studies, film studies пересмотрели взгляды на социальную реальность и активно приступили к использованию визуальных образов в исследованиях культуры, социального опыта, личности, социальных групп. Интерпретация визуальных артефактов вызвала многочисленные дискуссии, которые можно определить как «споры о методах визуальной антропологии»: «Кому принадлежит право

интерпретации образа – его создателю или зрителю? О чем позволяют людям высказываться фотографии и вещи?» [4]. Так, антрополог-кинематографист Дэвид МакДугалл предложил концепцию рефлексивной, перформативной антропологии, где мы встречаем утверждение об изучении культурного опыта через визуальное и вербальное: «Текст и образ должны рассматриваться как равноценные и не воспринимать визуальное через призму вербального. Как пишет МакДугалл, «письменное» и «визуальное» не говорят *по-разному*, они говорят *разное*» [2.Р.322]. Проблема изучения визуального поднимается и исследователем из Бостона Ричардом Челфеном, специалистом в области визуальной социологии, коммуникации и медиа: «В центре проблемы-что делать с визуальным, мы сталкиваемся с трудными вопросами, относящимися ко всем символическим системам, а именно – с отношением между значением, репрезентацией и информацией» [1.Р.142]. Автор представляет преимущества использования намеренно двусмысленной фразы «Как они выглядят?» для понимания сдвигов в построении смысла и доказательств, прилагаемым с изображениями с «поля»: «How They Looked?» может быть прочитано и «How They Look?».

Визуальные продукты культуры могут изучаться с помощью интенсивного творческого метода анализа во внеучебной деятельности вуза и школы. Удачной формой общения педагогов, школьников, студентов и других заинтересованных

темой представителей общественности является кино клуб.

Прежде всего, считаем целесообразным согласиться с позицией, задекларированной в публикациях Архангельского Н.В. [3.С.117] относительно того, что воспитание подрастающей личности следует осуществлять на основе новой методологии, которая стимулирует их активное участие в организации досуговой деятельности.

Клуб – это социально-культурный центр духовного развития, творчества и отдыха людей, который создан и функционирует, как правило, на основе общественной инициативы. Его деятельность направлена на удовлетворение интересов людей в стремлении к общению и совместному проведению досуга.

На основе анализа позиций российских педагогов Н.В. Архангельского, А.Ф. Лалетинной и С.Ю. Андриади можно сделать вывод о том, что клуб – творческое объединение учащейся молодежи, с общими занятиями и интересами [3.С.117; 5.С.82-87; 6.С.166]. Он является школой обучения, воспитания и общения. В клуб приходят ученики, которые желают в совершенстве освоить определенный вид деятельности, получить углубленные знания в конкретном практическом деле, а также разнообразить свой досуг.

Творческое использование потенциала клуба как социального института духовной жизни общества требует непрерывного творческого поиска интеллектуальных и эмоциональных сил всех участников клубной работы. Участие в клубах требует соответствующей подготовки, овладения определенным уровнем знаний и умений. Учитывая это, клубный работник должен быть мастером своего дела, умело и профессионально осуществляет руководство. По своей сути клубная работа требует от руководителя высокого уровня педагогических знаний, способностей. Руководитель должен иметь сформированное желание работать в сфере организации клубного досуга.

Как доказывает практика, школьные клубы должны учитывать принцип научности, который является обязательным для их создания и практической деятельности. Этот принцип является одним из ведущих для функционирования школьных клубов. Прежде всего, научными должны быть подходы к обоснованию целей, содержания, методов и форм, которые введут в практическую деятельность школьного или студенческого клуба. Наш опыт организации кино клуба с общей темой - «Постигая советское»: мультипликация как исторический источник, - имеет цель ознакомление участников с формированием образа СССР и советского общества через мультипликацию. В мультфильмах представлены различные персонажи, которые стали символами советской эпохи, отражением идеального характера советского человека. Это люди различных профессий, возрастов, жители сел и городов. Даже сказочные персонажи играют значительную роль в отражении образа страны. Именно мультипликационные фильмы формируют

личность ребенка. Они создаются людьми в процессе осознанной и целенаправленной деятельности и служат им для достижения конкретных целей, следовательно, они несут ценную информацию об их создателях и о том времени, когда были созданы. Чтобы извлечь эту информацию, необходимо понимать особенности и условия возникновения исторических источников. Информацию из источника важно не только извлечь, но и критически оценить, а также правильно интерпретировать. Мультфильм является прекрасным способом пропаганды. В советское время это прекрасно понимали, поэтому их сюжетам уделялось особое внимание. Мультипликация осуществлялась преимущественно через демонстрацию советской действительности в ее идеализированном варианте.

Рассмотрим анализ мультфильма «Небесная история» как исторического источника, раскрывающего представления людей об идеальном советском в начале 1960-х гг., а также о тенденциях будущего, заданных сюжетом мультипликационного фильма. Он был снят на студии «Союзмультфильм» в 1962г. и стал режиссёрским дебютом Юрия Прыткова. Второй режиссер – Витольд Борзиловский. Ведущий клуба предлагает во время просмотра фильма анализировать происходящее, прогнозировать развитие событий, проводить параллели с жизнью, фиксировать свои ассоциации. Можно делать заметки по ходу фильма, фиксирующие важные детали, фразы в речи героев, эпизоды, вопросы, которые возникли, ассоциации. После просмотра (около 8 минут) ведущий обращается к вербализации первого впечатления аудитории мультфильма. О чем фильм? Поделитесь своими впечатлениями от фильма. Какое настроение было во время просмотра и после? Понравился вам фильм или нет? Почему? Какие эпизоды показались вам наиболее интересными?

Затем присутствующие обсуждают основные вопросы дискуссии:

1. Обратите внимание на музыку, которая звучит на титрах в самом начале мультфильма. Соотнесите ее с названием мультфильма и тематикой, которая в нем заложена. О чем это говорит?

2. Как в самых первых кадрах мультфильма изображены небожители? На бытовом уклад какого сословия из прошлого это похоже? Случайно ли такое сходство?

3. Вспомните, кем, согласно православным религиозным представлениям, является Илья Пророк? Почему создателями был выбран именно этот святой? Что вы можете сказать об образе, представленном в мультфильме? Почему он выставлен именно в таком свете?

4. Благодаря чему небожители сначала покидают небо, а затем и космос совсем? Почему именно так?

5. Вспомните фрагмент мультфильма, когда небожители попадают в космос. Как на это реагирует Всевышний? Как это его характеризует?

6. Весь мультфильм заканчивается фразой Всевышнего: «А мне куда?!». Ответа же на этот вопрос не последовало. Предположите этот ответ.

7. Сделайте общий вывод о характере и целях появления этого мультфильма.

Мультфильм «Небесная история» ярко отражает идеологическую ситуацию в советском обществе начала 1960-х гг. Антирелигиозная пропаганда велась очень активно, по всем направлениям, по всем возрастам. Фильмы создавались для взрослых, дети же перевоспитывались через мультфильмы. В мультфильме помимо антирелигиозной пропаганды активно развернута и пропаганда достижения отечественной науки. Мы видим здесь: - Ту-104 — первый советский реактивный пассажирский самолёт.

В период с 1956 по 1958 год, из-за приостановки по техническим причинам полётов британского реактивного авиалайнера «Комета», Ту-104 был на тот момент единственным эксплуатирующимся реактивным авиалайнером в мире; - Ту-114 «Россия» — самый большой и самый скоростной в мире турбовинтовой пассажирский самолёт, спроектированный в СССР в 1955 году на основе бомбардировщика Ту-95. - Спутник-1 — первый искусственный спутник Земли, советский космический аппарат, запущенный на орбиту 4 октября 1957 года. - Спутник-2 — второй космический аппарат, запущенный на орбиту Земли 3 ноября 1957, впервые выведший в космос живое существо — собаку Лайку. - Восток-1 («Восток») — космический корабль из серии «Восток», первый космический аппарат, поднявший человека на околоземную орбиту (Ю. А. Гагарин). Также показаны корабли Восток-2,3 и 4. Однако, интересно заметить, что Самолёт, который разрушает колесницу Ильи-пророка, имеет 4 винтовых мотора и никак не может быть Ту-104, который был показан и упомянут чуть раньше. Также в мультфильме космические корабли «Восток-1» и «Восток-2» находятся в космосе одновременно, чего в действительности не было. А вот показанный дальше совместный полёт «Востока-3» и «Востока-4» был на самом деле.

В рамках одной встречи на кино клубе мы рекомендуем обсудить еще один мультфильм, который длится около 15 минут: «Конец черной топи» (1960 г.) — советский кукольный мультфильм-сказка, снятый на студии «Союзмультфильм». Режиссёр — Владимир Дегтярёв, известный и своими рисованными мультфильмами («Паровозик из Ромашкова»), но большинство его работ - кукольное кино. В основную дискуссию включим следующие вопросы:

1. Охарактеризуйте музыкальное сопровождение мультфильма, проследите его изменения. Есть ли в этом какой-то особый смысл, задумка авторов?

2. В чем заключается контраст между Черной топью и всем, что находится за ее пределами? Случайно ли это?

3. Какими показаны главные герои данного мультфильма? Свой ответ обоснуйте, приведите примеры.

4. Как реагируют дети на появление в лесу Бабы-Яги? Как реагирует на слова детей сама Баба-Яга? Прокомментируйте фразу Бабы-Яги : «Ну и дети нынче пошли!».

5. Почему, согласно словам лектора, читающего лекцию в местном клубе, вообще появилась вера в Леших, Домовых и прочих существ? На что он, возможно, намекал, говоря, что сейчас это грубый пережиток прошлого, ненужные суеверия?

6. Обитатели Черной топи в итоге покинули свое многовековое пристанище, и ушли в сказку. Топь в скором времени исчезнет. Однако думается, что это все символично, это не просто переход из одного места в другое. А что это, по-вашему? Какой в этот смысл?

Данный мультфильм был создан в воспитательных целях, для формирования нового сознания подрастающего поколения, сознания, в котором нет места никаким суевериям и религиозным пережиткам.

Дискуссия участников кино клуба показала, что зрители замечают скрытые идеи анимационных произведений: в мультфильмах отображалась демонстрация идеальной советской идентичности и системы ценностей государства, преимущества новой жизни по контрасту со всем старым и отжившим – сословным бытом, религией, темнотой, подчеркивается роль советских ценностей в жизни людей, преимущества советских идеалов.

Список литературы:

1. Chalfen R. Snapshots “r” us: the evidentiary problematic of home media/ R. Chalfen// Visual Studies. 2002. URL://

https://www.researchgate.net/publication/240545765_Snapshots_r_us_The_evidentiary_problematic_of_home_media

2. MacDougall D. Transcultural Cinema / Ed. L. Taylor. Princeton: Princeton University Press, 1998.

3. Архангельский Н.В. Нравственное воспитание / Н.В. Архангельский. – М.: Просвещение, 1989.

4. Визуальная антропология: настройка оптики/ Под ред. Е.Я. Ярской-Смирновой, П. Романова (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.

5. Лалетина А.Ф. Анализ воспитательного потенциала мультипликационных фильмов / А.Ф. Лалетина // Начальная школа плюс до и после. – 2010. – № 8.

6. Педагогический словарь: словарь / авт.-сост. И.П. Андриади, С.Ю. Темина. — М.: ИНФРА-М, 2018.

Samchuk T.

PhD student

of Department of Ancient and Modern History of Ukraine
Taras Shevchenko National University of Kyiv**RELIGION IN THE LIFE OF STUDENTS OF ST. VLADIMIR UNIVERSITY (1834-1863)****Самчук Т.**аспірант кафедри давньої та нової історії України
Київського національного університету імені Тараса Шевченка**РЕЛІГІЯ В ЖИТТІ СТУДЕНТІВ УНІВЕРСИТЕТУ СВ. ВОЛОДИМИРА (1834-1863)**

Summary. The article depicts the place of religion in the life of St. Vladimir University (in Kyiv) students' in the years 1834-1863. There were two main religious groups among students – Catholics and Orthodox. Nevertheless, Jews and Lutherans were an important part of the student body of St. Vladimir University. In the majority, Jewish students were discriminated. First of all, because religion precepts of Judaism were not count in academic activity. A lot of Jewish students converted to Orthodox or Catholics, that helped them in the future to obtain better job and perspectives in life. The author points out that the state used religion as a very important instrument of education. The learning process and religion were tightly connected. For example, absence on a church service was treated as an absence on lectures. Even though, the main attention was paid only for keeping devotes of Orthodox and Catholic churches. The author admits that the number of faithful students was high in the 1830-50s. For the majority of the students, religion played an important role in their life. At the beginning of the 1860s the first pieces of evidence of religious worldview crisis appeared among students. For instance, from that time first examples of nihilism and atheism become visible.

Анотація. Стаття висвітлює місце релігії в житті студентів Університету св. Володимира упродовж 1834-1864 рр. У зазначений період головними релігійними групами вихованців університету були католики і православні. Тим не менше, серед студентів були представники інших віровизнань, зокрема, лютерани, євреї та ін. Здебільшого студенти-євреї зазнавали дискримінації через релігійну приналежність. Відповідно частина замінювала іудаїзм на православ'я або католицизм. Такий вибір допомагав їм отримати кар'єрні перспективи і краще місце у суспільстві. Також у статті зазначається, що в той час держава використовувала релігію як один із інструментів виховання і освіти. Навчальний процес і релігія були тісно пов'язані. Наприклад, відсутність на церковних службах прирівнювалася до пропуску лекцій і відповідно каралася. Автор зазначає, що для періоду 1830-60-х рр. загалом студентській спільноті був притаманний високий рівень релігійності. Для більшості вихованців університету релігія відігравала важливу роль в житті. На початку 1860-х рр. стали більш помітними прояви кризи релігійного світогляду серед студентів. З цього часу яскравіше проявляються приклади нігілізму, атеїзму серед студентства.

Key words: religion, education, St. Vladimir University, students.

Ключові слова: релігія, освіта, Університет св. Володимира, студенти.

Традиційно студентство виділяється активною життєвою позицією і займає помітне місце в суспільному житті. Час навчання у закладі вищої освіти є важливим етапом у житті молоді людини. Багато в чому цей період є визначальним для формування особистості. Студентство не можливо вивчати без розгляду особливостей історичного розвитку спільноти вихованців закладів вищої освіти. Дослідження історії студентства допомагає краще вивчити характерні риси його корпоративної культури, які впливають на поведінку і формування світогляду та цінностей вихованців вищої школи. У моєму дослідженні я зосереджую увагу на конкретній спільноті студентів Університету св. Володимира періоду 1834-1863 рр. Моє завдання встановити місце і значення релігії в житті студентів Університету св. Володимира. З'ясувати, які фактори впливали на формування студентської релігійності і виявити причину кризових явищ релігійності у студентському середовищі Університету св. Володимира

Ще у XIX ст. дослідники неодноразово звертали увагу на релігійність студентства Російської імперії. Здебільшого це був аналіз конфесійної приналежності вихованців університетів. Сучасні вчені значно частіше звертаються до цієї теми. Так, питання ставлення до релігії студентів в кінці XIX – початку XX ст. вивчав В. Кузнецов. Автор здебільшого звертав увагу на кризу релігійності у середовищі студентства і вплив Православної церкви на вихованців вищих навчальних закладів імперії [1]. Наприклад, І. Посохов розглянув особливості цінностей та ідеалів студентів університетів російської імперії. Він звернув увагу на кризу релігійного виховання і конфлікту релігії і науки в студентському середовищі, адже з середини XIX ст. вихованці університетів дедалі більше протиставляли критичне мислення догматам віри [2]. Ще одна дослідниця, М. Кругляк, також висвітлювала місце релігії в житті студентів підросійської України в другій половині XIX – початку XX ст. Її аналіз стосувався дослідження

нематеріального повсякдення до якого відноситься також питання релігійності студентів [3]. Особливості релігійного виховання і викладання релігійних дисциплін (Закон Божий, Церковна історія) у Університеті св. Володимира дослідили В. Ульяновський і В. Короткий [4]. Зі свого боку я пропоную розглянути значення релігії як одного з ключових факторів впливу на студентську ідентичність на початковому етапі історії навчального закладу.

У першій половині XIX ст. на українських теренах зберігався високий рівень релігійності у суспільстві. Релігія була важливим елементом формування колективної і персональної ідентичності. Також вона була одним з ключових факторів формування світогляду, системи цінностей. Належність до певного віровизнання впливало на регламентацію повсякденного життя і до певної міри структурувало його.

Діти з раннього віку долучалися до релігійного життя. Тогочасна система освіти відводила значиме місце релігійно-моральному вихованню. Відповідно у державних (та у більшості приватних) навчальних закладів нагляд за дотриманням релігійних приписів вважався одним з ключових засобів виховання морального громадянина. Зрозуміло, що офіційна державна політика в основу всього ставила православ'я, проте релігійність учнів інших віросповідних теж контролювали.

Університет не був виключенням. Для студентів передбачалася чітка регламентація релігійного життя. Нагляд за дотриманням релігійних обрядів вихованцями університету здійснював інспектор студентів. Студенти мусили відвідувати недільну та святкові літургії, один тиждень в рік під час Великого посту говіти і причащатися [5, с. 75-76]. Дати і час чітко визначалися університетською адміністрацією [6, арк. 7]. Спочатку студенти говіли лише один тиждень, згодом – два тижні, на початку і в кінці посту. При чому в перший тиждень говіння вони звільнялися від лекцій [7, арк. 1]. Траплялося, що багато студентів під час останнього тижня посту виїжджали до родичів і адміністрація університету не могла контролювати здійснення ними релігійних приписів. У результаті було вирішено, що студенти повинні говіти тільки у перший тиждень посту [8, арк. 1-2; 6, арк. 2].

У деяких випадках студенти могли просити відстрочку здійснення релігійних обрядів, як студент Андрій Лівіцький. Він зазначав, що підготовка до підсумкового екзамену потребує багато часу: говіти і сповідатися у призначений час він не може, як компроміс, студент зобов'язувався здійснити необхідні обряди в останній тиждень Великого посту [6, арк. 143]. Студенти могли говіти та сповідатися не лише в університетській церкві чи костелі, однак для підтвердження здійснення

обряду обов'язково треба було пред'явити довідку з місця сповіді з печаткою і підписом священнослужителя [10, арк. 2,5].

Окрім вже перелічених релігійних обов'язків для казеннокоштных студентів, ще додавалася спільна щоденна ранкова і вечірня молитви. Студенти навіть у побуті були оточені релігійними атрибутами: у приміщенні інституту казеннокоштных студентів на стінах було розміщено 20 дерев'яних ікон без оправ [11, арк. 4 зв.].

Пропуск богослужінь прирівнювався до відсутності на лекціях [12, арк. 18]. Якщо студенти не здійснювали релігійний обряд – на них чекала кара. Наприклад, за пропуск двох підряд недільних літургій, студент потрапляв під арешт, а якщо приходив у храм не в мундирі – міг бути виключеним з навчального закладу [13; 4, с. 407]. Під час загальноуніверситетських урочистостей всі студенти без виключення мусили бути присутніми на урочистому богослужінні в православній церкві, часто такі богослужіння відбувалися в Києво-Печерській лаврі. Контроль у першу чергу здійснювався над зовнішніми ознаками релігійності, тобто за дотриманням норм і правил тієї чи іншої конфесії. Питання духовної сфери були другорядними. [15, с. 156].

Вже згадувалось, що студенти могли здійснювати всі обряди в університетських храмах (православному та католицькому). Спочатку вони були облаштовані в орендованих будинках на Печерську. Згодом, після побудови приміщення університету, в ньому також заснували православну церкву св. Володимира і католицький костел св. Миколая. Можна додати, що для студентів було чітко визначене місце в університетських храмах, іноді взагалі спеціально відділене [6, арк. 183]. Університетські храми, які здебільшого відвідували викладачі та студенти в певному сенсі об'єднували університетську корпорацію та водночас показували відокремленість університетських людей від решти суспільства.

Обов'язковими для православних студентів і студентів католиків було відвідування лекцій богослов'я, історії церкви і церковного права*, які тривали протягом 3 років навчання і закінчувалися обов'язковим екзаменом. Багато з православних студентів різними способами ухилялися від лекцій богослов'я. Одну з причин цього пояснював А. Солтановський : «Старик Скворцов (професор богослов'я. – авт.) [...] читал в университете богословие безжизненно и скучно» [15, с. 186]. Натомість студенти-католики були більш відповідальними щодо лекцій богослов'я [14, с. 484-485]. Однією з причин було те, що цей предмет єдиний викладався польською мовою, і це приваблювало студентів-поляків. Хоча були

* Університет св. Володимира на відміну від інших університетів Російської імперії мав дві кафедри богослов'я: православного і католицького.

Подібним був лише Дерптський університет, де також існувало дві кафедри богослов'я: православного і протестантського.

спроби перевести лекції католицького богослов'я на російську, вони не увінчалися успіхом. Загалом студенти-поляки позитивно відгукувалися про ці лекції та їх викладачів. Тільки студенти-медики частіше ігнорували лекції богослов'я, навіть декан медичного факультету звертався з проханнями зменшити кількість «церковних» лекцій, вказуючи на конфлікт операційної хірургії і богослов'я [4, s. 410].

Наприкінці 1863 р. на засіданні ради університету більшістю голосів (20 проти 10) було прийняте рішення припинити викладання католицького богослов'я. Офіційною причиною було вказано те, що новим статутом не передбачений такий предмет в університетах російської імперії [16, арк. 2-2 зв.]. Так, з 1864 р. в Університеті св. Володимира викладали тільки православне богослов'я.

Необхідно зазначити, що для значної групи студентів релігійні обряди були не лише примусовим обов'язком. Для багатьох відвідування храмів було складовою частиною духовного життя. Наприклад, П. Селецький згадував, що охоче співав в хорі університетської церкви і часто читав Апостол під час служби. Він же зазначав: «Теплое чувство веры, развитое во мне с детства, доброй моей матерью, привело меня к молитве, я молился и молитва облегчила мои страдания» [17, с. 22, 37]. В. Ульяновський і В. Короткий зазначають, що питання студентської релігійності належало до сфери особистого життя і про питання віри студенти менше згадували в спогадах та й загалом менше обговорювали публічно [4, s. 408].

Фрагмент з листа О. Навроцького показує, що віра дійсно належала до сфери особистого життя і мала велике значення для деяких студентів. Там читаємо: «Я был наивно религиозен, безотчетно веровал, тепло и жарко молился; религия и жизнь для меня шли как-то розьединенно, я не видел между ними никаких противоречий. Надо заметить, что молитва никогда не была для меня долгом, а всегда вдохновением, т.е. влечением сердца, а я молился тогда почти каждый день – и даже часто на свежем воздухе, идя в университет, восхищенный созерцанием киевской природы и ее необыкновенною ясностью (Киев я и теперь люблю до безумия), я тепло и усердно молился» [18, с. 354].

Для окремих студентів Церква ставала прихистком і підтримкою, зокрема фінансовою. Наприкінці 1850-х рр. адміністрація університету запропонувала скасувати плату за навчання для тих студентів, які співатимуть в університетському церковному хорі. З того часу кількість студентів хористів збільшилась, а для деякого з них це був один з небагатьох шансів продовжувати навчання.

Публічні заперечення догматів церкви чи антирелігійні заяви були рідкістю. А. Солтановський згадував одного зі студентів, який намагався виділитися. Студент Тулуб заявив професору богослов'я І. Скворцову, що не вірить в божественну природу Христа. І. Скворцов

протягом кількох днів вів бесіди зі студентом і навернув його до православ'я. Так студент Тулуб став частим гостем у професора вдома і згодом під протекцією викладача отримав хорошу посаду [15, с. 186-187].

Траплялося, що студенти порушували правила благопристойної поведінки в церкві. Наприклад, у вересні 1840 р. староста університетської католицької церкви скаржився, що студенти були помічені в «неприличном стоянии в церкви [...] во всю обедню не токмо без благоговения, но и без всякого внимания пребывают», а декотрі взагалі залишаються на церковному ганку для вільнодумних розмов. Староста пропонував посилити нагляд за студентами і учнями гімназії під час богослужінь [19, арк. 1].

У другій половині 1850-х рр. значно більше студентів підважували традиційні догмати. «Вообразил себе, что я «стою выше поповских предрассудков». Словом, я был оборванный и голодный, но тем более «убежденный» демократ, либерал и атеист», – згадував випускник університету. До традиційних поглядів його повернув помічник попечителя Київського навчального округу М. Юзефович [20, с. 28].

На початку 1860-х рр. дедалі більше студентів порушували правила, які стосувалися релігійних приписів. Так, у 1862 р. університетський священник Лавров зазначав, що 97 студентів не представили свідоцтв про говіння та сповідь. Щоправда, згодом список скоротився до 56 студентів, які отримали відповідні покарання [6, арк. 38]. Зазначимо, з 393 православних студентів, які в той час навчалися в університеті, 14 % проігнорували релігійні обряди.

Пізніше М. Драгоманов згадував деталі щодо студентської релігійності початку 1860-х рр.: «Студенти-поляки б'ють своїх слуг і ходять до костелів, де старанно стоять на колінах (ми – студенти російські, чи «православні» всі були палкі демократи, а в релігії – атеїсти)» [21, с. 85]. Й. Ремі також зазначав, що ідеї соціалізму і атеїзму були більш притаманними для «російських» (православних) студентів, а не поляків [22, р. 248].

Найбільшими релігійними групами студентів Університету св. Володимира були католики і православні. Так, в 1847 р. студенти-католики (переважно поляки) склали 56,84 % від загалу вихованців університету, православні – 39,16 %. У 1857 р. католиків було 51,22 %, православних – 41,61 % [14, с. XL]. Однак уже в перші роки в університеті навчалися представники інших віросповідань та конфесій. Наприклад, греко-католики, яких в 1836 р. було 10. Щоправда після 1839 р. із заборонаю уніатської церкви, питання автоматично вирішилося. Також серед студентів були мусульмани і вірмено-григоріани, однак це були одиничні випадки [23, с. 178].

З середини 1840-х рр. серед студентів університету почала збільшуватися кількість студентів лютеран і євреїв. Їх групи не були значними кількісно, максимально по 35-40 студентів в означений період. Статистика показує,

що в 1847 р. євреї становили 2,8 %, а лютерани 1,2 % від студентського загалу. У 1857 р. студентів-євреїв було 3,64 %, а студентів-лютеран 3,54 % [14, с. XL]. Зрозуміло, що названі групи мали свої особливості релігійного життя. Крім того, до них інакше ставилася університетська інспекція. Для студентів-лютеран було достатньо надати довідку про конфірмацію (воцерковлення) і вони звільнялися від екзаменів із Закону Божого та Церковної історії [24, с. 23]. У 1862 р. рада університету запропонувала ввести курс протестантського богослов'я, який мав викладати пастор Київської євангелічно-лютеранської церкви Свенсон. Причиною цього стало збільшення кількості студентів-лютеран. Попри бажання ради університету, міністр народної освіти не дозволив ввести протестантське богослов'я в Університеті св. Володимира [25, арк. 1-3].

Дещо складніша ситуація склалася з представниками іудейського віросповідання. Ще з гімназійних часів вони були звільнені від уроків православного Закону Божого. Однак розклад уроків не був прилаштований до вимог іудаїзму. Для того, щоб учні-євреї могли дотримуватися релігійних приписів у відповідні дні вони надавали довідку про хворобу або приносили заяви від батьків про необхідність пропустити уроки у зв'язку із сімейними обставинами [26]. На початку 1860-х рр. в окремих гімназіях Міністерства народної освіти дозволило викладати «закон єврейської вери». Наприклад, в Київському навчальному окрузі з 1862 р. такі уроки дозволялися в гімназіях і повітових училищах за умови, що учнів-євреїв буде не менше п'ятнадцяти, а учителем предмету буде випускник рабинського училища і звісно ж мовою викладання могла бути тільки російська [27, с. 726].

В університетах студенти-євреї також звільнялися від лекцій та екзаменів із Закону Божого та Церковної історії [28, с. 41]. Розклад університетських лекцій аж ніяк не сприяв дотриманню релігійних приписів іудаїзму, насамперед це стосувалося Шабату. Так, упродовж 1830-60-х рр. субота була завантажена лекціями, яких було не менше аніж в інші дні [29, с. 17; 30, с. 17]. Віруючим іудеям, доводилося пропускати заняття. У суспільстві все ж був присутній побутовий антиюдаїзм та й студенти-євреї завжди знаходилися осторонь і формували власну невелику спільноту [31, с. 1].

Багато зі студентів-євреїв вибирали шлях зміни релігії. Наприклад, перший студент-єврей Яким Циммерман з'явився в Університеті св. Володимира у 1837 р. на юридичному факультеті. Він одразу ж виявив бажання перейти в православ'я. Обряд хрещення відбувся 17 жовтня в університетській церкві. Хрещеним батьком студента став ректор К. Неволін. Протоієрей, професор богослов'я І. Скворцов закликав правління університету зробити все, щоб нововернений жив і спілкувався з іншими

студентами, які б слугували для нього прикладом життя християнина [14, с. 145; 32].

Ще один випадок переходу з іудаїзму в православ'я стався 1843 р. Студент Грінбаум охрестився і майже одразу звернувся з проханням про зміну імені і прізвища на Василь Федоров, тобто студент змінював власне ім'я і прізвище на ім'я та прізвище свого хрещеного батька – ректора університету. Як зазначив сам вихованець університету, його мотивом була велика вдячність хрещеному батькові. Також зазначимо, що нововернений християнин отримав 20 руб. ср. від духовної консисторії, як зазначалося у повідомленні, «на первое обзаведение» [33]. У спогадах М. Чалого зберігся опис обряду переходу в православ'я. Там читаємо: «И.М. Скворцов совершил обряд крещения с подобающею торжественностью. Посреди церкви была поставлена огромная кадь с водою. Хотя было очень холодно (это было в ноябре), жидка раздели донага и трижды окунули с головой в ледяную воду; после чего окутали простыней [...] Неофит весь посинел, дрожал» [34, с. 198]. Очевидно, що перехід в православ'я скептично сприймався серед студентів, однак міг допомогти в кар'єрі. Згідно процитованих спогадів охрещений єврей зміг влаштуватися викладачем в гімназію, а згодом працював в канцелярії генерал-губернатора.

М. Владимирський-Буданов зазначав, що студенти-євреї здебільшого навчалися на медичному факультеті. Значна частина з них почували себе некомфортно в університеті і для полегшення становища переходили до християнства. Зазвичай для переходу вибирали католицизм [14, с. 478]. Наприклад, студент-єврей медичного факультету Зелик Левада на початку грудня 1849 р. звернувся до професора католицького богослов'я Т. Добшевича з проханням прийняти «християнську веру римско-католического исповедания». Зовсім швидко, наприкінці місяця, невідомі обставини змусили відтермінувати хрещення, як зазначав сам студент: «по некоторым причинам от меня независящим, в настоящее время св. Крещение принять не могу» [35, арк. 1, 2 зв.]. У списках студентів за наступні навчальні роки 1849-50, 1850-51 студент числився як єврей.

Дещо раніше ще один студент-єврей також вирішив змінити релігію. У липні 1847 р. Маєр Брусиловський повідомляв ректорові, що прийнявши християнську віру, він змінив ім'я та прізвище. Щоправда колишній єврей вибрав лютеранство, а його ім'я та прізвище змінилися на Адольф Браун [36, арк. 1]. Під таким ім'ям студент закінчив медичний факультет у 1849 р. зі званням лікаря.

Отже, студентство Університету св. Володимира не було однорідним у питанні віросповідання, однак загальною тенденцією для нього був високий рівень релігійності. З одного боку релігійність прививалася майбутнім студентам з ранніх років у домашньому

середовищі, з іншого – був постійний контроль за здійсненням релігійних обрядів в навчальних закладах. Належність до тієї чи іншої релігійної групи до певної міри впливала на світогляд студентів. Лише в кінці 1850-х на початку 1860-х рр. помітними стали прояви антирелігійних поглядів, які отримали розвиток у наступні роки.

Список використаних джерел та літератури

1. Кузнецов В. Д. Об отношении к религии студентов высших учебных заведений России в конце XIX – начале XX вв. // Клио. Журнал для ученых. 2006. № 1. С. 123–133.

2. Посохов І. Студентство університетів Російської імперії XIX – початку XX ст.: становлення та еволюція субкультури / Наук. ред. Духопельников В. М. Харків: Раритети України, 2013. 276 с.

3. Кругляк М. Життя та побут студентства підросійської України другої половини XIX – початку XX ст. Житомир: Полісся 2015. 464 с.

4. Uljanowski W., Korotkij W. Pod skrzydłami nauki: katolicyzm i prawosławie na Uniwersytecie św. Włodzimierza w Kijowie, Myślą i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku, Warszawa 2014. S. 399-424.

5. Правила поведінки студентів імператорського Університету Святого Володимира. 1848 р. // Університет Святого Володимира: студентське життя 1834-1917 : [зб. документів] / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Наук. б-ка ім. М. Максимовича ; Центр. держ. іст. архів України у м. Києві, Держ. архів м. Києва ; [упоряд. В.А. Короткого] ; за ред. Л.В. Губерського. Київ : Київський університет, 2014. С. 75-77.

6. По студенческим делам // Державний архів міста Києва (далі – ДАК). Ф. 16. Оп. 478. Спр. 58. 261 Арк.

7. О напечатании росписания Богослужения в Университетской православной церкви на 1850 год, и о назначении времени говения студетов // ДАК. Ф. 16. Оп. 357. Спр. 35 (1850). 9 Арк.

8. О говении студентов на первой недели Великого поста // ДАК. Ф. 16. Оп. 301. Спр. 1. 4 Арк.

9. О говении студентов на первой недели Великого поста // ДАК. Ф. 16. Оп. 302. Спр. 15. 4 Арк.

10. Свидетельства об исповеди студентов Киевского Университета // ДАК. Ф. 16. Оп. 478. Спр. 246а. 64 Арк.

11. О передаче в ведение Правления имущества Института казеннокоштных студентов по случаю перевода их на частные квартиры и о продаже с публичного торга сего имущества // ДАК. Ф. 16. Оп. 394. Спр. 46. 240 Арк.

12. Переписка с ректором университета, попечителем Киевского учебного округа и др. о назначении членов экзаменационной комиссии, о представлении студентами поляками свидетельств, подтверждающих непричастность их к польскому

восстанию, о начале занятий и по др. вопросам // ДАК. Ф. 16. Оп. 478. Спр. 1. 313 Арк.

13. Наказания студентам в 1834-1840 // Киевлянин. 1884. № 182. С. 2-3.

14. Владимирский-Буданов М. Ф. История Императорского университета Св.Владимира. Университет Св.Владимира в царствование Императора Николая Павловича. К., 1884. 674, [43] с.

15. Солтановський А. Із спогадів про університетське життя 40-х років XIX ст. // З іменем Святого Володимира : Київський університет у документах, матеріалах та спогадах сучасників : у 2 кн. Кн. 1 / [упоряд. В. Короткий, В. Ульяновський]. Київ : Заповіт, 1994. С. 184-194.

16. О прекращении преподавания католического богословия // ДАК. Ф. 16. Оп. 302. Спр. 308. 13 Арк.

17. Записки П. Д. Селецкого. Часть первая (1821-1846). Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1884. 199 с.

18. Шр-ко А. А.А. Навроцкий // Киевская Старина. 1902. № 12. С. 351-381.

19. По донесению старосты университетской римско-католической церкви Григория Новогребельского о беспорядках происходящих в университетской римско-католической церкви по случаям скопления в оной учеников 1-ой киевской гимназии // ДАК. Ф. 16. Оп. 357 (1840). Спр. 28. 11 Арк.

20. Ромер Ф. Київський університет в 1855-1860-ті роки // З іменем Святого Володимира : Київський університет у документах, матеріалах та спогадах сучасників : у 2 кн. Кн. 2 / [упоряд. В. Короткий, В. Ульяновський]. Київ : Заповіт, 1994. С. 23-32.

21. Драгоманов М. Автожиттєпис / Уклали І.С. Гриценко, В.А. Короткий, М.В. Томенко. К.: Либідь, 2009. 444 с.

22. Remy J. Higher Education and National Identity: Polish Student Activism in Russia, 1832-1863. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 380 p.

23. Шульгин В.Я. История университета Св. Владимира / сочинение Виталия Шульгина ординарного проф. ун-та Св. Владимира ; [сост. Виктор Короткий]. Репринтное изд. Киев : Лыбидь, 2010. 280 с. : ил.

24. Колесник В., Короткий В., Чигирик І. Студенти Університету Святого Володимира: академічний статус. 1834-1917 роки // Університет Святого Володимира: студентське життя 1834-1917 : [зб. документів] / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Наук. б-ка ім. М. Максимовича ; Центр. держ. іст. архів України у м. Києві, Держ. архів м. Києва ; [упоряд. В.А. Короткого] ; за ред. Л.В. Губерського. Київ : Київський університет, 2014. С. 7-28.

25. О введении в Университете преподавания Богословия студентам протестантского исповедания // ДАК. Ф. 16. Оп. 301. Спр. 270. 4 Арк.

26. Предигер, Б. И. Книжные люди (евреи в системе образования Российской империи XIX - начале XX века) : научное издание. Москва : ООО Типография «ПринтФормула», 2018. URL: <http://www.istok.ru/library/244-knizhnye-lyudi.html> (дата звернення 21.05. 2019)

27. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

28. Правила іспитів для тих, хто бажає вступити на навчання до Університетів Російської імперії. 1837 р. // Університет Святого Володимира: студентське життя 1834-1917 : [зб. документів] / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Наук. б-ка ім. М. Максимовича ; Центр. держ. іст. архів України у м. Києві, Держ. архів м. Києва ; [упоряд. В.А. Короткого] ; за ред. Л.В. Губерського. Київ : Київський університет, 2014. С. 40-45.

29. Обзорение преподавания наук в императорском Университете св. Владимира во втором полугодии 1848-49 учебного года. Киев: в университетской типографии, 1849. 17 с.

30. Обзорение преподавания наук и искусств в императорском Университете св. Владимира в

первом полугодии 1857/58 учебного года. Киев: в университетской типографии, 1857. 17 с.

31. Записки об университетской жизни (1860-1864) // Киевлянин. 1864. № 19. С. 1-2.

32. Первый студент еврей в Университете св. Владимира // Киевлянин. 1884. № 182. С. 2.

33. Крещение еврея-студента // Киевлянин. 1884. № 186. С. 2.

34. Чалий М. Спогади із життя університету 40-х років XIX ст. // З іменем Святого Володимира : Київський університет у документах, матеріалах та спогадах сучасників : у 2 кн. Кн. 1 / [упоряд. В. Короткий, В. Ульяновський]. Київ : Заповіт, 1994. С. 195-207.

35. По представлению профессора Богословия Добшевича о решении студента (еврея) Зелика Леванды принять христианскую веру // ДАК. Ф. 16. Оп. 357. Спр. 40. 5 Арк.

36. О принятии Брусиловским христианской веры // ДАК. Ф. 16. Оп. 286. Спр. 187. 4 Арк.

Юго-Осетинский государственный университет им А.Тибилова,

Кафедра английского языка. Цхинвал, 2017.

УДК 299.15
03.09.23

Цховребова Мира Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой английского языка

Юго-осетинского Государственного университета им. А. Тибилова,
пр. Московский, 8, 100001 Цхинвал, Алания - Республика Южная Осетия

МИСТАГОГИ И ИЕРОФАНТЫ НАРТИАДЫ. “ВОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ” СЫРДОН

Tskhurbaty Mira V.

Cand. of Philol. Sc., Associate Professor,
Head of the English language department
of South Ossetia State University named after A. Tybylty,
Moskovsky av. 8, Tskhinval

THE NARTIAD'S MYSTICS AND HIEROPHANTS. THE NARTIAD'S DIVINE HYDRONIC TEACHER SYRDON

Аннотация. В статье рассматривается образ Нарта Сырдона в контексте мистериальных религий античности и раннего средневековья. Выдвигается предположение, что гидрон-Сырдон, традиционно признаваемый трикстером, является, по своей сути, “водным учителем”, направляющим нравственные искания мифологических героев Нартиады.

Abstract. The article studies the mythological image of Nart Syrdon of the Osset-Allanian Narts' epic in terms of antique and Early Medieval mysterial religions. The study puts forward the idea of interpretation of Syrdon's character, traditionally recognised as a trickster, as the Narts' devine “hydronic teacher” directing the mythological heroes towards moral perfection.

Ключевые слова: осетины, мифология, эпос, нарты, Нартовский эпос, Сырдон, мистерия, Средиземноморские мистерии, Элевсинские мистерии, инициация, ритуал, жрец, иерофант, мистагог, неофит.

Key-words: the Ossetians, mythology, epic, Narts, the Narts' epic, Syrdon, mystery, Mediterranean mysteries, the Eleusinian mysteries, initiation, ritual, priest, the hierophant, the mystic, neophyte.

Нартовский эпос называет старейшин нартов “Нарты гуыппырсартæ” и “Нарты хистæртæ”.

“Именитые нарты, а было их двенадцать, отправились на охоту. Были среди них Урызмаг и

Хамыц, Сослан, Уон, Сырдон и Батрадз”. “Нарты и кости Уадмера”. [5, с. 130] . “В те времена нарты часто уходили в долгие походы, <...> а предводительствовали им старые мудрые старики нарты”. “Батрадз и Тыхыфырт Мукара” [5, с. 101] и т.д.

В циклах о Уырызмаге и Хамыце в качестве предводителей указываются, как правило, двое – Уырызмаг и Хамыц. В дальнейшем троицу составляют Уырызмаг, Хамыц и Сослан, после совершения катабасиса как высшей ступени его посвящения («Сослан в стране мертвых»). Теперь он может сказать нартовской молодежи: - “Ну, хорошо же! Испытаю я вас на деле!”. [5, с. 49] В сказании “Поход Нартов” из цикла “Сырдон” героев-Нартов уже четверо: “В далекий поход собрались именитые нарты Урызмаг, Хамыц, Сослан и Батрадз”. [5, с. 83] Здесь впервые в качестве предводителя упоминается Батрадз. В апокрифическом сказании “Нарты и кости Уадмера” именитых (читай - посвященных) уже многозначительных двенадцать. Двенадцать нартов *Æхсæртæггатаг*, предводительствующих неопитам, по роли и функциям вполне ассоциируются с мистагогами Элевсинских мистерий: “Маг чысылæй маг зеронды бонмаг маг зонд уын куы нукуы бахæлæг кодтон”. [т 1, с. 401] /“И сказал молодежи Урызмаг: С детства и до самой старости все силы разума своего щедро отдавал я вам”. “Уырызмаджы фастаг балц”/“Последний поход Урызмага” [5, с. 35]). Подобное обращение Уырызмага к молодежи обнаруживает важнейшую общественную функцию “именитых нартов” - воспитательную и обучающую, то есть функцию мистагогов, инструктирующих неопитов для прохождения инициаций, чем, по сути, и являются описанные в Нартиаде походы-балцы.

Особое положение в нартовском обществе занимают жрецы рода *Алæгатаг* – они не участвуют в инициационных походах, что обусловлено их сакральной функцией (что отмечает и Дзюмезиль [9, с. 170]), но на последнем посвящении - мистерии предстояния у Чаши *Нартамонгæ* – выступают в качестве иерофантов, подобно афинским *Эвмолпидам* и элевсинским *Керикам*.

К категории “именитых нартов” эпос причисляет и Сырдона, которого в нартоведении принято считать трикстером [6], что, в известной степени, действительно соответствует характеру проделок Сырдона, хотя далеко не исчерпывает его образ.

Отметим для начала - ни один герой эпоса не воспет рапсодом с таким поэтическим красноречием, как Сырдон: “Нæртон тохтыл æмæ хæсты уавары иумыйаг царды ласæнтыл Нарты Сырдон фæцарæзта диссаджы кадджытæ, фæцагъта сæ хуы-сæр-хъисын фæндырай, кæцы кадджытæн у сæ ном, сæ намыс æвидигæ - æнусмæ, хъæймæтмæ нæ амæлдзæн. Сырдонæн нукуы бамынаг уыдзæн дунейыл йæ кадджыты æвирхæу ном æмæ йæ нæртон хъалæс дзыллæйыл. Нарты æгъуыстуаг таурагътаг, æмбисæндтаг, кадджытæ, гаджидаттаг

æмæ зарджытæ фамысыди нарты Сырдон, фæцагъта сæ нывыл хъисын фæндырай, кæцы зарджытæ царды нывæсты мидаг фæлтæрай-фæлтæрмаг гъенырдæр ма не сты рох”. [т. 4, с. 5-6]

Сырдон воспет здесь как творец эпоса, как чудесный сказитель, обессмертивший не только “необыкновенные военные подвиги, деяния и судьбу Нартов”, но и имя свое: “Сырдонæн нукуы бамынаг уыдзæн дунейыл йæ кадджыты æвирхæу ном æмæ йæ нæртон хъалæс дзыллæйыл” /“Никогда не померкнет слава сказаний Сырдона и необыкновенный голос его будет звучать до скончания времен” - имя поэта, создавшего, “сочинившего (фамысыди) легенды, притчи, сказания, тосты и песни”, и сказителя, одаренного “чудесным голосом” (“йæ нæртон хъалæс”). Ни один герой эпоса не облакан такой похвалой, ни о ком другом не говорится здесь в столь превосходной степени: “Нарт Сырдон уыди стыр зонджын, амондджын, стæй хæйрæг лæг, фыдбылызджын, - цы 'рцыдаид хабар хорз æмæ 'взарай, иннабонæй-иннабонмаг, сæдæ азæй сæдæ азмæ уый-иу зыдта раздæр”/“Нарт Сырдон обладал большим умом, был хозяином своей судьбы, кроме того, был смекалистым и бедовым. Все знал наперед - что хорошего или плохого случится завтра или через сотни лет”. Вместе с тем, ни один другой герой эпоса не заклемен столь порицательными и уничижительными эпитетами: “Нарты Сырдон уыд арвы хин æмæ зæххы кæлæн, куырисмæдзæуаг, зинтæ æмæ далимонтимæ цæрæг”/ “Был Нарт Сырдон хитростью небес и колдовством земли, был злым колдуном и сожителем злых подземных духов и бесов”, и завершает перечень грехов Сырдона в цепочке эпитетов интересное и весьма двусмысленное замечание: “стæй уыд уацхъуыдхæссæг заххæй уаларвмаг” / “и, кроме того, был он вестником земли в небеса”, то есть сообщал о земных делах богам? “Гыццыл радзырд”. [ibid]. Обратим внимание, что в сказании “Уырызмаг Сатанаима куыд бау”/ “Как Уырызмаг женился на Сатане” волшебница Сатана названа, подобно Сырду, “арвы хин æмæ зæххы кæлæн”. [1, с. 120]

В.И. Абаев в статье “Шаман сильнее воина” замечает: “В первобытном мышлении «хитрость» была синонимом «колдовства». В осетинском языке слово *xin* «хитрость» означает также «колдовство». В нартовском эпосе есть герои, которые охотно прибегают к *xin*: Сатана, Сырдон, Сослан (Сосуко)”. [7]

Приведенное здесь “Слово” о Сырдоне из “Маленького рассказа” отражает противоречивое отношение эпоса к творцу фæндыра, которое можно было бы объяснить наблюдением В. Абаева, высказанным в работе “Нартовский эпос осетин” относительно своеобразия становления эпоса: “... в нем много пережитков начальной стадии становления эпоса: развитие сюжета внутри каждого отдельного цикла не свободно от противоречий и непоследовательности, чувствуется ясно, что нанизанные друг на друга

эпизоды и мотивы, группирующиеся вокруг одного героя или события, имели до этого разрозненное и самостоятельное существование и что у сказителей не было такой уже повелительной потребности устранять противоречия и выдерживать строгую сюжетную линию”[6, с. 3].

Представляется однако, что в данном случае вернее предположить, что противоречивость образа Сырдона и, соответственно, противоречивое к нему отношение связаны с его хорошо прочувствованной эпосом амбивалентной природой.

В самом деле, в 11 версиях происхождения и рождения Сырдона, собранных в 7-томном собрании Нарты Каджыта (“Сырдоны райгуыр”, [т.4, с. 6-19]), уже заложена дуплановость образа Сырдона, подмечена амбивалентность его природы. По одной версии Сырдон, подобно всем Нартам, “был сотворен из искры небесного огня” при сотворении мира: “Сырдон дар савзæрд æрвон арты æхсидаæвы цахарæй”. При этом, в отличие от обстоятельств возникновения нартов, рождение Сырдона произошло “во времена войны неба и земли под громовые раскаты Уацилла, избивавшего нечистую силу своей железной цепью”/“Уациллайы нæмыгай, арв зæххимæ хæццд æмæ куы цавта йæ рахысæй хайраджы, гъе уæд”. “Нарты сфæлдыстады æнусон кадаг” [т. 4, с. 6]. В двух сказаниях - “Сырдон æмæ йæ фыртты райгуыр” [т 5, с. 13] и “Гæтæджы фырт Сырдоны райгуыр” [т 5, с. 9] - Сырдон - сын дочери Донбеттыра Дзерассы и бога рек Гатага/Гата/Батага, по версии “Сырдон куыд райгуырди” [т 4, с. 11] и “Дыууадæстæнон фæндыр куыд фæзындис” [т 4, с. 159] - сын Хамыца и нечистой силы, а в “Сырдоны райгуыр хайрагай” [т 4, с. 10] и “Сырдоны райгуыр” [т 4, с. 9] Сырдон - сын Сатаны и Батага, которого сказитель здесь именуется “хайраджыты хистæр” /“предводителем бесов”. Таким образом, большинство версий поддерживают хтоническое происхождение Сырдона по отцовской линии (бог рек, он же - предводитель нечистой силы), одновременно, привязывая его по материнской линии к прекрасным и типично амбивалентным, полухтоническим богиням-матерям Нартиады Дзерассе и Сатане.

В популярных собраниях Нартовского эпоса [2,4,5] Сырдон традиционно признается сыном Дзерассы и Гæтæга, то есть “чистокровным” водным божеством, гидроном: “Сырдоны хъомыл кодтой Гæтæ æмæ Донбеттыртæ. Йæ ранма раццд Сырдон æмæ схызти хиды бынай, акасти фæйнардаг. Ссыд Нарты Ныхасмæ. Нартаг йыл худæгай мардысты фæлаг сыл йæхæдæг ныхасай стых и, æмæ уæд банцадысты. Дис кодтой Нартаг: “А, хуызай нæхи хуызæн у, фæлаг дæлимонты æнгæс дар у, уæд йе кæм цæры, йе кæм ваййы?” “Сырдон æмæ йæ фыртты райгуыр”. [т 4, с. 13] /“Детство свое Сырдон провел у донбеттыров. Когда подрос он, то покинул подводную страну, вылез из-под моста и пришел на нартский ныхас. Дивились ему нарты: лицом похож он на нас, но

что-то дьявольское есть в нем. Откуда он взялся? Где живет?” “Рождение и женитьба Сырдона”. [5, с. 82].

“Под мостом находился потайной дом Сырдона”, сообщает сказание “Как появился фæндыр”. Место обитания Сырдона предельно символично: он живет на окраине селения Нартов, в жилище под мостом. Во всех индоевропейских мифологиях “мост” – известный метафорический символ границы/перехода в потусторонний мир. Так, прибывший в страну мертвых исповедуется Аминону в своих земных деяниях, стоя на бревне, переброшенном через реку на границе мира живых и мертвых. Если он говорит правду, бревно превращается в широкий прекрасный мост. Из-под этого моста и появился в Нартовском селении Сырдон. А это означает, прежде всего, что Сырдон как “гидрон”, как чисто водное божество, рожденное на земле Нартов (вода/земля) и обитающее под мостом, является божеством “междумирья” с функцией хранителя связи трех миров (“вестник земли в небеса”). Подтверждением тому - его сверхъестественные способности, оборотничество и провиденциальный дар: “Сырдон знал не только все, что было, но и мог заранее предсказать то, что будет”. “Рождение и женитьба Сырдона”. [5, с. 82]

Сырдон наследует амбивалентную природу своей матери - богини-матери морской воды Дзерассы: “лицом похож он на нас, но что-то дьявольское есть в нем”. Любопытный штрих - в сказании “Сырдон опять обманул нартов” он, будучи гидроном, едва не утонул в “гиблом месте”, т.е. в топи: возможно, история содержит намек на то, что Сырдон - божество чистой воды?

С “чистой”, созидательной стороной природы Сырдона связаны его благие деяния как божества с чертами героя-цивилизатора: он не раз спасает нартов, создал фæндыр, приручил и научил петь соловья и т.д. Больше того, в сказании “Нартаг иумæйаг ныхасдон хæдзар арагзстой”/ “Как появился фæндыр” Сырдон учит нартов законам создания сакрального пространства – речь идет о строительстве дома для общенартовской литургии: “Нартаг иумæйаг ныхасдон хæдзар арагзстой æмæ йыл фацархайдтой афæдзæй-афæдзмæ, цæмæй йæм Сырдон фау ма рхастайд уый тыххæй” [т.4, с. 151] /“Целый год строили нарты большой дом для общих сборов и празднеств. Хотелось им такой дом поставить, чтобы даже Сырдон похвалил его”. [5, с. 86] Именно Сырдон по просьбе нартов наполняет дом сакральным смыслом, причем – любопытная деталь - сакральную семиотику его намеков понимает один лишь Сослан, антипод и смертельный враг Сырдона. “Амæ саразын кодтой стыр рахыс, æмæ йæ куыд ваййы, афтаг йæ æрцауыгътой хæдзары астæу, <...> хураскæсаны рдыгай къуымы ницы и, <...> гъе ныр хæдзар гъе, нырма хæдзар нæ уыди” [т.4, с. 153] /“Тогда сковали нарты тяжелую надочажную цепь и приладили ее, как полагается, в середине дома над очагом”, <...> “ в восточном

углу не хватает хозяйки, а угол восточный пуст без хозяйки”. <...> И опять долго осматривал он дом и сказал потом: – Раньше это строение нельзя было домом назвать, а теперь настоящий дом”. [5, с. 86]

Сырдон “темной”, хтонической природы – “коварство неба и колдовство земли”, “сожитель бесов” и насмешник-трикстер (“Поход нартов”), вредитель, мститель и убийца солярного героя Сослана. Соответственно, отношение нартов к нему противоречиво: он свой и чужой одновременно. Его постоянно высмеивают, жестоко издеваются, но, вместе с тем, вынуждены признать его ум и таланты: “Поглядели тут нарты друг на друга и сказали: кто строит козни против этого человека, тот строит козни самому себе”. “Кто кого обманул”. [5, с. 221] “Но кому под силу погубить Сырдона? Его хоть в морскую бездну брось, он и оттуда выйдет сухим. Вот за что нарты все же почитали своего бедового Сырдона, сына Гетага”. “Поход Нартов”. [5, с. 203]

Стереотип высокомерного и двойственного отношения нартов к Сырду уверено разрушают Алагатаэ. Только жрецы Алагатаэ относятся к Сырду с почтительным уважением, подтверждающим сакральность фигуры Сырдона и его функций: “Уэд иу ахамы Алагатаэ ... сарэзтой стыр куывд. Архуыдтой Нарты адамы сә куывдмә. Рабадтысты Нарт Алагаты стыр хәдзары рагьгай. Иу рагьы уәлә хистәраң Уырымәг бадтис, иннә рагьы уәлә Хәмыц, артыккаг рагьы уәлә та Сырдон”. “Нарты Сослан”. [т. 2, с. 139] /“Однажды нартовый род Алагата устроил пир. Все нарты собрались на этот большой пир. В обширном доме Алагата усаелись они рядами. Урызмаг сидел во главе одного ряда столов, Хамыц - во главе другого, во главе третьего ряда сидел нарт Сырдон”. “Как Сослан женился на Бедухе”. [5, с. 114]. Только жрецы Алагатаэ понимают появление Сырдона в селении Нартов как эпифанию божества: в доме Алагатаэ, в мистериальном обряде имянаречения их отпрыска – прекраснейшего героя Тотрадза, впоследствии вероломно убитого Сосланом - Сырдон выступает как жрец, как «вестник земли в небеса». В сказаниях “Алагатаэ” [т. 2, с. 734] и “Созырыхьо әмә Челахсәртаг” [т. 6, с. 315] Сырдон присутствует в качестве распорядителя (“дзагдар”) на пиру в доме Алагатаэ, где во главе столов сидят Уырымәг, Хамыц, Сослан и сын Хиза Челахсәртаг - на том самом пиру, где нарты исполняли большой симд под аплодисменты небожителей и донбеттыров и где Челахсәртаг победил Сослана в состязании в танце на краях Чаши. Очевидно, что танец на краях сакральной Чаши - инициационное испытание ловкости героя и умения владеть своим телом, но, и что важнее - здесь происходит испытание благородства духа героя: “ләджы уаргъ зынаей дәр хәссын чи бафәраза кәраей-кәронмә, кад әмә радәй”/“оставаться мужчиной, хранить достоинство и честь вопреки обстоятельствам”. Дзагдар Сырдон выступает здесь в роли

Верховного Иерофанта, причастный мистерии Чаши и следящий за инициацией:

“Уәд дын әй Сырдон, нә фәлывд Сырдон,/ Кувыды агьоммә, Нарты сусагәй, /Ронгима хәцәә куы байдзаг кодта,/ Хәфсәй, уәд калмәй, уәд гаккуыритаей, /Стәй йә афтамәй рахәссын кодта, /Хистәрты раз ай әрәварын кодта” /“Сырдон наполнил ее разными напитками, змеями, ящерицами, лягушками, чем попало”. [т. 2, с. 734] То есть Сырдон наделен правом прикасаться к Чаше - в русском переводе сказания он ошибочно назван прислужником на пиру.

Отметим, что Сослан – самый противоречивый герой эпоса с профанной точки зрения, которая не учитывает его солярную природу и связь с хтоническим миром - известен не только своими подвигами, но и множеством коварных злодеяний (“таригьәддә”), одним из которых является убийство Тотрадза. Челахсәраг свидетельствует против Сослана перед Чашей, доставая из нее и “швыряя ему в грудь, то змею, то ящерицу” - вложенные в Чашу рукой иерофанта Сырдона свидетельства демонических проявлений солярной сущности Сослана. “афтә сә кафгә фәцафта иууыл /Созырыхьоән йә ных, йә риуыл”. Когда Сослан, не смирившись с поражением, прибегает к хитрости, нарушив, тем самым, уговор, именно Сырдон подсказывает Челахсәртагу, как получить свой законный приз: “Созырыхьо дә ныртәкка сайдзән/ Уый дә хуызәтты бирә фәсайдта/ Уый дын дә хәснаг ныр нәй, нә радзән/ Дәхи дәр ма дын мәстәй фәмардзән/Фәлә әрбайхьус мә уынафәмә...” [т. 6, с. 324] /“Сейчас он тебя надует и не даст тебе твой выигрыш. Поэтому садись на коня и, когда возьмешь копьё, приударь коня, повертись и крикни: “Настал бой, Церков панцырь!» - и он сам выскочит к тебе...” [т. 2, с. 735]

В эпосе нет никаких указаний на то, что отношение Алагатаэ к Сырду хоть как-то задевает взрывных Әхсәртаггатаэ и Боратаэ - как и обычно, эпос, с присущим ему равнодушием к причинно-следственным связям (или, по В.И. Абаеву, противоречивостью как следствию “перезитков начальной стадии становления эпоса”), не размышляет над странным курьезом, не замечает его. Больше того, сами Әхсәртаггатаэ и Боратаэ, как указывалось выше, вынужденно признают достоинства Сырдона. Так в сказании “Нарт Созырыхьо авд уайыджы хо Азаухан-рәсугьды куыд әрхаста”/“Как Нарт Созырыхьо женился на сестре семи уаигов красавице Азаухан” Сырдон выступает в сакральной функции “әмдзуарджын” (“крестного кума или шафера”) в церемонии бракосочетания: “Нартән Умархан сә паддзах уыд, әмә уый кьухылхәцәг ыскодтой, Сырдоны та әмдзуарджын, әмә Азаухан-рәсугьды, авд уәйыджы хойы, әрхастой” [т. 2, с. 541]. В “Нартә “чи хуыздәр”-ыл дзырдтой”/“Как Нарты выбирали самого лучшего”, спорящие за первенство герои призывают обратиться к Сырду для разрешения вопроса: “Сырдоны бафәрсәм, -

загътой се 'ппат дæр, - уый нын зæгъдзæн, чи хуыздæр уыздæн нартон адæймай, уый" [т. 3, с. 218]. В сказании "О Нарте Уырызмæге и Уæрпæлдаре" сказитель делает весьма показательное замечание о Сырдоне: "Не мог Уырызмаг не согласиться с советами Сырдона, которого бог создал именно для того, чтобы нарты не могли жить без него" [т. 1, с. 509].

Выше говорилось, что Алæгата, по роду своих жреческих функций, не участвуют в приключениях Ахсартаггата и Бората. Подобных ограничений у Сырдона нет: он - Гидрон, вольный Бог Воды, выступающий в роли, весьма напоминающей роль Верховного Иерофанта (как в сказании "Алæгата"), и в том же качестве участвующий во всех инициациях нартов, в том числе, в инициационных балцах. Строя "козни", Сырдон управляет ходом балцов, вмешивается в замыслы нартов и изменяет ход событий. Практически, каждое его вмешательство - испытание честолюбивых героев, поучение, сопровождаемое насмешливым разоблачением их слабостей, которое, в итоге, оборачивается им же во благо и для науки. Иными словами, Сырдон, высмеивая нартов, исправляет и облагораживает их нравы и, таким образом, подталкивает их в направлении общей цели. Не шут-трикстер учит нартов искусству создания сакрального пространства в сказании "Как появился фандыр", участвует в сакральном обряде имянаречения, первым сообщает нартам благую весть о рождении Сатаны, сидит во главе мистерияльного пиршества-агапе, и т.д. Здесь - "вестник земли в небеса", Гидрон и "Водный Учитель", без которого "их походы никогда не были вполне успешны, и насколько он был для них вреден, настолько же и полезен" "Поход Нартов". [5, с. 82]

В "Аттике", I книге "Описания Эллады" Павсаний сообщает: "1. Так называемые Риты (Соляные озера) похожи на реки только тем, что они текут, так как вода у них столь же соленая, как в море. Иной мог бы поверить, что они текут из халкидского Эврипа под землю и впадают в нижележащее море". "<...> Говорят, что Риты посвящены Коре и Деметре и что рыбу ловить в них можно только [элеусинским] жрецом. <...> По ту сторону Рит первым обитателем был Крокон; то место, где он жил, еще и сейчас называют "дворцом" Крокона" [16; XXXVIII, 16].

Речь идет о тех самых Ритах, через которые по узкому деревянному мосту проходила процессия, направлявшаяся в Элевсин. Н.И. Новосадский приводит надпись на табличке, найденной при археологических раскопках вблизи Афин, сообщающую о том, что "в Элевсине, был особый жрец - гидрон ("водный учитель"); он-то и стоял за мостиком Кроконидов. Здесь каждому мисту на правое запястье и левую щиколотку повязывали кроке — красную шерстяную нить. Она должна была защищать от дурных влияний и одновременно служила опознавательным знаком". [15, с. 20]

Подчеркнем — "особый жрец — гидрон ("водный учитель"), именно из той же породы и тех же функций, что и Сырдон. Красная шерстяная нить — магический оберег от "водного учителя", то есть защитника и покровителя миста.

Далее, по описанию Павсания, при свете факелов мисты подходили к другому мосту: "4. <...> Около Элевсина протекает [второй] Кефисс; его течение здесь гораздо сильнее, чем выше; около него [одно местечко] называют Эринеон ["смоковница гнева"] и рассказывают, что, когда Плутон похитил Кору, он спустился под землю именно в этом месте". [16]

Мост как переход в подземный мир — общий и важнейший семантический компонент образов Сырдона и греческого гидрона.

На мосту через Кефисс процессию поджидала толпа людей с покрытыми головами, которые выкрикивали поношения в адрес мистов. Тон задавали фривольные речи служанки Деметры Ямбы, высланной Богиней на встречу мистам. Г. Милонас, археолог и выдающийся эксперт Элевсинских мистерий, так интерпретирует действие на мосту: "Цель этих *gephyrismoi*, как их называли, судя по всему, была апотропной; летящие на возбужденных людей оскорбления делались для того, чтобы они были унижены, и не были бы поражены ревнивыми воздействиями злых духов. <...> Безусловно, оскорбления и искусная и грубоватая брань, должно быть, вызывали немало веселья". [14] Иными словами, как и в случае с *kroke*, поношения толпы и издевательства Ямбы играют роль оберега от злых духов, но в этот раз — от злых духов их собственных амбиций.

Gephyra - "мост", *gephyrismoi* - "шутки на мосту". У Страбона читаем: "24. Реки Аттики: Кефисс, который берет начало в деме Тринемеи; он течет через равнину (отсюда происходят намеки на "мост" и "шутки на мосту")" [18].

В *gephyrismoi* - "шутках на мосту" сышен сардонический смех нартовского гидрона Сырдона - "Водного Учителя": "Известно, что вы, нарты, к Богу дорогу ищете, - поднимитесь к нему по лестнице, которую я вам построил! Только смотрите, чтобы из вас никто не упал с этой лестницы, иначе сломаете себе шею или ногу, а то и головы разобьете" "Почему Сырдона прозвали обманщиком". [5, с. 89] Даже не извлекая из контекста фразу "поднимитесь к нему по лестнице, которую я вам построил!", мы видим Сырдона в его истинном свете — не затейливого трикстера, а "Водного Учителя" и иерофанта, как в приведенном выше сказании "Батрадз и Чаша нартов Уацамонга".

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ирон таурагътае (Осетинские легенды). /Сост. Ш. Ф. Джикаев/ — Орджоникидзе, 1989.
- Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы. Кн. 1., 1990; кн. 2., 1989.

Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос (Нартовские сказания. Эпос осетинского народа). Кн. 1. (Составитель Хамицаева Т. А.) – Владикавказ, 2003. Кн. 2. 2004. Кн. 3. 2005. Кн. 4. 2007. Кн. 5. 2010. Кн. 6. 2011. (на осет. яз.)

Нарты кадджытæ. Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат. – Дзæуджыхъæу, 1995 г. [Электронный ресурс] - код доступа - <http://biblio.darial-online.ru/>

Сказания о нартах. Осетинский эпос. Издание переработанное и дополненное. Перевод с осетинского Ю. Либединского. С вводной статьёй В. И. Абаева. М, «Советская Россия», 1978. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://ironau.ru/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. - Цхинвал, 1982.

Абаев В. Шаман сильнее война //Дохристианская религия алан// Миф и история в сказаниях о нартах [Электронный ресурс] – код доступа: http://apsnyteka.org/1132-abaev_v_stati.html

Бесолова Е.Б. О форме мировосприятия Нартов(на материале сказания «Гибель семьи Сырдона») [Электронный ресурс] – код доступа:<http://soigsi.com/books/nartovedenie2015.pdf> f

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. - М.: Наука, 1976. 276 с.

Зеньковский В. В. Апологетика Египетские мистерии. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://religion.wikireading.ru/117826>

Иванеско А.Е. Нартовский Сырдон – персонаж «второго плана»? [Электронный ресурс] – код доступа: <http://uchebana5.ru/cont/1520727.html>

Кереньи, К. Элевсин. - М.: "Рефл-бук", 2000. – 288 с.

Кюмон, Франц. Мистерии Митры. Перевод с французского Цветковой С. О. - СПб. Евразия, 2000. [Электронный ресурс] – код доступа: <http://uhimik.ru/franc-kyumon-misterii-mitri-v2/index.html>

Милонас, Г. Элевсин и Элевсинские мистерии. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://castalia.ru/perewody/eranos-perevody/4113-georg-milonas-elevsin-i-elevsinskie-misterii-elevsinskie-misterii.html>

Новосадский Н.И. Элевсинские мистерии. - СПб.: тип. В.С. Балашева, 1887. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://www.litres.ru/nikolay-novosadskiy/elevsinskie-misterii/>

Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. = Ἐλλάδος περιήγησις / пер. С. П. Кондратьева. — М.: Искусство, 1938. - Т. 1. - 364 с. [Электронный ресурс] – код доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=152578&p=1>

Радин, Пол. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. - СПб.: Евразия, 1999, с. 242-264.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифосакских племен. – М.:Наука, 1977. 216 с.

Страбон. География. Книга IX.// Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания // пер., статья и комм. Г. А. Стратановского, под общ. ред. проф. С. Л. Утченко. 1964 г. - М.: «Ладомир», 1994. [Электронный ресурс] – код доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?>

Чибиров Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. - Цхинвал, 1984.

Эвола, Юлиус. О мистериях Митры. /пер. с англ. А. Шамова [Электронный ресурс] – код доступа: <https://philologist.livejournal.com/8566829.html>

Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том второй: От Гаутамы Будды до триумфа христианства /пер. Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, Н.Н. Кулаковой и А.А. Старостиной. - М.: Критерий, 2002 [Электронный ресурс] - код доступа: <http://psylib.org.ua/books/eliad03/index.htm>

REFERENCES

1. Iron tauræghtæ (Osetinskie legendy). /Sost. Sh. F. Dzhikaev/ – Ordzhonikidze, 1989.

2. Narty. Osetinskij geroicheskiy jepos. M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury. Kn. 1., 1990; kn. 2., 1989.

3. Narty kaddzhytæ. Iron adæmy jepos (Nartovskie skazaniya. Jepos osetinskogo naroda). Kn. 1. (Sostavitel' Hamicaeva T. A.) – Vladikavkaz, 2003. Kn. 2. 2004. Kn. 3. 2005. Kn. 4. 2007. Kn. 5. 2010. Kn. 6. 2011. (na oset. jaz.)

4. Narty kaddzhytæ. Gassity Viktory nomyl rauag#dadon-poligrafion kuystuat. – Dzæudzhyhæu, 1995 g. [Jelektronnyj resurs] - kod dostupa - <http://biblio.darial-online.ru/>

5. Skazaniya o nartah. Osetinskij jepos. Izdanie pererabotannoe i dopolnennoe. Pervod s osetinskogo Ju. Libedinskogo. S vvodnoj stat'joj V. I. Abaeva. M, «Sovetskaja Rossija», 1978. [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <https://ironau.ru/>

6. Abaev V.I. Nartovskij jepos osetin. - Chinval, 1982.

7. Abaev V. Shaman sil'nee voyna //Dohristianskaja religija alan// Mif i istorija v skazaniyah o nartah [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: http://apsnyteka.org/1132-abaev_v_stati.html

8. Besolova E.B. O forme mirovospriyatija Nartov(na materiale skazaniya «Gibel' sem'i Syrdona») [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa:<http://soigsi.com/books/nartovedenie2015.pdf>

9. Djumezil' Zh. Osetinskij jepos i mifologija. - M.: Nauka, 1976. 276 s.

10. Zen'kovskij V. V. Apologetika Egipetskie misterii. [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <https://religion.wikireading.ru/117826>

11. Ivanenko A.E. Nartovskij Syrdon – personazh «vtorogo plana»? [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <http://uchebana5.ru/cont/1520727.html>

12. Keren'i, K. Jelevsin. - M.: "Refl-buk", 2000. – 288 s.

13. Kjumon, Franc. Misterii Mitry. Perevod s francuzskogo Cvetkovej S. O. - SPb. Evrazija, 2000. [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <http://uhimik.ru/franc-kyumon-misterii-mitri-v2/index.html>
14. Milonas, G. Jelevsin i Jelevsinskie misterii. [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <https://castalia.ru/perewody/eranos-perevody/4113-georg-milonas-elevsin-i-elevsinskie-misterii-elevsinskie-misterii.html>
15. Novosadskij N.I. Elevsinskie misterii. - SPb.: tip. V.S. Balasheva, 1887. [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <https://www.litres.ru/nikolay-novosadskiy/elevsinskie-misterii/>
16. Pavsanij. Opisanie Jellady. V 2 t. = Ἑλλάδος περιήγησις / per. S. P. Kondrat'eva. — M.: Iskusstvo, 1938. - T. 1. - 364 s. [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=152578&p=1>
17. Radin, Pol. Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskih indejcev s kommentarijami K.G. Junga i K.K. Keren'i. - SPb.: Evrazija, 1999, s. 242-264.
18. Raevskij D.S. Ocherki ideologii skifo-sakskih plemen. – M.: Nauka, 1977. 216 s.
19. Strabon. Geografija. Kniga IX. // Strabon. Geografija v 17 knjigah. Reprintnoe vosproizvedenie teksta izdanija // per., stat'ja i komm. G. A. Stratanovskogo, pod obshh. red. prof. S. L. Utchenko. 1964 g. - M.: «Ladimir», 1994. [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?>
20. Chibirov L.A. Drevnejshie plasty duhovnoj kul'tury osetin. - Chinval, 1984.
21. Jevola, Julius. O misterijah Mitry. /per. s angl. A. Shmakova [Jelektronnyj resurs] – kod dostupa: <https://philologist.livejournal.com/8566829.html>
22. Jeliade M. Istorija very i religioznyh idej. Tom vtoroj: Ot Gautamy Buddy do triumfa hristianstva /per. N.B. Abalakovoj, S.G. Balashovoj, H.H. Kulakovoj i A.A. Starostinoj. - M.: Kriterion, 2002 [Jelektronnyj resurs] - kod dostupa: <http://psylib.org.ua/books/eliad03/index.htm>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Цзинь Жу Нен

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Разработка языковой политики и языкового планирования влияет на все аспекты общественной жизни. Реформа письма является одним из важных элементов языкового планирования и может быть разделена на три типа: орфографическая реформа, преобразование буквенной системы и изменение характера письма. Латинизация алфавита - это тип преобразования буквенной системы. В советский период многие страны, в том числе и Казахстан, осуществили реформы два раза: буквенная латинизация и кириллизация письменности титульной нации в первой половине 20-го века. После обретения независимости процесс латинизации алфавита титульной нации стран Центральной Азии ускорился, и Узбекистан и Туркменистан возглавили в 1993 году реформу по латинизации алфавита. Дискуссия и обсуждение о латинизации алфавита в Казахстане продолжается уже много лет. В 2012 году первый президент Казахстана Назарбаев впервые заявил в своем послании о положении в стране, что реформа по латинизации казахского алфавита должна быть завершена к 2025 году. В конце 2017 года Казахстан официально утвердил использование казахского алфавита, который основан на латинице. Однако введение новой алфавитной системы неизбежно столкнется с рядом трудностей, а также может привести к неожиданным результатам. Внутренняя адаптация к новой алфавитной системе будет долгим и сложным процессом, и Казахстан столкнется с долгосрочным сосуществованием букв кириллицы и латиницы. Анализ процесса латинизации алфавита Казахстана и его влияния будет иметь определенное справочное значение для изучения казахстанской социальной культуры и изучения реформы графики.

Ключевые слова: Казахстан; реформа алфавита; латинизация

Глава 1. Реформа казахского алфавита в советский период и её исторический фон

1. От арабского алфавита до латиницы

Система алфавита казахского языка за последние 100 лет изменилась дважды. С десятого до начала двадцатого века арабский алфавит официально использовался в Казахстане. Арабский алфавит содержит 29 букв и знаков, используемых для обозначения закрытых звуков. Арабский алфавит изображает персидский стиль, написанный справа налево.

В советский период на его территории было более 130 языков, относящихся к 7 языковым семьям, включая индоевропейскую, алтайскую, уральскую, сино-тибетскую, семитскую и камитическую. До Октябрьской революции только более 30 этнических групп, включая казахскую, русскую, грузинскую, армянскую, узбекскую, азербайджанскую, татарскую и туркменскую, имели письменность. Кроме того, некоторые этнические группы использовали письменность, онованную на арабице, такие как кыргызы, башкиры и др. В период октябрьской революции ситуация письменности этнических групп СССР была такой: некоторые этнические группы, такие как русская, украинская, грузинская и др., имели систему письма, соответствующую их языкам. Казахская, татарская, узбекская и таджикская письменности были основаны на арабском алфавите. Кроме того, более 50 этнических групп не имели своих письменностей до Октябрьской революции.

От успеха Октябрьской революции до 1936 года эти 19 лет были периодом латинизации письменностей различных этнических групп СССР. Советское правительство провело реформу

латинизации алфавита, в первую очередь потому, что латинизация способствовала единству народов великих держав, а также через алфавит очертила границы между всеми "советскими" и "несоветскими" народами. Другими словами, в то время латинизация служила правам и политическим целям, потому что лидеры Коммунистической партии Советского Союза с нетерпением ожидали развития Октябрьской революции в мире и активно готовились к этому. И латинизация алфавита различных этнических групп Советского Союза была одним из этапов его подготовки. Кроме того, латинский алфавит имеет явное техническое преимущество перед арабским в областях типографской работы и преподавания.

В 1924 году арабский алфавит был исправлен в соответствии с особенностями произношения казахского языка и был заменен латинским алфавитом в 1929 году. В ответ на Коммунистический Интернационал казахский алфавит перешёл на латиницу в 1929 году. Это изменение сопровождалось интенсивными внутренними дискуссиями, и вопрос о замене арабского алфавита латинским был решён только в течение трех лет с 1924 по 1927 год. В Казахстане казахский язык, основанный на латинице, в первую очередь использовался в начальных и средних школах и учебных заведениях, в то же время на всей территории страны были проведены мероприятия по его обучению и популяризации для всех взрослых.

Между арабистами и латинистами начался настоящий ученый спор, суть которого заключается в том, чтобы понять, может ли латинский алфавит передать характеристики казахского языка. Казахстанский специальный

комитет был создан для объединения латинской системы языка титульной нации. На конференции 1928 года была утверждена система алфавита казахского языка, основанная на латинице. Эта система состоит из 29 букв.

2. Кириллизация в период Советского Союза

В начале 1930-х годов советское правительство предложило кириллизацию письма. В 1937-1940 годах народы СССР отказались от уже использовавшейся системы латинского алфавита и перешли на кириллицу. В то время некоторые учёные считали, что латинский алфавит по фонетической структуре был беднее, чем система кириллического алфавита, потому что в латинском алфавите только всего 26 букв, многие из которых повторяются друг с другом, а в кириллическом алфавите 33 буквы, и ни одна из них повторяется с другими. Таким образом, если в качестве основы нового алфавита используется латинский алфавит, потребуется добавление дополнительных букв и буквенных знаков произношения.

Если латинизация символизирует революционный бум модернизации, шаг к мировой революции и победу советской модели «национальное государство», то Кириллизация является символом единства народов, укрепления строительства единого государства и гомогенизации букв. Кроме того, некоторые основные народы в Советском Союзе, такие как русские, белорусские и Украинские, традиционно использовали письменность, основанную на кириллице. В связи с этим возникла точка зрения, согласно которой создание письменности на основе латиницы, несомненно, означало бы разрыв или отчуждение связей между этими народами и другими народами, которые использовали или используют кириллицу.

Кириллица была введена в Казахстане в середине 1930-х годов для создания единого советского пространства, в котором русский язык был бы общим языком. Алфавит казахского языка испытал еще одно преобразование. В 1940 году Казахстан утвердил окончательный вариант алфавита. Этот вариант содержит 41 букву: 32 русских буквы и 9 специальных знаков, которые выражают характеристики казахского языка. Национальные республики решили прекратить латинизацию алфавита или отказаться от уже латинизированных букв. Таким образом, алфавит большинства народов СССР, включая казахский, был кириллизирован.

Глава 2. Причины перехода казахского языка на латиницу на нынешнем этапе

После обретения независимости на постсоветском пространстве преобладала политика «русификации»: многие страны стали придавать особое значение традиционной культуре титульной нации, в качестве основного средства провели латинизацию алфавита титульной нации. Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан стали инициаторами латинизации алфавита титульной нации.

В Казахстане давно обсуждали вопрос о переходе на систему латинского алфавита. В 2012 году первый президент Казахстана Н. Назарбаев дал поручение к 2025 году перевести государственный язык на латинскую графику. Согласно программной статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» единый стандартный вариант казахского алфавита в новой графике должен быть утвержден в 2017 году. В 2017 году Президентом РК подписан Указ «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику». План мероприятий поэтапного перехода алфавита казахского языка на латинскую графику разработан до 2025 года, создано 4 рабочих группы по орфографическому, методическому, терминологическому, техническому и информационному сопровождению. В итоговом варианте, утвержденном Назарбаевым, апострофы отсутствуют, зато используются новые диакритические знаки наподобие умляутов (например á, ñ), а также два диграфа (sh, ch).

Казахстан постепенно перешел на латиницу в различных спорах и дискуссиях. Правительство Казахстана провёл политику латинизации. Основные причины заключаются в следующем:

Во-первых, на национальном уровне переход Казахстана на латиницу основан на господствующем положении этой системы письменности в мире. Реформа алфавита в Казахстане - это не простая техническая проблема, которая тесно связана со строительством национального государства на данном этапе. Таким образом, Казахстан может лучше интегрироваться в западный мир и это способствует казахстанской модернизации. Связь Казахстана с международным сообществом также будет упрощена.

Во-вторых, с точки зрения национального самосознания латинизация алфавита Казахстана способствует сохранению национальных особенностей Казахстана, улучшению чувства национальной идентичности и возрождению национального духа Казахстана. Латиница давно уже использовалась в казахском языке в советский период. По словам самого Назарбаева, его главной целью является модернизация самосознания Казахстана, а укрепление национального самосознания является основным фактором повышения национальной конкурентоспособности, национальной идентичности и укрепления суверенитета.

В-третьих, с точки зрения лингвистики, реформа алфавита не означает, что некоторые буквы механически заменяются другими буквами, поскольку это приведет к потере способности выражать характеристики произношения национального языка. Латинизация алфавита помогает повысить иммунитет казахского языка к иностранным языкам. Можно избежать преобразования иностранных слов в казахские слова через русский язык.

В-четвертых, что касается самого алфавита, латиница является экономичной, быстрой, широко используемой и более удобной для компьютерной обработки. Латинский алфавит позволяет казахам быстрее и легче освоить английский язык, и Западу - казахский. Это даст Казахстану новые возможности и сделает его более открытым. Первый президент Назарбаев сказал, что кириллица в некоторой степени может искажать казахский язык, потому что сам казахский язык не имеет букв щ, ю, я и ь, поэтому и была введена система латинского алфавита.

Глава 3. Возможные отрицательные последствия после латинизации в Казахстане

Переход на новый алфавит будет сопровождаться необходимостью принятия новых правил правописания. Новые правила правописания представляют передачу норм единиц лексики будет через латиницу. Казахстан начнет выпуск файлов латинского алфавита с 2021-2023 гг. А в период с 2024 по 2025 год в сферах офисных материалов и средств массовой информации постепенно будет использоваться латинский алфавит. С продвижением реформы письма, в то время как реформа латинизации достигла большого результата, она, безусловно, принесет много негативных последствий, и также возникнут различные проблемы, вызванные реформой письма. Например:

1. Будет ситуация, когда сосуществуют кириллица и латиница. Для людей, за исключением подростков, это занимает много времени, чтобы полностью принять новую систему алфавита, и старшее поколение не привыкло к использованию латинского алфавита. Даже в Узбекистане, где давно уже использовался латинский алфавит, латиница используется только в сфере образования и в некоторых учреждениях. Многие газеты и журналы издаются на Кириллице, и большинство документов также печатаются на Кириллице, и в области средств массовой информации кириллица и латиница используются вместе. Будущее сосуществование кириллицы и латиницы в Казахстане также будет продолжаться долго

2. Это окажет огромное давление на финансы Казахстана. В Казахстане многие печатные издания, в которых собрано национальное культурное наследие, были написаны на кириллице в советское время, включая многочисленные учебные материалы для начальных и средних школ, классические литературные произведения и так далее. Для обновления всего текста СМИ и перевода книг, подготовки специалистов потребуются огромные расходы. По оценкам казахстанской газеты «Экспресс-К» 2011 года, стоимость латинизации казахского алфавита составляет от 2 до 100 миллиардов долларов, а согласно данным, опубликованным Комитетом по статистике Республики Казахстан в феврале 2018 года, ВВП Казахстана в 2017 году составил \$158,142 млрд., реформа латинизации оказала огромное давление на ограниченные национальные

доходы.

3. Это может привести к снижению уровня образования и затруднить культурное наследие. В Узбекистане и Туркменистане результатом реформы является общее снижение интереса народа к чтению и снижению культурного и образовательного уровня людей. То же самое и в Казахстане, где пожилые и люди среднего возраста привыкли читать на кириллице, но это практически невозможно сейчас, и казахи старшего поколения снова станут неграмотными. В то же время, поскольку уже начался использоваться латинский алфавит, у молодых людей будут проблемы с чтением книг, изданных ранее на кириллице, что может привести к снижению уровня национального образования и снижению культурного уровня населения. Подобно тому, как советское правительство в 1920-х и 1940-х годах проводило реформы латинизации и кириллизации, культуре разных стран был нанесен большой ущерб. Это добровольное и недобровольное изменение привело к тому, что большое количество исторической культуры и информации, накопленной на основе предыдущей алфавитной системы, вышли из нормального обращения.

4. Реформа латинизации алфавита казахского языка может привести к ухудшению межэтнических отношений в стране. Доля русских в Казахстане больше, чем в других странах Центральной Азии. За алфавитной реформой стоит национальный вопрос. Популярность русского языка в Казахстане выше, чем казахского; число граждан, говорящих на русском языке в Казахстане, составляет от 70% до 90%, в этом случае введение латиницы может принести потенциальную опасность внутреннего культурного отделения от языка казахского народа. Эта реформа письменности казахского языка, с одной стороны, затруднит освоение казахским языком других этнических групп и ускорит миграцию этих этнических групп за пределы Казахстана, с другой стороны, отказ от кириллицы в долгосрочной перспективе ослабит статус русского языка в Казахстане, затруднит межэтническое общение и создаст трудности для русскоязычных людей, живущих в Казахстане.

Заключение: Основной целью реформы латинизации в Казахстане является модернизация самосознания Казахстана, укрепление национального самосознания, национальной конкурентоспособности, национальной идентичности и укрепление сознания суверенитета. Успешно достичь этих целей с помощью латинизации все еще остается большой проблемой. До настоящего времени модернизация Казахстана ещё осуществлялась на основе кириллицы. Основная опасность, стоящая перед Казахстаном, заключается в том, что он может повторить негативный опыт Узбекистана и Туркменистана. Ведь до сих пор Узбекистан и Туркменистан не достигли каких-либо особых достижений от латинизации, но их расстояние от России

постепенно отдаляется. Реформа алфавита столкнется с различными опасностями. Если реформа не увенчается успехом, национальная конкурентоспособность Казахстана будет снижаться по мере снижения уровня образования. Замена одной системы графики другой потребует много времени. Следовательно, латинизация казахстанских букв не будет полностью реализована в краткосрочной перспективе. Долгое время в будущем в Казахстане будет использоваться две системы графики: кириллица и латиница.

Список литературы

- [1] 吴宏伟. 哈萨克斯坦文字拉丁化改革: 从探讨到实践[J]. 语言战略研究, 2018, v.3; No.16, 33-43.
- [2] 海力古丽·尼牙孜; 田成鹏. 哈萨克斯坦国语文字拉丁化改革规划: 动因与影响[J]. 新疆大学学报(哲学·人文社会科学版), 2017, v.45; No.190, 65-70.
- [3] 吴宏伟. 中亚文字改革问题[J]. 语言与翻译, 2002(3)
- [4] 胡振华. 中亚五国及其语言文字[J]. 中央民

族大学学报, 1996(5).

- [5] Зачем Казахстану латиница?[N]. https://pikabu.ru/story/zachem_kazakhstanu_latinita_5531037, 2018
- [6] Воробьев А. Почему Казахстану важен переход на латиницу и как на это реагировать России[N]. <https://ru.sputniknews.kz/columnists/2018-03-07/4837166/perekhod-latinica-kazakhstan-reakciya-russia.htm>. 2018
- [7] Назарбаев и новая азбука. Почему Казахстан переходит на латиницу?[N]. <https://www.gosrf.ru/news/33358/>. 2018
- [8] Казахский алфавит: история[N]. <https://www.nur.kz/1661560-kazakhskiy-alfavit-istoriya.html>. 2018
- [9] Назарбаев подписал указ о переходе Казахстана на латиницу[N]. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59f29bae9a7947826bbf6ab4> 2018
- [10] Рудой И. Казахстан переходит на латиницу[N]. <https://www.proza.ru/2017/11/14/626> 2018

Ahmadova M I
senior teacher, Phd student
Azerbaijan, Baku Slavic University,

COGNITIVE PECULIARITIES OF UNDERSTANDING INFORMATION IN INTERROGATIVE DIRECT SPEECH IN ENGLISH AND AZERBAIJANI

Ахмедова Майя Искандар
старший преподаватель, докторант
Азербайджан, Бакинский Славянский Университет

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРРОГАТИВНОЙ ПРЯМОЙ РЕЧИ В АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Summary. The article is devoted to the act of direct speech, which is often used in modern theoretical linguistics. The direct speech act differs from the act of indirect speech by its content and substance. The main difference is that the indirect speech act is proportional to the communication context. Proposition is related to the use of different types of expressions, (sentences used in the text) even in the opposite sense, of the types and purpose of the phrases that have a special role. Although this feature seems to be a manifestation of form and content, it is generally considered to be a very natural form of expression. Proposition is available for declarative sentences, commands, statements and interrogative sentences. In this context, the paradoxical meaning of a sentence type is the propositional meaning of the sentence. Understanding this type of communication during communication is related to many problems. Although their study began with ancient Greek philosophy, it developed at certain intervals and different intensities and clarified many of the problems of information perception. In this context, the theory of "schema" began in the second half of the seventeenth century with a profound study of psychology, philosophy, sociology, and linguistics. Kant is one of the first creators of the "scheme" theory. In the article, I. Kant's explanation of the "schemas" of transitions between conceptual and psychological phenomena related to information perception was explained in detail by F. Bartlett, D. Aybel, M. Minsky, D. Norman, Dake T.V. in the 20th century. These studies have identified the important role of national-mental attributes, social-cultural influences, and linguistic factors in the perception of information. This article is interpreted in a typological context based on facts (direct speech act) cited in fiction texts in English and Azerbaijani.

Аннотация. Статья посвящена акту прямой речи, которая часто используется в современной теоретической лингвистике. Акт прямой речи отличается от акта косвенной речи своим контекстом и содержанием. Основное отличие заключается в том, что косвенный речевой акт пропорционален контексту общения. Предложение связано с использованием различных типов выражений (предложений, используемых в тексте), даже в противоположном смысле, типов и целей фраз, которые играют особую роль. Хотя эта особенность является проявлением формы и содержания, она обычно считается очень естественной формой выражения. Пропозиционирование доступно для декларативов, команд,

утверждений и вопросительных предложений. В этом контексте парадоксальное значение типа предложения - это пропозициональное значение предложения. Понимание этого типа общения во время общения связано со многими проблемами. Хотя их изучение началось с древнегреческой философии, оно развивалось через определенные промежутки времени, с разной интенсивностью и проявляло многие проблемы восприятия информации. В этом контексте теория «схемы» началась во второй половине XVII века с углубленного изучения психологии, философии, социологии и лингвистики. Кант является одним из первых создателей теории «схемы». В статье И. Канта объяснение «схем» переходов между концептуальными и психологическими явлениями, связанными с восприятием информации, подробно объяснили Ф. Бартлетт, Д. Айбель, М. Минский, Д. Норман, Т.В. Дэйк в 20-м веке. Эти исследования выявили важную роль национально-ментальных атрибутов, социокультурных влияний и языковых факторов в восприятии информации. Эта статья интерпретируется в типологическом контексте на основе фактов (прямой речевой акт), цитируемых в художественных текстах на английском и азербайджанском языках.

Keywords: Text, information, perception, scheme, frame, proposition, expression, psychology, linguistics, etc.

Ключевые слова: текст, информация, восприятие, схема, структура, высказывание, выражение, психология, лингвистика и т. д.

Introduction: Although the problem of information perception has been studied by ancient Greek thinkers, the psychological, sociological, philosophical, and linguistic aspects of the issue have occasionally opened new perspectives as a result of the development of these fields of science. Therefore, although the main purpose of research in this area is feeding on the ancient Greek and Roman linguistic schools, it has been greatly enriched by the recent scientific achievements of the respective periods. This is especially true in the face of I. Kant, a prominent figure in German philosophy. The concept of the psychological and logical basis of the origin and perception of information was brought to science by I. Kant. He views the schemes as a phenomenon that lies between categorical and emotional images. According to him, the transition from categories to mental events is accomplished through schemes. Such an issue allows the mechanism to turn the category into an event and the essence of the transition process; or rather, the algorithm for transforming the category into a mental event. According to him, our perception is not the image of objects but their schemas (7). From the beginning of the twentieth century, Kant's training on circuits has been further developed by the English psychologist F. Bartlett. F. Bartlett developed his theory based on practical materials. He draws on his experience of learning a fairy tale that is alien to the West; After listening to a fairy tale, a Western man leaves a fragment that seems insignificant to him or remembers it with a relative difference when he remembers a Western man. This also depends on his practical experience. The essence of the theory is that the cultural norms in which the tale is heard are different. This means that the restoration of tale in the memory and remembering of its fragmentations are relative. From the standpoint of modernity, the main problem of F. Bartlett's schema theory in the form of intellectual activity for any complex form of schematic knowledge. (2,142). Bartlett's cognitive scheme is a more complex mental phenomenon rather than an image or perception. In the Bartlett scheme, it is a more complex phenomenon, not a packet of knowledge. It plays an important role in our perception or

preservation of the text. Thus, the concept embodies the concept of schema in Bartlett's teaching, which embraces more complex mental phenomena than model-presentation concepts. F. Bartlett explained how new information and memory become part of the scheme, in the context of "memory" and its features. He noted that remembrance, that is, reconstruction is a mental activity, accompanied by personal thoughts as well as mental symptoms. In his view, there are very few cases where the text is perceived as when it is being received, and in most cases, the gaps in the memories are filled with the knowledge of the person's life experience. In F. Bartlett's theory, the "scheme" is an arbitrary mental structure; represents people's knowledge of the world. That knowledge influences what people later acquire. Therefore, the "scheme" is considered as a mental structure in the social sciences. People use these schemes to categorize objective worlds and events in the context of common features and elements. New information is also handled according to the mental structure and rules of the scheme. The conceptual significance of the forgotten fragment of the fairy tale from F. Bartlett's theory of empirical practice is also relevant to this point. (3). F. Bartlett's theory highlights three points:

1. The original material is directed from uncertainty to clarity as a result of remembrance.
2. The places that are not remembered or remembered are increased "by itself."
3. Remembrance affects the old knowledge.

Of course, the subsequent recollection of the memorial material, for its activity and its essence, is not clear. On the other hand, filling in the memory gap with existing knowledge occurs within national mental norms. Lastly, the distinction between the original version of the remembrance option is relative, and national mental differences appear in this way in the context of the recall. These characteristics were developed by psychologists following F. Bartlett, and new aspects of these problems emerged. F. Bartlett is rightly considered one of the founders of cognitive psychology. This theory of F. Bartlett was highly appreciated and developed by American psychologists. For example, D. Aysbel shows that human memory

contains an appropriate hierarchy of knowledge. New knowledge comes into the hierarchy that is in line with that hierarchy(1). The scheme is a way of presenting the information. Then, in the 1980s, M. Minsky called the term "frame" (8). This was a breakthrough in the development of A. Bartlett's theory. F. Bartlett's training on information perception was developed by D. Norman and D. Rumelhart in the social context of the problem. They showed that the understanding of the text depends not only on the linguistic knowledge but also on the knowledge of the world. It is well known that the language carrier of information must have the ability to cognitive and social analysis within a particular culture..). Speaking about the basic nature of the schemes in the understanding of the text and the correct understanding of the information, Dake writes that the main feature of the scheme is that it has a permanent, gradually filled frame; one has the opportunity to switch to the other. Cognitive pragmatism is based on rules, concepts and strategies and schemes for fast and functional processing of information. (4); (5,222) He showed that the cognitive process, cognitive activity, occurs when the disks are formed under the influence of sociocultural influences, complex communicative phenomena, and extralinguistic factors. (5,125). Thus, the perception of information has the aforementioned features in the context of intercultural communication. Proper understanding of information among carriers of the same culture is more realistic.

Description of the study: From the end of the twentieth century and the beginning of the 21st century, the problem of semantics of communication in linguistics and the algorithmic modeling of dialogue, depending on the communicative purpose, becomes the object of research both in foreign and in Azerbaijani linguistics. The study of this problem has different directions, not only from the linguistic point of view but also psychologically and sociologically. This aspect of linguistics is of great importance in terms of speech optimization and optimization of communication, as well as the pragmatism of the text. This theory of theoretical linguistics was raised by C. Austin, C. Lakoff, C. Serl, T. van Dake, GP Grays, and other linguists and wrote valuable research works in this field. An instrument direct speech act is a cognitive model of a sentence that expresses other semantics in a normal, normative structure. In this case, the derivative, closely related to the existing semantics of the sentence, conveys an act of direct speech meaning through a new, illocular, new meaning. In this regard, Grace Grays notes that there are two ways to distinguish between what you say: what you are talking about and what you mean. So, he distinguished between direct speech act and indirect speech act (6:41-58).

As we have already mentioned, the act of speech, whether direct or indirect, refers to the semantic domain of speech. In speech act theory, the indirect speech act is sufficiently told. The direct speech act is related to the re-interpretation of the speech by the speech situation. In other words, depending on the situation in the upper structure, it becomes a carrier of other

semantics in the deep structure, or rather, its derivative semantics. The answer to the question based indirect speech act is within itself. Their function is to convey the author's thoughts and ideas in the speech act.

For example

"This little fool," she thought, "imagines himself to be in love with me. Why should he not become my servant instead of the General's? He is good-natured, obliing, and understand dress; and besides, it will keep him out of mischief. He is positively too pretty to be unattached." That night she talked over the General, who was already somewhat ashamed of his vivacity; and Harry was transferred to the feminine department, where his life was little short of heavenly" (Why not to be a general's servant instead). (11). "Why should he not become my servant instead of the General's?" (Why not make him a general's servant?) - in a propositional sense: "It is better to be a general's servant" This is the leading point of the question. Therefore, it does not require an answer from another person, the answer is in the proposition expressed by the author, there is no need to look for it outside.

Another example in Azerbaijani:

– Mən boyda oğulun anası düşmənlə danışığa getsin?

– Bəs Trabzonda Fateh Sultan Məhəmmədlə niyə danışığa getmişdim

– Onda qohumlarımız dar ayaqda idi. Rəhmətlik imperator dördüncü İohannın qardaşı Davusu xilas etmək istəyirdik. Goruna lə'nət. Necə ki, oldu. Əlinə dönüm o Fateh Məhəmmədin, yeddi oğlunun özüylə bərabər başını vurdurdu. (13:6).

Here, the proposition that "All the negotiations with the enemy should be done by the son of the family" provides the answer to the question.

The rhetorical question in the speech serves to convey the thought. In the direct speech act, it provides a live expression of the thought in the current situation:

1. ".On waking, he found himself on the green knoll whence he had first seen the old man of the glen. He rubbed his eyes - it was a bright sunny morning. The birds were hopping and twittering among the bushes, and the eagle was wheeling aloft, and breasting the pure mountain breeze. "Surely," thought Rip, "I have not slept here all night?" He recalled the occurrences before he fell asleep. The strange man with a keg of liquor - the mountain ravine - the wild retreat among the rocks - the woebegone party at nine-pins - the flagon - "Oh! That flagon! that wicked flagon!" thought Rip - "what excuse shall I make to Dame Van Winkle!?" "(11). "The first example is "I have not slept here all night?", "Have I not slept all night?" The answer to that question is in the proposition of that sentence, and in the speech, the author uses the question intonation to bring this point to life.

Comparison of the actual material selected from the literary texts in both English and Azerbaijani shows that this method is widely used in communication and is a carrier of meaning: psychological anxiety, comfort, consent, tolerance, humanism, judgment, abuse, approval, evaluation, comparison. discretion,

objection, confession, ridicule, inevitability, etc.: Let's look at the most common ones:

1.Irony1. Cahandar ağa qəfil zərbə almış adam kimi təngildəyib yerində dayandı. Geniş açılmış həyrətli gözləri ilə az qaldı qarşısında dayanan arvadı yesin. Səsi xırıldayıb boğazında qırıldı - **Nə vaxtdan kişinin işinə qarışırsan?! (14:98). (proposition: A woman should mind her own business, not her husband's)**

2. 'If our philosophies are so much at odds, you could have passed us by and left us to our lives, unviolated. Yet you did not. Why? Why did you insist on bringing us to ruin? Are we such a threat to you?(12). **(proposition: We are not a threat to you)**

2.The prosecution-judgement.1. Həyatə sakitlik çökdü. Bu sükut getdikcə gücləndi və bütün şənliyi bürüdü. Sahilboyu səpələnmiş kənd evlərinin solğun işıqları, həyətlərdə qalanan ocaqların közərtləri də yavaş-yavaş söndü. Kürün qijiltısı gücləndi. Əsən asta külək biçilmiş otların qoxusunu kəndə doldurdu. Hamı ev çəkildi. Cahandar ağa isə qarıda hərlənir, pəncərəsindən zəif işıq gələn otağa yaxınlaşa bilmirdi. **İndi o nə etməli idi? Öz hərəkətlərinə necə bəraət qazandırmalı idi?..(14, 20). (proposition: He cannot justify himself)**

3.Resolute prosecution

1.Sabah evini silib-süpürəcəm. Divarlara kilim tutacam. Yorgəndöşəyini yük yerinə yığacam. Qab-qacaq da gətirmişəm. Anam hər şey göndərib. Görək indi sözün nə olacaq. Bizi tək qoyub qaçdın. **Heç insafın yoxdur? - Özün gördün ki? Heç insafın yoxdur? -(14,67). (proposition: You are dishonest) Özün gördün ki?(proposition: You have seen the truth).**

2.No, not at all,' she began, and then realized he was smiling. 'Some of the things you have told me sound like wonders, yet you do not yourself seem to wonder at them. If you know no fear, do you also not know awe? Surprise? Majesty? **Have you not seen things so bizarre they left you speechless? Shocked you? Unnerved you even?'(12) (proposition: I have met)**

5.Inevitability

1. .Sindermann turned away, as if finished, and then swung back again as the clapping petered out, his voice even softer and even more penetrating. 'But what of faith? Faith has a quality, even when religion has gone. **We still need to believe in something, don't we?** Here it is. The true purpose of mankind is to bear the torch of truth aloft and shine it, even into the darkest places. To share our forensic, unforgiving, liberating understanding with the dimmest reaches of the cosmos. To emancipate those shackled in ignorance. To free ourselves and others from false gods, and take our place at the apex of sentient life. That... that is what we may pour faith into. That is what we can harness our boundless faith to.' **We still need to believe in something, don't we? (12). (proposition: We should believe something)**

6.Necessity , duty of humanism

You are walking along the shores of a lake.' Sindermann said. A boy is drowning. **Do you let him**

drown because he was foolish enough to fall into the water before he had learned to swim? Or do you fish him out, and teach him how to swim?'. **Do you let him drown because he was foolish enough to fall into the water before he had learned to swim?(proposition: A man who can not swim should be saved if he is drowning)(12).**

7.Psychological point, fear:

What are you afraid of? What are you really afraid of? **What are you afraid of?(proposition: .Don't be afraid)**

8. Internal excitement:

1. It was a terrible thought. Surely the megarachnid could see the superiority of the human design compared with their own? **Maybe they fought because of jealousy? (12)(proposition: Maybe they fight because of jealousy)**

9.Protest prosecution:

1.Tull shrugged. 'Not a joke, captain. Just an old-fashioned, alarmist approach. The interrex is a mature society. We understand the threat of Kaos well enough, and set it in its place. "Chaos? "Enemy?" Horus laughed. **When did they become the enemy? They are men like us.'** He glared up at the night sky, threw back his head and screamed a curse at the stars. Then his voice fell to a whisper. Loken was close enough to hear his words.: **When did they become the enemy? They are men like us.'** **(proposition: They have never been our enemies)(12)**

2. Deyəsən onu məktəbdən biryolluq qaytarmalı olacam. Yoxsa uşaq əldən təmiz çıxar. - Cahandar ağa yerin içində çevrildi, Papirosu acgözlüklə sümürüb burnun dəşiklərindən fısıldatdı. - Dünya işidir, bəlkə mənim başıma bir bəla gəldi, onda nə olsun? **Yurdum boş qalmalıdır? Bu arvad-uşağın içində bir başpapaqlı hərlənməməlidir mi?"(14:391)(proposition:The homeland should not be left by its man inhabitants, since women and children should be headed by them).**

3.'Surely, brother, you can conceive of a time when all worlds have been brought into one unity of Imperial rule. **Isn't that the dream we strive to realize?: Isn't that the dream we strive to realize?(proposition: To realize this dream we try to overcome all the difficulties we face)(12)**

10. Confession:

1.Rogal Dorn nodded. He gazed out through the armored glass wall at the scintillating expanse of the starfield. **You know that I've had my eye on you? That I spoke in support of your election?: You know that I've had my eye on you? That I spoke in support of your election?'** **(proposition: I have been watching you for a long time and I accept your choice) (12)**

2.Well, it worked then, didn't it?' **(proposition: They are near to their goals).(12).**

11.Protest:

1.'The answer, always, is the Wolves of Fenris.' Torgad-don put in, 'because they are clinically insane.' He grinned broadly, sensing the tension, and wishing to dispel it. 'If you're comparing sane Legions, of course, the question becomes more complex. Primarch Roboute's Ultramarines make a good show, but then

there are so bloody many of them. The Word Bearers, the White Scars, the Imperial Fists, oh, all have fine records. But the Luna Wolves, ah me, the Luna Wolves. **Sigismund, in a straight fight? Do you really think you'd ha Honestly? Your yellow ragamuffins against the best of the best?(proposition: You cannot do what you hope for)(12)**

2.- Biz heç kəsi öz dinindən döndərmək istəmirik. Bizim məqsədiniz sizin uşaqlarınızı oxutmaq, onlara elm öyrətməkdir. Onları savadlandırmaqdır. İndi zaman dəyişir. Elmsiz adam kor kimidir. Gərək siz uşaqlarınızı bədbəxt olmağa qoymayasınız. - **Biz oxumamışıq, dünya uçub? Uşaqlarımız da oxumasa, yeməyə cörək tapmayacaqlar?** Lazım deyil sizin oxutmağınız!(14. 146). (**proposition: To be literated is not necessary in order to earn one's living**

12. Optionality:

1.'Excellent.' he said, and poured himself a second. **Very good indeed. You're not going to answer me, are you?** I could ask your name and your lineage and anything at all, and you would just stand there like a statue, wouldn't you? Like a Titan?: **You're not going to answer me, are you?(proposition: You owe to give me the right answer).(12)**

2. Loken stared at the man. The oath of moment fixed to his shoulder plate fluttered in the mountain wind. **'Who is Samus?'** (**proposition: Boasting**).(12)

'Who is Samus?(proposition: Samus is Nobody)

13. Comparison:

What is it, sir?' (**proposition: He is not anybody**). (12)

14. Appreciating :

1..Tarvitz was proud that he didn't even begin to understand how xenos minds worked, but he was also confident that the purpose of the megarachnid, if they had some higher, ineffable purpose, was more than to give mankind a demanding training partner. He wondered, briefly, if they had language, or culture, culture as a man might recognize it. Art? Science? Emotion? **Or were those things as seamlessly and exotically bonded into them as their technologies, so that mortal man might not differentiate or identify them?**

Were they driven by some emotive cause to attack the Emperor's Children, or were they simply responding to trespass, like a mound of drone insects prodded with a stick? It occurred to him that the megarachnid might be attacking because, to them, the humans were hideous and xenos.(**proposition: Human beings make notes and differentiate**). (12)

15. Negation:

1.- Deyəsən molladan yaman yanıqlısan. - Yanıqlı olmayım, nə edim? Zalım oğlu başdan ayağa kələkdir. Özü də kəmsavadın biridir. Ancaq özünü elə aparır, guya elm dəryasıdır. İndi də başına mürid yığır. Camaatımızın da dərdi çəkiləsi deyil. - Elə bilirsən təkcə sizdə belədir? **Başqa millətlərin ruhaniləri ağıllıdır?(14,135).**(**proposition: All the clergymen of other nations are so**).

16. Confirmation of reality:1.official line, but there has been trouble. Insurgents. Loyalists. You

always get it in a conquered city, no matter how clean the victory. The back streets are not secure. **'Really?'** (**proposition: It is true**).(12)

2.Horus nodded. 'So we stay here, if we must, until the job is done. We must hold over our plans to advance. Such a shame...' The prim arch's smile faded for a second as he pondered. **'Unless there is another suggestion?'**(KYRIL SINDERMAN Primary iterator) (**proposition: You must not have another proposal**).

3.Mən sənin dərdini artırmağa gəlməmişəm. İstəyirəm hər şeyi bilib bir az yüngülləşsən. Yoxsa peşmançılıq çəkirsən, mənim ölümümə dözmürsən?' Heç elə şeyi ağılına da gətirmə, ay qardaş, **mənim səndən başqa kimim var? Heç səndən inciyərəmmi?** Lap xəncərlə tikə-tikə doğrasan da uf deməzdim, o handa da güllə ola. Dərdin alım, elə şey nədir ki, ondan öteri fikir eləyirsən, bir bacı bir qardaşa qurbandır. Mənmin min canım olsaydı, təzədən sənə qurban deyərdim. Ürəyinə heç nə gəlməsin, ay qardaş, mən səndən zərrə qədər də inciməmişəm, ancaq gərək bir az səbr eləyəydin. Amma yaman insafsızsan. Qanqallar dizimə dolanda, mən ufuldayıb ağlayanda, atını saxlayıb bircə kərə halımı da soruşmadın".(14.242).(**proposition: I have nobody except you, I will never be offended by you**)

17. Harassment:

1.Then I can't see how you've failed in any way, my son. Consider that last phrase particularly. "No matter the ferocity or ingenuity of the foe". **When poor Jubal turned, did you give up? Did you flee? Did you cast**

away your courage? Or did you fight against his insanity and his crime, despite your wonder at it?'(12)(**propozisiya: You are a loser, you have given up, you are coward, You have not fought against them**).

18. Judgement:

1.Yes, you do. If a brother turns on his brothers again, will you cover that up too? How many have to turn before you act? One? A squad? A company? How long will you keep your secrets? What will it take for you to cast aside the fraternal bonds of the Legion and cry out "This is wrong!'"? (**Proposition: You must not hide if one of you brothers attacks to his men again; you must act; you have kept your secret for a long time ;that will do**).(12)

19. Consent:

1.I won't.' he said. 'I can't. It was a wild beast. **Euphrati, how did you deal with it?'** (12)(**proposition: You have overcome difficult work**)

List of references:

Research Method: Descriptive, comparative and conceptual analysis methods were used in the writing of the article. Comparative analysis of direct speech acts with question-based means, selected from English and Azerbaijani literary texts.

Conclusion: In English and Azerbaijani literary texts, speech-based speech acts are actively used in communication, depending on the situation. Their pragmatic function in the transmission of information has similar features. Understanding and remembering information is based on the regularities explained in the

scheme theory. Therefore, the "scheme" theory of I. Kant, F. Bartlett, and his followers are practically universal. In the modern era, research on the perception and proper perception of information regarding aspects of speech optimization will open a new stage in the development of the "scheme" theory

1. Ausubel D.P. The psychology of meaningful verbal learning. New York: Grune&Stratton, 1963).

2. Bartlett F. Психика человека в труде и игре / Ф. Барлетт. – Москва : АПН РСФСР, 1959. – 142 с.).

3. Bartlett F. C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932).

4. Dijk T.A. van. Prejudice in discourse: An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation. - Amsterdam, 1984);

5. Dijk T. A. van. Studies in the pragmatics of discourse - The Hague, 1981.p:222).

6. Grice, H.P. Logic and Semantics (Текст) / H.P. Grice. – New York: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41-58).

7. Кант Иммануил. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован

Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с. — ISBN 5-699-14702-0).

8. Минский М.Л. Фреймы для представления знаний. — Москва: Энергия, 1980).

9. Norman, D. A. (1983). Design rules based on analyses of human error. Communications of the ACM, 4, 254–258.);

10. Rumelhart D.E. Notes on a schema for stories // Representation and understanding: Studies in cognitive science. - N.Y.: Academic press, 1975. - P. 211-236.

Fiction List:

11. Stevenson R. L. "The Rajah's Diamond" Story of the Bandbox:

enjoy-eng.ru > knigi > r-l-stivenson-the-rajah-s-diamond-s-parallelnym-.

12. Kyril Sindermann. Primary iterator: 1. www.rulit.me > books > the-horus-heresy-ho.

13. Xudafərin Kōrpüsü. "Yazıçı" nəşriyyatı, 1982. Q. Kərimzadə, 2002.s.

14. İsmayıl Şıxlı. Seçilmiş əsərləri. İki cildə. II cild. Bakı, "Şərq-Qərb", 2005, 400 s.

Alimbetov Yu.

PHD philosophical sciences,

Karakalpak state university named after Berdakh, Uzbekistan, Karakalpakistan, Nukus city

Pirnazarov N.

master, philosophical sciences,

Karakalpak state university named after Berdakh, Uzbekistan, Karakalpakistan, Nukus city

CULTURE: TRADITION AND NOVATION

Summary. In this article the problem of the cultural heritage and creation on basis of social – philosophical approach is considered.

Key words: culture, national, heritage, creation, history, tradition, social philosophy

The main changes that are being carried out at the present time in our independent country include all fields of social life. But in this process, every field's signing connected with independence has a certain difference. For example, changes that belong to economy are directed to the future. This situation can be explained as the correspondence of economics in social-economic aspects. The line of economics root demands achieving the effectiveness of property relation and compliance of its forms with the modern economy. Therefore, implementation of all forms of property tested in world's practice. The development in society's spiritual field cannot be carried out without turning to the past. Each person restudy and revalue his history. It is connected with the understanding themselves as a nation, restore in a new form of nationality's attributes and a necessity in achieving worldwide integration process[1;6].

This clarifies that the dialectics of creating new society are connected with the experiences that was collected during centuries by our ancestors, memories

that expresses their religious and educational property concepts. So the need to study and mastering cultural heritage will only improve. For example in our culture was developed living in community and by these they carried out their individual and social lives devoted themselves to creation and their results inherited to descendants. Then it became life philosophy and norms.

Unfortunately, foreign politicians who do not understand or just do not want to understand the historical reality are trying to teach us not only economics or politics but also spirituality and trying to make us accept concepts that are not suitable to our life forms and spiritual world [2;11].

Therefore we must repeat even if too much, self-belief of every person is directly connected with the ancient history and wealthy culture and learning heritage of our great ancestors. By this the necessity of studying is clear. Although cultural heritage concept, is used especially in advice, and journalistic literature has no certain scientific meaning. Moreover mass media

does not completely know the meaning of this social notion. Right, in scientific literature it means material and spiritual results of past on the social-philosophic point of view [3;172].

Cultural heritage is very wide conception. It includes statues, sculptures, decorative items, jewelry, wall murals, household tools and etc that were found during archeological excavations. The complex of items that were found during archeological excavations is also cultural heritage. So do archeological records. The ancient manuscript even if they are in scientific, philosophical, and religious content we cannot understand who we are. Therefore, they are our priceless wealth and pride.

We emphasize that in the last 30-40 years there have appeared such sciences as cybernetics, biotechnology, cosmonautics, molecular genetics and they have changed the world. Proceeding from this modern technologies and scientific methods has turned into a science, production works are also a legacy.

In addition to for unknown reasons, the people do not yet know about these legacies, but these legacies have a great chance of having a high level in cultural specimens. Moreover, these legacies are hurled in international archives and libraries, but much has not been mastered yet.

So, the cultural heritage includes memorials that have come down from ancient times and have been left without attention of the people because of certain reasons or had no opportunity to be expended and also works of our contemporaries. Certainly we have to sort them out. Because among priceless, real culture models, there may be weak and false ones. That is why we have to think and analyze every cultural heritage critically. In this way, national-specific, international and humanity relations, mostly the suitability of cultures are considered to be the element of nationalism. This is closely connected with the basic elements of scientific and practical relations – humanism, patriotism and progress.

Of course, it is not enough for human only inherit the culture of the past. By living in the world of rich and various things, within creates himself. But it is not true to say that, this process does not arrange easily. If it had not been changed, it would not be the subject of the creation. We also face to the problems and difficulties of the interrelation between study and creation of the culture. For instance, the approach of defining the culture via memory which is widely used now. It is one of the most important tendencies of the spiritual development of our public to avoid the times that were no memory.

This process requires being vigilant to cultural program and starting everything with this. But it can create opposite idea and thought in the public mind. Because surely, the event may not be come across with modern and the treatment cannot be found in the establishment of a new era. In fact if today there were no connection between past and today, the examples of culture would have become the object of folk or ethnographic interest - exhibits of a museum. Moreover because of the fact people suffered from difficulties in

their individual or social lives in Soviet Union, there were enough people who showed harms of “technological civilization” to culture, especially to peasantry lifestyle.

It is important to pay attention in the centre of developing culture’s two contrast and unity action, reversing rod and mutual relations of newly, in order to understand all

of them. For instance, constantly side of culture is cultural regulation. Since human society appeared each generation learnt their generation’s daily life and they use their life experiment for their daily life as experiment test that’s for sure, without this there couldn’t be connection between descendants. Finally cultural tradition gave an opportunity to still alive in people’s first collective. Especially in the periods of political society, one example that people submitted traditions and rituals which one changed stereotype programs and they undergo a lot of hardships. In addition, any kind of society tries to get free regulations of component. Nevertheless we want to be modern society; we can’t absolutely avoid our regulations.

There is no culture which doesn’t depend on traditions. In the development of new culture, the traditional culture has a big role because the process of dialectical dissolve includes nationality. We can see the result of less attention for this, on the disappearance of the culture because of the effects of “proletcult” because this point of view was to all culture that had lived before revolution in a nihilistic relation, and was cause to disappearing most of them.

It is right that heritage process in abolishment has not only progressive character but also regressive tendency. Because in every model of culture there are various outlooks, orientation value set of ideas. If we act in this way and don't admit all this culture of past, we lose the great connection of the generations, do not we? In the end we must understand that every generation can't build of their own culture. So nihilism is the opposition of the dialectic principle which appreciates the idea of inheriting the best features of the past. And nihilism supports to criticize the culture rather than to build. In the process of praising for person the freedom of invention decreased. Because every field of spiritual production became dependent on firm class ideology. In consequently, heritage was ruined. All in all, this period was hard and difficult times for culture and its creators. There is no culture whose intelligence did not stand unharmed in Soviet Union. Some of them were called enemies of people and were shot, other who stood alive lost opportunity to work as a subject of creation. There were imprisoned for 10-15 years or continuously were in exile.

How many people suffered just that time!!! We know that initial investigator of Karakalpak language, a writer, an active member of social and the first doctor of science belong to nationality of Karakalpak Najim Dawkaraev was a sacrifice of exile. He was called bourgeois, nationalist by community that Sovitskiy organized and he was supported by group of people as a price given by position party. What is annoyed is that a someone whose surname was Hakimov who had only 7th class degree, who had completely no idea about

Karakalpak language and literature, was a lecturer of a critical article at the meeting of culture and economy institution party, Academy of Science, January 18, 1953 [4;112].

There are so many facts that prove class position prevented people to master and use culture examples. Art (jirawshilik, baqsishiliq and kissaxanliq) occupies a special place at the cultural heritage of Karakalpak. According to as such scientist of literature A.Pakraddinov in 20th century was the period of the peak of development of these three skills [5;1047]. Among them kissakhanlik progressed rapidly that had great Karakalpak schools.

For example: schools named after Korazbek, Seypulla, Kazi Ma'wlik, Kawender bala, Baltabay, Kurbanbay etc. serve as a prove. A. Pakraddinov wrote such well-known kissakhans as Abbaz, Kazakbay, Kurbanbay, Baltabay, Hilal, Seytniyaz graduated Kawender bala school.

The point is that kissakhans were literate, with the ability to translate. They were also performers who spread their works among people and also because of the fact that there were no publishing houses that time, although most of them were calligraphists, from day to day their works with their names were forgotten. Because power of class position tried to give praise to results of October revolution and did not pay attention to people's culture and kissakhanlik. As a result, a whole nation completely lost one part of their culture.

Today, because of the fact that the democracy has been installed in our country, kissakhanlik is becoming one of the best traditions of Karakalpak.

Surely, we must repeat again: mastering cultural heritage, loyalty to traditions, accepting or saving them are not enough. Development of culture is closely connected with creation.

All in all, we must not cancel the fact that the process of creation relies on cultural traditions. Therefore it takes its streams from objective reality and we must not forget that is carried out by its subject

In the end, the process of creation has norms mechanism of this process – is intuition. May be, therefore, something that is new for someone, always cannot be like that for society. Consequently, creation is closely connected with novelty. However, keep in mind, every novelty cannot be creation. Creation of novelty will be a creation of cultural wealth. So creation should have commonness, and social necessity.

For example, some literary works present some problems that are common for some people, so they will read it with pleasure, because that kind of works finds a way to their inner senses. Then it will be a novelty. For example, we can see this in famous Kyrgyz writer Ch.Aytmatov's works. By his works he showed social and humane demands, dialectics of benefit's realization in cultural life. Especially, in his work named "The day lasts more than a hundred years" tells us about difficulties, problems like changing cemetery into cosmodrome, and by "Edige" whose plan to bury his friend "Kazanghap" who worked with him in inhabited railway station for 30 years near his mother did not realize, writer tried to show problems and

difficulties that every person faces during in their individual or social lifetime.

As an example of novelty also can serve karakalpak writer T.Qayipbergenov's work named "A cup of milk". Author by his work shows openly soviet rules that out of law indicated how many cows people can keep, although they lived in difficulties. Moreover, the difficulties of "Cow queue" and about the fact that local state authority did not pay enough attention. Consequently, writer shows to society that they must exit from old stereotype and duties, aims that they must have to realize in their near future. If works have no novelty like above mentioned they cannot be creation. Therefore, every novelty's real cultural measure must be common humane benefits and demands. Surely, meaning of culture and connection between its novelty and traditions cannot end with explaining. Moreover, as we mentioned above, culture on the philosophical point of view, if its individual subjective sides will be considered firstly, then opening this actions' nature will take base from the objectively developed social connection during human history.

As a result, we can find connection between objective tendency and laws of social development and creation basis that are stored in culture.

In conclusion, heritage and creation in culture always demands each other, therefore they are actions that cannot survive without each other.

The article "A cup of milk" which is written by T.Qayipbergenov can be an example to the news. Author said openly that council power had given cows to the poor families out of law. Also there is said the pain of looking after cows in the village and being the scale of republic or local power did not pay attention. Then, author is out of old stereo type's circle he discussed aims and duties which must do quickly.

It is difficult to say, there is any news and real scientific research in the poem which lost its qualities. So that a real cultural dimension of news must look through answering degree to demands of personality. Of course, the meaning of cultural contact between regulation and news do not end with this explaining. If we think the cultural as aspect of philosophy, firstly accounting the sides of its own subject, then it is devoted to the types of social connect which appeared in history of humanity. In the result, we can connect with objective trends and laws which developed in cultural society. Nowadays, cultural connections are developing which acquired in the cultural heritage and its future can give a chance to add it.

Literature

Каримов И. Родина священна для каждого, Узбекистан, 1996 p-6

Каримов И. Жокары манаўият – жеңилмес күш Т.: Маънавият 2008 p-11

Қараңыз: Проблемы философии культуры М., Мысль 1984 p-172

Қараңыз: Алланиязов Б. Тарийхтың гүңгирт бетлери ямаса Н.Даўқараев идеологиялық қәте жиберди ме?! // Әмиўдәрәя №10 1991ж. p-112

Пахратдинов Ә. Қыссаханлыққа да кеўил бөләйик. //Әмиўдәрәя. №9, 1991, p-104

THE IMPORTANCE OF THE CONCEPT OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS IN THE DEVELOPMENT OF THE HOMELAND

Abstract. In this article we will look at one of the most pressing problems of our time, in which our national self-awareness is the basis of the prosperity of the nation and the country.

Keywords: national self-consciousness, nation, globalization, culture, spirituality, education, philosophy

The issue of national identity is at the heart of the nation's problems. Every person, no matter what nationality he is, is interested primarily in the history and future of his nation, and cannot imagine his own life separated from it. He has a feeling of love and service to his people in his heart. These things are reflected in national psychology and national consciousness, without which national consciousness cannot exist. The relevance of the problem under study is determined by the above-mentioned aspects.

The problem of national self-awareness has become more urgent with the acceleration of the integration process, which is linked to all countries of the world. National self-awareness is not at the expense of denying another nation and its culture, but rather respecting them, comparing them to the culture and spirituality of other nations, making the necessary conclusions, imitating and mastering their progress, and at the same time should be at the expense of preservation. Otherwise, the nation can be entangled in its own limited culture and stray from global integration. "Consequently, we envision the future of our state not deeply entrenched in our shells, but deeply embedded in universal and democratic values. We see the future through the experience of developed countries, in the liberalization of state and public administration, the wider introduction of human rights and freedoms, and the diversity of ideas in our lives. We are committed to a peaceful, free and prosperous life, mutually beneficial cooperation with the entire enlightened world and the international community."³

Every national cultural system contains elements that act as a filter for understanding, selecting and "filtering out" elements that come from outside and that are contrary to the local culture. They are the national cultural and spiritual values which have been tested for centuries and passed down from generation to generation. They exist in moral, religious, scientific, aesthetic, legal, economic and political forms, and are in harmony with the forms of social consciousness of society and are the main sources of national self-consciousness.

The ability of national cultures to respond to other influences while also being able to protect themselves from the negative effects of other cultures is important. In these circumstances, it is important for the nation to

maintain its ability to absorb universal and progressive modern values aligned with its national culture and values. Such synthesized values are always present in the historical process as national spiritual heritage and high value and will never disappear, but rather evolve, change and enrich themselves at the expense of innovation.

Each nation is connected with and contributes to world civilization and universal values through self-awareness and comparisons with others. "Each new generation compares their lives with the rise and development in other countries, and looks for the causes of decline. If the cause of the crisis is right, it will try not to repeat the mistakes of the past and try to get it right."⁴

Problems of self-awareness and national self-awareness have become more urgent with the acceleration of the integration process that covers all countries of the world. It is worth noting that the event of nation-building in the historical process itself is the result of integration. Therefore, national self-awareness is not an issue today.

When we look at the history of philosophy, thinkers place a great emphasis on self-awareness. In the modern age, thinkers have paid much attention to the understanding of national identity and national identity. In particular, the ancient Greek philosopher Socrates emphasized that knowledge begins with a person's self-awareness. It can be said that Buddhism, Zoroastrianism and Islamic religious ideas have also been raised. In Avesto, human self-awareness is associated with love and preservation of the soil, motherland and natural environment: "The Prophet Zarathushtra asked the god Ahura-Mazda: O Ahura-Mazda! Who is the happiest person on earth? Ahura-Mazda replied, "O Zarathushtra! Whoever drives it and prepares the crop! O Zarathushtra! Whoever sows corn, he sows the truth ..."⁵ If we turn to Islamic philosophy, we will see the following hadith: "He who knows his own identity knows his Lord."⁶

Referring to Ghazali's philosophical legacy, we understand his valuable points on this issue. He attaches great importance to the issue of a perfect person and connects perfection directly to the issue of self-awareness. In Ghazali's book "Chemistry of Happiness," he asserts that he knows others and God

³ Karimov I.A. High spirituality is an invincible force. 2008, P-114

⁴ Ch. Aitmatov, M. Shokhonov. The Consciousness of a Surviving Hunter.-T.: East, 1998.366 - p.

⁵ Mahmudov T. About Avesto.-T.: East 2000.5 p.

⁶ Nosiruddin Rabghuzi. Book 1.-T.: Writer, 1990. 196 - p.

only when he recognizes himself, his self, and perfects himself. Forobi also focused on this issue, in his scientific heritage explaining the problem of national self-consciousness within the spirit of the people and the unification of the majority as a result of their association, and consequently, the interdependence and succession of generations. In his view, succession is the link between generations, which means that respect for generations is the source of happiness for people and creates conditions for prosperity.

Referring to Ghazali's philosophical legacy, we understand his valuable points on this issue. He attaches great importance to the issue of a perfect person and connects perfection directly to the issue of self-awareness. In Ghazali's book "Chemistry of Happiness," he asserts that he knows others and God only when he recognizes himself, his self, and perfects himself.⁷ Forobi also focused on this issue, in his scientific heritage explaining the problem of national self-consciousness within the spirit of the people and the unification of the majority as a result of their association, and consequently, the interdependence and succession of generations. In his view, succession is the link between generations, which means that respect for generations is the source of happiness for people and creates conditions for prosperity.⁸

The problems of national self-consciousness have been studied by a number of Western thinkers, such as Hegel, and later by existentialists - Yaspers, Sartre, Camus, Russian philosopher Berdyayev and others. National self-awareness is one of the important events in the historical process and is an integral part of self-awareness and constitutes one of the basic conditions for the formation of a nation. Historically, during the period of national liberation movements, various revolutions, revolutionary revolutions, and the acquisition of independence, the phenomenon of national self-awareness has become one of the major factors influencing national consciousness and future spiritual development.

In Uzbekistan, this issue has acquired a new meaning after our independence. Because of the independence, the revival of our national and religious values, the national-historical spirituality, and the approach to many of the problems associated with our nation and nationalism have radically changed. This has allowed us to address the issue of national identity, among other things, from the perspective of our national goals and interests, as well as our future independent development.

National self-awareness is not at the expense of denying other nations and their cultures, but on the basis of respecting them, comparing them to the culture and spirituality of other nations, making the necessary

conclusions, imitating and mastering their progress, and thus their individuality. It is desirable to save it. Otherwise, the nation may be trapped in the confines of its limited culture and lag behind world integration.

It is known that the First President of the Republic IA Karimov pays much attention to the issue of national identity⁹. His approach to the issue of national self-awareness, reflected in a number of his works, can serve as a methodological framework for our scholars: "While we attach great importance to the revival and development of national identity, we mean that national self-consciousness is not intertwined with world culture and universal values. The history and culture of the Uzbek people are an integral part of the universal civilization."¹⁰

National self-awareness is the basic form of self-awareness. Self-awareness is achieved by comparing and distinguishing oneself with others. One of the main determinants of national identity in this process is national culture and spirituality. The national culture and spirituality have been formed and developed over the centuries, reflects the values and traditions that have been proven and tested over historical periods. "National self-awareness is the perception of each nation in its existential existence, the common cultural basis, the solution of values, the social and historical and spiritual development of the need to rationalize and manage its creative activities in the context of development requirements."¹¹ Clearly, the author argues that national relations, national self-awareness can be linked to world civilization, cultures of other peoples, and universal values.

The process of nation's formation and development cannot occur without its involvement with other nations and peoples or the process of integration. Because during his social life he has to enter into social relationships with other nations. No matter how large or small a nation may be, it cannot flourish in a confined and limited range.

The nation that interacts with other nations, and the nation that is influenced, changes and develops. Whether this interaction is positive or negative depends on a number of factors: the conditions of this historical period, the activity of the nation, the activities of national leaders, the observance of democratic principles in society, the natural and geographical environment.

Occasionally, external influences can have a significant impact on national spirituality and culture due to the peculiarities of the historical period. For this reason the First President of the Republic of Uzbekistan IA Karimov emphasizes this: "If anyone asks me what should be done to protect our spirituality today and what to do to counter the threats that threaten it, I think

⁷ Ghazali Z..M. Chemistry of Happiness (Truth of the Heart), by T., Kamalak, 1995. 5-76 p.

⁸ Abu Nasr of Farabi The city of the villains. T., Kadiri Public Heritage Publishing House, 1993. pp. 164-165.

⁹ Karimov IA for Security and Sustainable Development.6 Volume-T. : Uzbekistan, 1998; High spirituality is an invincible force. T.: Spirituality, 2008;

¹⁰ Karimov I We Build Our Future with Our Own Hands.7 Volume-T. : Uzbekistan, 196 p.

¹¹ Kuchkarov V. .National identity and socio-political processes.T. : Academy, 2007. 14 p.

first and foremost that anyone who lives in this country understands our identity, our ancient history and rich culture; I would say that it is necessary to dig deeper into the legacy of our great ancestors, to be aware of the rapidly changing realities of today's life, to think independently and to be involved in all the changes in our country. " These words of the First President of the Republic IA Karimov are important in the theoretical solution of problems related to the preservation and preservation of national spirituality and culture, values in the era of globalization.

The problem of national self-awareness is also related to the issue of national consciousness. National consciousness is a consciousness. National self-awareness is also self-assessment. Such an evaluation process is not possible without national awareness. National consciousness is also stable because of its understanding. And stability is known to have the ability to defend itself.

It is important to properly address the question of which elements should be given more attention within the national consciousness. The question arises as to what aspects of it are fundamental and how it should be directed. In this area it is wrong to limit ourselves to only national historical values, or vice versa. The national consciousness of the society should be based, first of all, on the national spiritual values, religious values that serve the present and the future of our state, based on the philosophical, scientific, aesthetic and legal and moral heritage of our nation, and on the ideals of national independence.

Only when national historical values are combined with modern and progressive universal values and progressive democratic values can our society achieve high spirituality and, consequently, progress. Thus,

based on the principle of continuity of historical development, both the historical heritage and the progressive spirituality of the present and the ideals that serve the future are directed to the social consciousness of society.

The nation is not only content with its national heritage, it also enjoys and develops the spiritual and cultural values created by the world community. This way can help our country to find its rightful place among the developed countries of the world in the future. This path will help to build a civil society and a democratic country where the rule of law prevails in Uzbekistan.

References:

1. Karimov I. Towards Security and Sustainable Development. 6-T. : Uzbekistan, 1998;
2. Karimov I.A. High spirituality is an invincible force. T.: Spirituality, 2008;
3. Karimov Karimov We build our future with our own hands. Volume 7.-T. : Uzbekistan, 196 p.
4. Chit Aitmatov, M. Shokhonov. The Consciousness of a Hunting Hunter.
5. Makhmudov T. About Avesto.-T. : East 2000.5 p.
6. Nosiruddin Rabghuzi. Book 1.-T. : Writer, 1990. 196 - p.
7. Gazali Z..M. Chemistry of Happiness (Truth of the Heart), by T., Kamalak, 1995.
8. Abu Nasr of Farabi The city of the villains. T., Kadiri Public Heritage Publishing House, 1993. pp. 164-165.
9. Kuchkarov V. National identity and socio-political processes. T. : Academy, 2007. 14 p.

Безрукова А.А.

*Майкопский государственный технологический университет,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии, социологии и педагогики.*

Тхакушинов А.К.

*ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик)
Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ»,
заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики.*

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ)

Bezrukova A.A.

*FSBEI HE "Maykop State Technological University",
Candidate of Sociology, an associate Professor,
head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy, Faculty of Management.*

Tkhakushinov A.K.

*FSBEI HE "Maykop State Technological University",
Doctor of Sociology, a professor, a full member (academician)
of the Russian Academy of Education, the president of FSBEI HE "MSTU",
head of the department of Philosophy, Sociology and Pedagogy*

¹² Karimov I..A. High spirituality is an invincible force .-T.: Spirituality, 2008.17 p.

GENDER ASPECT IN THE FIELD OF SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC ACTIVITY (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE REPUBLIC OF ADYGEYA)

Аннотация. В современном обществе социальные отношения полов представляют собой отношения неравных статусных социальных групп, общностей. Это приводит к социальной иерархии с мужским доминированием, к гендерной асимметрии. Негативными последствиями воздействия гендерной асимметрии на уровне женской общности является то, что не происходит полноценного раскрытия личностного потенциала женщин, а также его эффективного использования в рамках всего общества. В республике преобладает ярко выраженная гендерная асимметрия в области экономической и общественно-политической активности, что в значительной степени опосредовано этнокультурными особенностями региона и самой половой принадлежностью, во многом детерминирующей реализацию традиционного мужского или женского гендерного дисплея, основные элементы которого преимущественно формируются у индивида не путем рационального выбора, а в результате социализации.

Abstract. Social relations of the sexes in modern society are relations of unequal status social groups, communities. This leads to a social hierarchy with male dominance, to gender asymmetry. Negative consequences of the impact of gender asymmetry at the level of the female community is that there is no full promotion of the personal potential of women, as well as its effective activity throughout society. There is a pronounced gender asymmetry in economic and socio-political activity in the republic. It is due to a large extent to the ethno-cultural characteristics of the region and gender identity itself, which largely determines the realization of the traditional male or female gender display, the main elements of which are mainly formed by the individual not through its rational choice but as a result of socialization.

Ключевые слова: гендер, пол, асимметрия, социальная активность, социальная группа, этнокультура.
Key words: gender, gender, asymmetry, social activity, social group, ethnoculture.

Процессы модернизации в современной России невозможно осуществить без гармонизации взаимоотношений между различными слоями общества, включая и гендерные отношения, которые являются одним из важнейших аспектов социокультурной жизни социума. Опыт последних лет показывает, что реальные достижения в аспекте гендерного паритета непосредственно связаны с тем, насколько активны женщины в публичной сфере: являются ли они полноправными участниками социально-профессиональной деятельности, а также, что еще важнее, насколько они влиятельны в политике. Именно самореализация женщин в этих сферах дает представление о степени продвижения государства по пути демократических преобразований и степени реализации задачи формирования гражданского общества [1, с. 129].

Поэтому деконструкция гендерной асимметрии в публичных сферах жизнедеятельности выражается в распространении среди женщин жизненных стратегий, связанных с получением высшего образования и профессиональной карьерой; включении в общественную дискуссию вопросов, ранее относившихся исключительно к сфере частной жизни (разводы, домашнее насилие, распределение семейной власти и пр.).

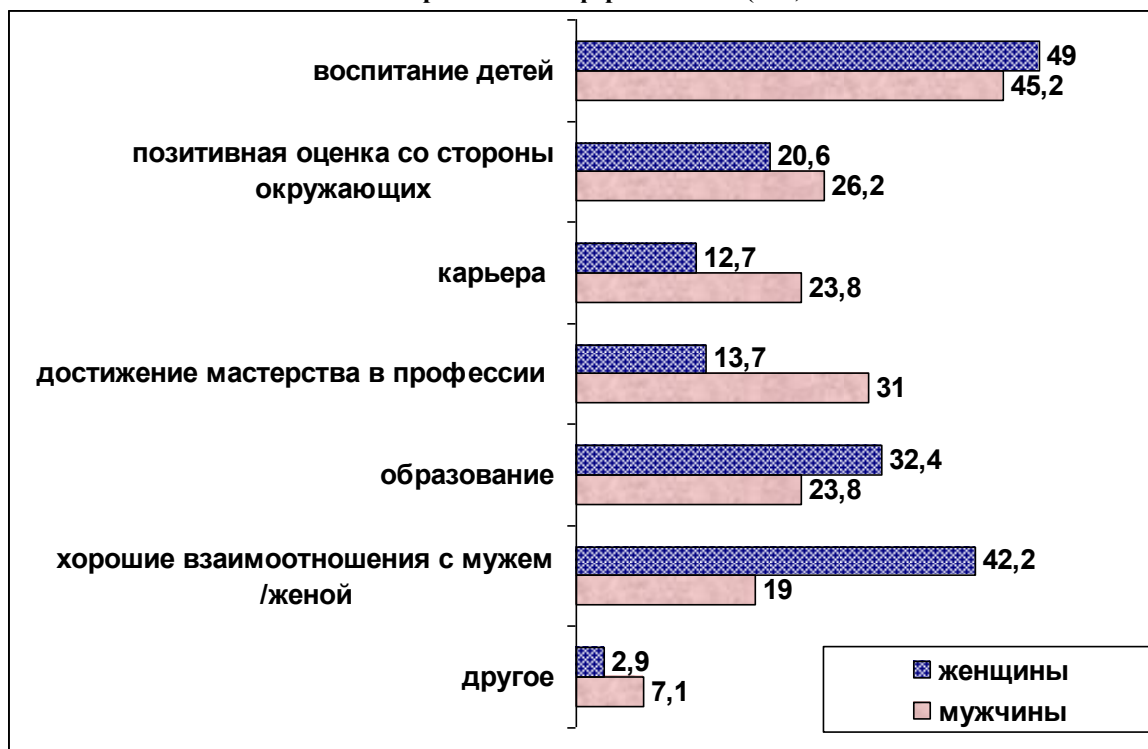
Многие науки долгое время не ставили акцента на изучении половой дифференциации при рассмотрении разных аспектов и сторон общественно-политической и экономической деятельности, не учитывалась ее гендерная составляющая. Сейчас же многие исследователи

все чаще поднимают проблему половой дифференциации.

В советский и постсоветский периоды развития России существенно меняются институциональные условия, определяющие содержание и способы проявления социальной активности женщин. Вместе с тем на степень включения женщин в профессиональную и общественно-политическую деятельность существенно влияет и этнокультурная специфика того или иного региона, которая задает нормативные установки и экспектации в отношении гендерных границ. Поэтому необходимо обратиться к анализу существующего на современном этапе отношения к социально-экономической и политической активности женщин в Адыгее.

Результаты этносоциологического исследования фиксируют, что соотношение степени важности для жителей Адыгеи различных сфер публичной и приватной активности имеет ярко выраженную гендерную специфику. Схожими по значимости для адыгских мужчин и женщин выступает задача воспитания детей (45,2% в первой группе и 49% - во второй) и стремление получить позитивную оценку со стороны окружающих (26,2% и 20,6%). Между тем, выявляется выраженная ориентация мужчин на самореализацию через карьеру, а женщин через семейную жизнь. А именно, мужская часть населения республики в два раза чаще выбирает позиции «достижение мастерства в профессии (быть ценным сотрудником)» (31% против 13,7%), «карьера» (23,8% против 12,7%). (Диагр. 1).

Диаграмма 1. Степень значимости для респондентов различных сфер их жизни (в%)

Для женщин более важными являются выстраивание хороших взаимоотношений с мужем (19% в первой группе против 42,2% - во второй). Они также в большей степени ориентированы на образование (23,8% против 32,4%), но так как получение образования в женской подгруппе не обязательно сопряжено с профессиональной деятельностью и карьерой, то этот параметр не может быть прямо отнесен к публичным формам социальной активности.

Вместе с тем анализ количественных данных в отношении тех сфер занятости, которые подходят женщинам, показывает, что большинство респондентов обоих полов положительно

воспринимают трудовую занятость адыгеек в сфере образования (варианты «полностью» и «скорее подходит» отметили 86,8% мужчин и 82,5% - женщин) и здравоохранения (81% и 84,2% соответственно). Причем женщины чаще выражают полное согласие по этой позиции, тогда как мужчины более осторожны. Работа в сфере торговли полностью одобряется уже меньшим числом респондентов обоих полов, хотя по совокупности двух позиций большая степень позитивного восприятия этой области трудовой деятельности женщин фиксируется уже в мужском сегменте (81,5% - в первой группе и 69,3% - во второй). (См. табл. 1).

Таблица 1

Распределение по группам ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, какие сферы занятости наиболее подходят для работы женщины?» (в%)

№	Варианты ответов	мужчины	женщины
<i>в сфере образования</i>			
1	полностью не подходит	7,9	14,3
2	скорее не подходит	5,3	2,2
3	скорее подходит	44,7	18,7
4	полностью подходит	42,1	64,8
<i>в медицине</i>			
1	полностью не подходит	10,8	12,6
2	скорее не подходит	8,1	3,2
3	скорее подходит	40,5	20,0
4	полностью подходит	40,5	64,2
<i>в торговле</i>			
1	полностью не подходит	13,2	16,7
2	скорее не подходит	5,3	14,1
3	скорее подходит	44,7	37,2
4	полностью подходит	36,8	32,1

Трудовая деятельность женщины в сфере обслуживания основной частью опрошенных обоих полов одобряется в средней степени, но по совокупности положительных ответов позитивно оценивается 71% мужчин и 65% женщин. Примерно та же ситуация фиксируется и в

отношении профессиональной занятости в научных организациях – основная часть жителей Республики выбирает вариант «скорее подходит» (около 40%), по совокупности позиций этот параметр собирает 70,2% опрошенных в первой группе и 66,7% - во второй. (См. табл. 2).

Таблица 2.

**Распределение по группам ответов на вопрос:
«Как Вы полагаете, какие сферы занятости наиболее подходят для работы женщины?» (в%)**

Варианты ответов	мужчины	женщины
<i>в сфере обслуживания</i>		
полностью не подходит	18,4	16,9
скорее не подходит	10,5	18,1
скорее подходит	44,7	33,7
полностью подходит	26,3	31,3
<i>в научных организациях</i>		
полностью не подходит	16,2	18,5
скорее не подходит	13,5	14,8
скорее подходит	43,2	39,5
полностью подходит	27,0	27,2
<i>в сфере сельского хозяйства</i>		
полностью не подходит	27,8	23,4
скорее не подходит	33,3	41,6
скорее подходит	25,0	16,9
полностью подходит	13,9	18,2

Как видно из таблицы, сфера сельского хозяйства вообще не одобряется в качестве области трудовой деятельности как мужчинами, так и женщинами. Только 38,9% жителей и 35,1% жительниц республики отметили ту или иную степень соответствия характера труда в этой сфере для женщин.

Установки жителей Адыгеи касательно участия женщин в органах власти и управления показывают, что 59,4% мужчин и 59% женщин в большей или меньшей степени, но не одобрительно относятся к подобной практике. Работа в творческих организациях скептически оценивается половиной мужчин и поддерживается уже 70,1% женщин. (табл. 3).

Таблица 3

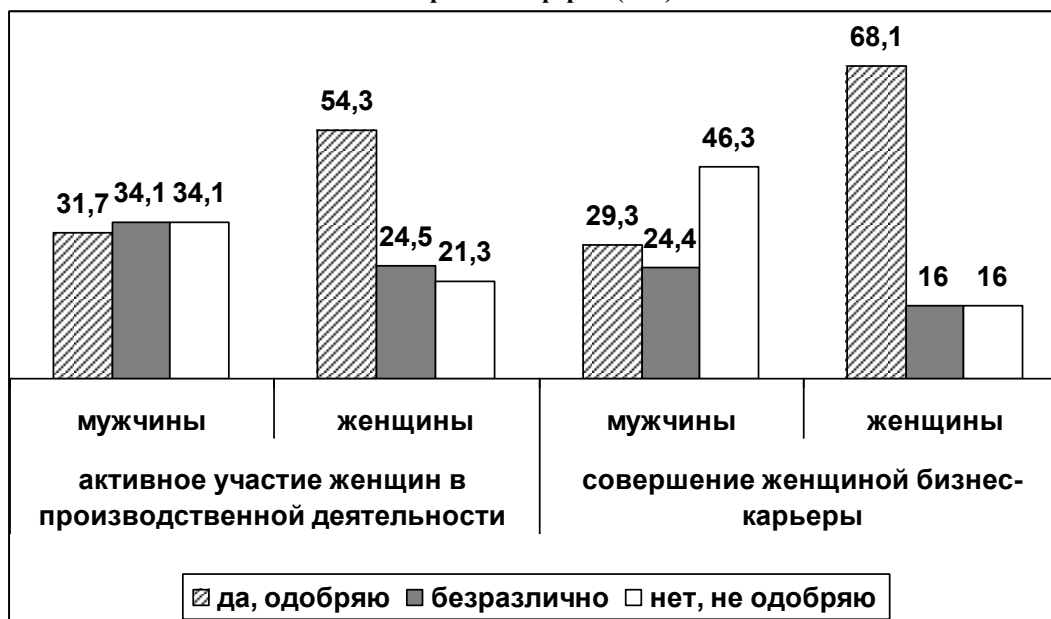
**Распределение по группам ответов на вопрос:
«Как Вы полагаете, какие сферы занятости наиболее подходят для работы женщины?» (в%)**

Варианты ответов	мужчины	женщины
<i>в органах власти и управления</i>		
полностью не подходит	35,1	28,2
скорее не подходит	24,3	30,8
скорее подходит	21,6	29,5
полностью подходит	18,9	11,5
<i>в творческих организациях</i>		
полностью не подходит	22,2	14,9
скорее не подходит	22,2	14,9
скорее подходит	36,1	35,6
полностью подходит	19,4	34,5

Обратимся теперь к рассмотрению установок жителей Адыгеи в отношении карьерных амбиций женщин. Результаты опроса показывают, что более половины опрошенных жительниц республик одобрительно относятся к активному участию

женщин в производственной деятельности. Такая позиция характерна лишь для 31,7% мужчин. Треть из них относятся к этому безразлично и еще столько же негативно (диагр. 2).

Диаграмма 2. Степень одобрения респондентами совершения женщинами карьеры в разных сферах (в%)

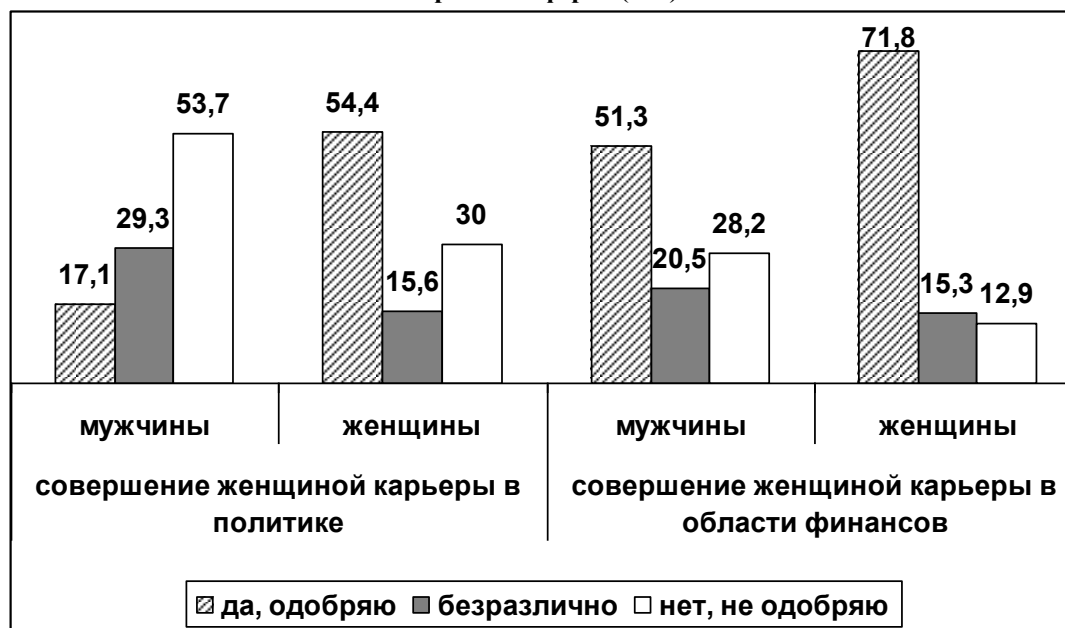

Результаты опроса выявляют также, что 68,1% женщин Адыгеи позитивно воспринимают совершение женщиной бизнес-карьеры. Основной частью мужчин подобная активность воспринимается негативно (46,3%). Таким образом, налицо противоречие между гендерными ожиданиями в сфере социально-профессиональной активности.

Результаты авторского опроса, проведенного в 2019 г. показывают, что в Адыгее мнения опрошенных относительно построения женщиной политической карьеры разделились. Сами

женщины в половине случаев выступают «за», и такое же количество мужчин высказываются «против». Одобрительно к подобной практике относятся только 17,1% мужской части населения республики. С другой стороны, большинство респондентов обоих полов положительно воспринимают трудовую занятость женщин в здравоохранительных и образовательных сферах (69,2% - в первой группе и 89% - во второй), в области финансов (51,3% и 71,8% соответственно). (См. диагр. 2-3).

Диаграмма 3. Степень одобрения респондентами совершения женщинами карьеры в разных сферах (в%)

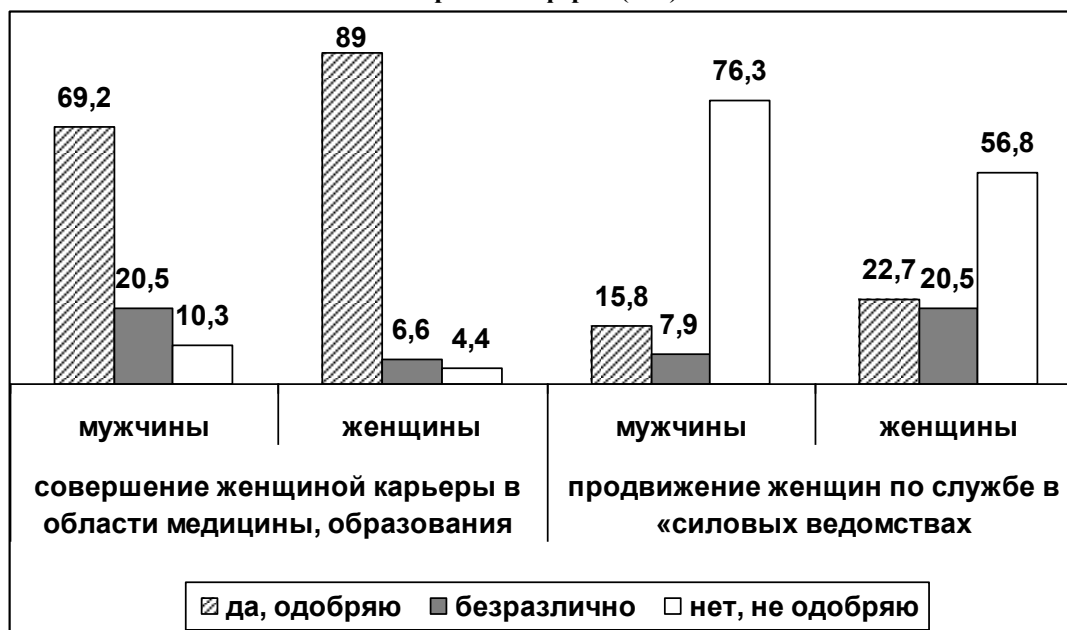
Необходимо отметить, что в данном случае срабатывает установка основной части населения,

сформированная еще в советское время, о дифференциации профессиональной деятельности

на «мужские» и «женские» отрасли что сферы образования и медицины являлись традиционно «женскими», поэтому не вызывают «отторжения» у основной части опрошиваемых. Хотя заметна разница в отношении со стороны представителей гендерных подгрупп – мужчины в целом более критично настроены к карьерному успеху слабого пола.

Основная часть опрошенных отрицательно относится к карьерному росту женщин в «силовых учреждениях». Причем не одобряют подобную практику 76,3% мужчин и 56,8% женщин. Для пятой доли жительниц республики характерно индифферентное отношение и еще столько же проявляют позитивное восприятие.

Диаграмма 4. Степень одобрения респондентами совершения женщинами карьеры в разных сферах (в%)

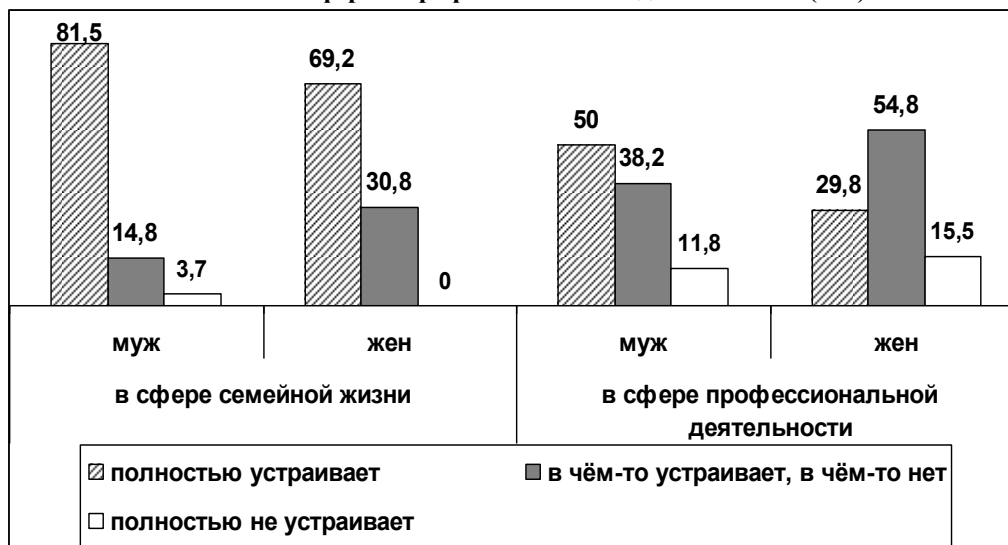

Таким образом, если посмотреть на общий рейтинг соответствия женщинам тех или иных сфер занятости по данным опроса, то можно увидеть, что с точки зрения адыгейских мужчин «женскими» являются области домашнего хозяйства, образования, медицины и торговли. Не одобряют мужчины трудовую занятость жительниц республик в сферах малоквалифицированного и высококвалифицированного труда, в органах власти и управления, а также сфере сельского хозяйства. Адыгейские женщины также разделяют точку зрения, что для них более комплементарными с точки зрения характера труда являются образование и медицина, а также домашнее хозяйство. Но уже больше женщин в республике, чем мужчин, указывают, что им подходят также и творческие профессии. Однако, в сознании жительниц Адыгеи сохраняется установка на то, что власть, управление, бизнес не являются сферами, в которых женщины могут реализоваться.

В то же время, рейтинг одобрения карьерного продвижения женщин выявляет уже более значимые гендерные различия в установках. А именно, основная доля мужчин не одобряет карьеру женщин в политике, бизнесе и производстве, а большинство жительниц республики относятся к этому позитивно.

Посмотрим теперь, в какой степени положение в каждой из названных сфер удовлетворяет представителей гендерных подгрупп. Собранные количественные данные позволяют увидеть, что мужчин Адыгеи свое положение в семье (как правило, лидирующее) в большинстве случаев полностью устраивает (81,5%). В то же время, положение в семейной иерархии удовлетворяет уже меньшее число женщин (69,2%). Статусные позиции в профессиональной области уже менее позитивно оцениваются респондентами. Они устраивают половину мужчин, а такое же число женщин выражают среднюю степень удовлетворенности своим положением в сфере работы (диагр. 5).

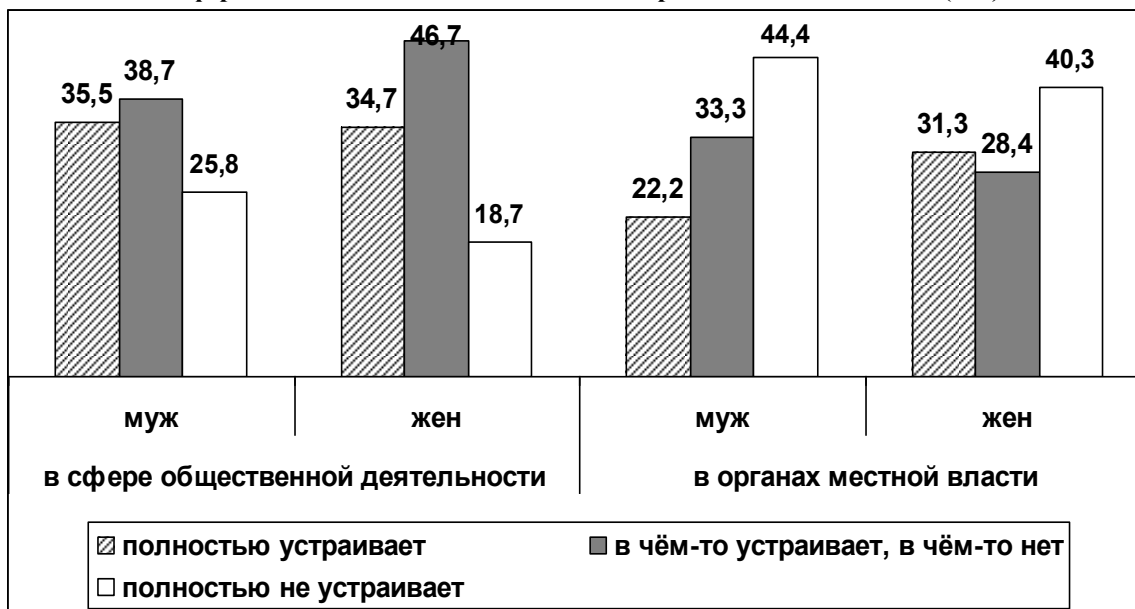
Диаграмма 5. Степень удовлетворенности жителей Адыгеи собственным положением в семейной сфере и профессиональной деятельности (в%)

Положение в сфере общественной жизни, в которой не участвует около половины опрошенных, оценивает положительно около трети жителей республики обоих полов. Четверть мужчин и пятую долю женщин такая ситуация не полностью устраивает. Остальная часть населения указывает на среднюю степень удовлетворенности. Характер участия в органах местной власти, в

которых не задействованы более 60% мужчин и уже 80% женщин по большей части не устраивает опрошенных. Около 40% респондентов обеих рассматриваемых подгрупп полностью не удовлетворены и около трети указывают на среднюю степень удовлетворенности (См. диагр. 6).

Диаграмма 6. Степень удовлетворенности жителей Адыгеи собственным положением в сфере общественной деятельности и в органах местной власти (в%)

Таким образом, анализ количественных материалов проведенного социологического исследования позволяет сформулировать следующие заключения:

1) В настоящее время в республике достаточно выражена внутрисемейная гендерная иерархия, в соответствие с которой главенствующее положение в семье занимает мужчина (муж или отец (свекор)). Причем эта установка разделяется и мужчинами, и

женщинами примерно в равной степени

2) Отношение к социально-профессиональной и политической активности женщин в значительной степени опосредовано этнокультурными особенностями региона и самой половой принадлежностью, во многом детерминирующей реализацию традиционного мужского или женского гендерного дисплея, основные элементы которого преимущественно

формируются у индивида не путем рационального выбора, а в результате социализации.

2) В республике преобладает ярко выраженная гендерная асимметрия в области экономической и общественно-политической активности. На уровне установок жителей Республики Адыгея фиксируются области, где воспроизводятся консервативные гендерные экспектации, когда женщины не могут работать в силовых ведомствах, занимать высокие посты в сфере управления, а им лучше традиционно концентрироваться на домашнем хозяйстве. В то же время остаются с советского времени распространенными взгляды, согласно которым работа женщин в медицине и образовании одобряется.

3) Вместе с тем фиксируется несоответствие мнений гендерных подгрупп касательно профессионального и служебного роста женщин в других сферах. Основная доля адыгейских мужчин не одобряет карьеру женщин в политике, бизнесе и

производстве, а основная доля жительниц относятся к этому наоборот позитивно.

4) На эмпирическом материале выявляется ориентация значительной части жительниц республик на трансформацию консервативных гендерных референций, однако сопротивление подобным подвижкам продолжают оказывать основное большинство мужчин.

Список литературы

1. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М., 2003. С.129.

2. Бодина Ю.Н. Гендерная специфика в профессиональном управлении // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011, № 9.

3. Тыкова А.А. Эволюция социального статуса женщины в адыгском обществе: гендерный подход. – Майкоп, 2006.

Кислий А. О.

*кандидат філософських наук, доцент,
докторант кафедри богослов'я та релігієзнавства,
Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова
(Україна, Київ)*

ЦІННІСНІ АСПЕКТИ ХРИСТІАНСЬКОГО СУСПІЛЬНОГО ІДЕАЛУ В УМОВАХ ТРАНСФОРМАЦІЇ СУЧАСНОГО СВІТУ

Kysliy A. O.

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,
candidate for a doctor's degree of the Department of Theology
and Religious Studies, National Pedagogical Dragomanov University
(Ukraine, Kyiv)*

VALUE ASPECTS OF THE CHRISTIAN SOCIAL IDEAL IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLD

Анотація. Визначено актуальність вивчення питання сучасних ціннісних аспектів християнського суспільного ідеалу. Тривала історія показує, що християнство не лише узагальнює цінності, але і на підставі сучасного бачення соціальних проблем схильне до суттєвих змін та трансформацій, уточнень та доповнень богословської інтерпретації соціального ідеалу. Для християнської аксіології принциповим залишається пріоритетність власне християнських цінностей над всіма іншими. Доведено, що християнство в межах власної ціннісної системи формулює такий суспільний ідеал, що дозволяє мотивувати перетворення всього світу і санкціонує досягнення в соціально-економічній, соціально-політичній сферах та культурі в цілому.

Summary. It has been determined the relevance of understanding the contemporary value aspects of the Christian social ideal. Long history shows that Christianity not only generalizes values, but also, on the basis of the contemporary vision of social problems, is prone to significant changes and transformations, clarifications and additions to the theological interpretation of the social ideal. For Christian axiology, the priority of Christian values over all others remains fundamental. It is proved that Christianity within its own value system formulates such social ideal, which allows to motivate the transformation of the whole world and sanction achievements in the socio-economic, socio-political spheres and culture as a whole.

Ключові слова: ідеал, соціальний ідеал, цінності, християнські цінності, християнська демократія.

Keywords: ideal, social ideal, values, Christian values, Christian democracy.

Постановка проблеми. Звернення до християнських цінностей сучасного світу декому здається занадто архаїчним. Проте, як показує практика, розвиток світового співтовариства значною мірою залежить від глибини теоретичного

вивчення невичерпних потенціалів багатогранної і суперечливої реальності соціальних явищ і процесів. Системні зрушення та істотні перетворення, що відбуваються впродовж останніх десятиліть, призвели до переосмислення багатьох

політичних і економічних стереотипів, усталених світоглядних потреб, переконань, ціннісних орієнтацій. Природно, що в нових умовах цивілізаційного розвитку, суттєво виріс інтерес до духовної сфери суспільства, виникає потреба перегляду як нових, так звичних універсальних соціальних констант. Перед сучасними мислителями постає завдання обґрунтувати основоположні світоглядні ідеї соціального ідеалу та можливості його легітимізації. Надійність соціального ідеалу в його ціннісному вимірі повинна бути правомірною не тільки в світоглядному чи теоретичному значенні, але й соціально-практичному.

Необхідність осмислення суспільного ідеалу як носія найвищої цінності спричинена тим, що саме він слугує критерієм сприйняття реальності та спрямовує людську поведінку в моральній, естетичній, політичній, економічній сферах. Адже соціальний ідеал володіє не лише абстрактними узагальненими цінностями, а й конкретними увлеченнями про образ та потребу бажаного майбутнього, яке має всі переваги сучасного світу і усуває всі його вади.

З усього кола аксіологічних питань принципово важливого значення в структурі людської духовності набуває проблема інтерпретації соціального ідеалу в сучасному християнстві як одного з чинників проектування розвитку держави та громадянського суспільства. Християнська Церква постійно тримає у фокусі своєї уваги процеси, що відбуваються в різних суспільних сферах, і намагається оперативним висловлювати власне відношення до них у наукових статтях, монографіях та офіційних документах. Однак, християнська ціннісна проблематика була і є однією із найактуальніших у сучасній світовій та вітчизняній релігієзнавчій і богословській думці.

Отже, **метою роботи** є дослідження соціального ідеалу у ціннісних вимірах християнства, що спрямоване на критичний аналіз соціальної реальності і вироблення концептуальних ідей адекватного сприйняття соціальної дійсності та становлення ідеального суспільного устрою.

Аналіз досліджень і публікацій. Вагомий внесок в опрацювання проблем релігійної духовності, цінностей соціального ідеалу як особливої абстрактної сутності, розробку широкого діапазону поглядів з питань аксіології, зробили такі філософи, як: Августин Блаженний, Аристотель, Бергсон А., Вебер М., Гегель Г., Гуссерль Е., Дюркгейм Е., Еліаде М., Кант І., Конт О., Маркс К., Марсель Г., Платон, Руссо Ж.-Ж., Спенсер Г., Тейяр де Шарден П., Фома Аквінський, Фромм Е., Фукуяма Ф., Хайдеггер М., Хейзінга Й, Швейцер А., Шелер М., Ясперс К. та ін.

Помітне місце у створенні аксіологічних концепцій посідають роботи християнських таких релігійних філософів, як: Бердяєв М., Булгаков С., Вишеславцев Б., Зеньковський В., Ільїн І., Карташов О., Лоський М., Новгородцев П.,

Соловйов В., Сорокін П., Трубецької Є., Флоренський П., Флоровський Г., Франк С., Хомяков О., Шестов Л. та ін.

Дослідження питань релігійної моралі, ціннісних засад християнства в сучасному та історичному соціокультурних контекстах проводяться такими вітчизняними релігієзнавцями, як: Бабій М., Богачевська І., Бондаренко В., Єленський В., Здіорук С., Колодний А., Кочан Н., Любащенко В., Маринович М., Недавнія О., Пирог Г., Саган О., Титаренко В., Филипович Л., Чорноморець Ю., Яроцький П. та ін.

Виклад основного матеріалу. Виникнення християнства пов'язано з новою ціннісною системою, проголошеною у вченні Ісуса Христа, що стало революційним поворотом у моральній свідомості й духовній культурі. Позитивний потенціал релігії полягає у тому, що завдяки цим універсальним духовним ідеям, вона, кинувши виклик ідеалам старого світу, залишилась актуальною для всіх наступних поколінь. Розпочинаючи з формування, поширення та прийняття християнства і до сьогодні продовжується переоцінка цінностей. Концептуальні ідеї соціального ідеалу, створені сучасними християнськими мислителями, зазнають значного впливу історичних соціокультурних, релігійних, філософських, політичних, економічних змін, що відбуваються як у церковному, так і світському бутті людини та суспільства.

Біблія не дає відповіді на багато важливих соціальних питань сучасності, адже неможливо було в перші століття християнського літочислення розмірковувати над тими проблемами, з якими стикається людство зараз. Християнські цінності не зводяться лише до евангельських заповідей і моральних принципів. Вони завдяки своїй довершеності є джерелом постійних роздумів як за сутнісним змістом, так і в сенсі можливості бути реалізованими у будь-якій життєвій ситуації. Тому для сучасного розуміння християнських цінностей дослідники вдаються до трактування біблійних текстів, праць Отців Церкви, творів християнських теологів і вчителів церкви, що мають конфесійні особливості.

Тривала історія показує, що християнство не лише узагальнює цінності, але і, завдяки можливості людини розкрити свій потенціал у всіх сферах життєдіяльності, визначає способи виробництва і засвоєння нею нових істин та ідеалів. Постійний процес творіння та людської творчості як реалізації її здібностей і дарувань вимагає змін та трансформацій, уточнень та доповнень богословського, церковного бачення соціальних проблем, що стає особливо помітно на початку третього тисячоліття. Сучасний світ, наголошуючи на економічних чинниках, відповідальний за формування образу християнства як перешкоди на шляху загального суспільного прогресу. Традиційні християнські цінності сьогодні не можуть виконувати важливі соціальні функції,

адже не відносяться до числа основних факторів вирішення важливих соціальних проблем. Сьогодні вони не розглядаються окремо від загальнолюдських, культурних, духовних, етичних та естетичних світоглядних пріоритетів людини. Їх результат відображається у розумінні змісту, форм реалізації та функціонування християнських чеснот і, головне, їх соціального значення. Християнські церкви, залишаючись джерелом духовності й моральності, претендують на винятковість у визначенні соціального ідеалу, що пов'язується з пріоритетною увагою до людської особистості.

В своїх наукових розвідках Ганна Пирог [7] пропонує власну структуру християнських цінностей. Пріоритетною цінністю, абсолютом, початком, основою і сутністю всього визнається Бог. Вищим благом для християнина являється Богооткровенна істина про Пресвяту Трійцю, яка є джерелом і усіх інших цінностей. Бог визнається об'єктивно існуючою ідеальною метою як в метафізичній, так і в соціальній площині, є сенсом усіх позитивних людських прагнень. Шанування й служіння Богу, наслідування й уподібнення Йому, особиста зустріч з Ним дає фундаментальні підстави для створення соціальних та особистих сенсів і ціннісних орієнтирів. Особливе місце в тут займає особистість Ісуса Христа.

Наступну групу християнських цінностей утворюють цінності-цілі, що визначають генеральну лінію життєдіяльності віруючої людини, тобто вирішують проблему сенсу життя як співвідношення конечності фізичного і безкінечності духовного буття людини, питання смерті й безсмертя. Ідея сенсу виходить з кінцевої цілі існування людини і вирішується на користь есхатологічної перспективи безсмертя душі та Царства небесного, а тимчасовим матеріальним благам відводиться підпорядковане значення. Шлях досягнення безсмертя уподібнюється з жертвністю, яка пронизує сакральну сторону духовності людини.

Третя група – це цінності-засоби. Вона є найбільш насиченою і суперечливою для різних конфесій, адже пропонує християнам такий набір способів життя, що дозволять досягнути ідеалу спасіння. Принциповим і спільним для всіх християн є віра, яка у суспільному житті виступає узагальненим показником спрямованості інтересів, духовних потреб, запитів особистості. Віра, на думку Подольської Є. А., включає в себе такі компоненти: смисловий (визначає сутність буття і ціннісне відношення до нього); емоційний (переживання людиною свого взаємозв'язку з цінностями); поведінковий (виявляється в готовності до активної життєвої позиції). Істотним є той факт, що віра є ірраціональним феноменом, який *a priori* надає особистості особливу значущість тих цінностей, які людина вільно обирає у своєму власному житті [8, с. 86.]. Вищою домінантою християнських цінностей, джерелом віри, початком християнського світогляду, абсолютним

імперативом морального закону і основою соціального ідеалу є любов.

Четверта група – визначає важливі сторони реальної життєдіяльності людини, соціальні відносини, працю тощо, які потребують релігійної інтерпретації. Це свідчить про обґрунтованість в християнській теології не лише цінностей трансцендентного світу, а й земних благ, в тому числі матеріальних, тобто визнання всіх проявів буття як Творіння Божого.

Необхідно зазначити, що християнська аксіологія не намагалася визначити структуру, класи чи рівні цінностей, адже принциповим для неї є пріоритетність власне християнських цінностей над всіма іншими. Вони мають божественне походження і повинні сприйматися як заповіді «не від світу цього», як «дар небес». Християнське розуміння цінності ґрунтується на ідеї блага, як того, до чого прагнуть, щоб досягти досконалості.

Особливе місце у системі християнських цінностей відводиться людині як унікальній, безсмертній, духовній істоті, створеній Богом за Своїм образом і подобою. Абсолютна онтологічна значимість людської особистості можлива лише завдяки дарованого Богом примату свободи і творчості. Стверджуючи ідею богоподібності людини, християнство відстоює уявлення про первинність її духовної сутності по відношенню до суспільства. Типові постановки цієї проблеми в історії християнської думки залежать від можливостей подолання людиною духовної кризи як можливість реалізувати себе в суспільному житті.

Найвищою цінністю для віруючої людини, принципово відмінною від наявної сфери дійсності, що входить з нею в протиріччя, є ясно виражене уявлення про трансцендентне. В його межах соціальний ідеал трактується як існуючий об'єктивно і дається людині безпосередньо в її духовному досвіді як прояв особистого подвигу. Драма порятунку у християнстві відволікала увагу від соціальних змін, які не мали для нього самостійного значення і були рідше проявом людської гордині, гріха, відмови від духу смиренності. Проте, запропонувавши концепції досконалого суспільства, християнство сприяло соціальному і політичному реформуванню. Рух Церкви у напрямку збільшення впливу на суспільство, що відповідає її покликанию, дозволив по іншому подивитись на порятунок людини, який треба шукати не у втечі від світу, а в самому земному житті. Творча діяльність стала для людини головним засобом прославлення Бога. В межах власної ціннісної системи християнство зуміло сформулювати такий суспільний ідеал, що дозволив мотивувати перетворення всього світу і санкціонував досягнення в соціально-економічному, соціально-політичному житті й культурі в цілому.

Можна з упевненістю зробити висновок, що у формуванні соціального ідеалу сучасної західної

людини визначальну роль відіграв протестантизм. Макс Вебер [2] писав, що протестантське вчення виступило проти прагнення до багатства як самоцілі і разом з тим розірвало кайдани стремління людини до збагачення, перетворюючи його не тільки в законне, а й угодне Богові заняття. У багатстві як результаті професійної діяльності воно бачило Боже благословення і разом з тим раціональність з економічної точки зору способу життя. Пошук порятунку в загробному житті за допомогою виконання своїх професійних обов'язків як покликання став джерелом економічних і політичних успіхів, бурхливого розвитку країн. Протестантська ідеологія поступово формує ідеал людини як самостійної економічної одиниці, а її підпорядкування громадським інтересам переміщується на другий план. Протестантизм відповідально й наполегливо відмовляється від будь-якого імперативного розуміння моралі й доводить можливість кожної людини самостійно, без посередників досягнути істину. Він визначив ціннісні аспекти економічної діяльності, що акумулювались в християнський соціальний ідеал. Сьогодні протестантизм досить неоднорідний і складається із багатьох напрямків, кожен з яких розробляє специфічні соціально-етичні цінності і висловлює своє особливе бачення вирішення соціальних проблем.

Християнське вчення про суспільний ідеал тісно пов'язане з цінностями християнської моралі. Християнська мораль – це вічне соціальне явище, яке існує і функціонує як сукупність чітко визначених загальних принципів, вимог, норм у вигляді ідеалізованої універсальної схеми поведінки, що є обов'язковою для кожного члена суспільного організму. Можна говорити про те, що окремо існують католицьке і православне, а також низка протестантських етичних вчень, кожне із яких містить схожі, але не однакові, чесноти, норми й правила поведінки. Але базовими для всіх і на всі часи є слова Ісуса Христа, що стосуються найрізноманітніших сторін життя, які у всіх своїх сентенціях ведуть до однієї думки: людина повинна стати людиною: «Бути досконалою...». Саме в Нагірній проповіді було сформульовано Золоте правило моральності, що повинно виражатися не тільки у свідомості, а в реальних взаєминах між людьми. Цінності християнської моралі не повинні розходитися з реальними вчинками і мораль за будь-яких умов не може розминатися з справжніми вимогами моральності. Соціальний аспект моральності означає здатність особистості самостійно усвідомлювати відповідність своїх вчинків і рішень ціннісному змісту соціальних відносин. Саме існування духовності і моральності буде залежати від дотримання ціннісних установ, життєвих орієнтирів та мотивації діяльності.

Кожна людина є унікальною і невтомною, отримавши свободу і можливість спасіння у благодаті й жертві Христа. Християнська надія на спасіння починає реалізовуватися тут, на Землі, з участі в створенні нового, гідного людини світу.

Свобода дозволяє побудувати справжні взаємини між людьми, які зумовлюють об'єднання всіх людей, виступає необхідною суспільно-духовною комунікацією для вияву суспільних цінностей. «Окрема людина лише тоді може стати вільною, коли вільною є й інша людина, тобто коли суспільство, в якому вона існує, є солідарним» [10, с.40].

Незважаючи на присутність традиційної активної боротьби із соціальним злом, вищою мірою якої є зречення від світу, аскеза, у всіх гілках християнства передбачається активна діяльність в світі. Християнська Церква вважає, що пристосування християнської системи цінностей до ціннісної системи світу, пошук компромісів в реальному житті та засобів згладжування особливо гострих розбіжностей між світськими й релігійними цінностями, наприклад, в області сексуальної моралі, є неприпустимим. Адже такий процес вимагає повної або часткової відмови від власних переконань на користь прийнятних для світського суспільства, при тому, що вони прямо чи приховано містять заперечення християнських цінностей, християнського соціального ідеалу, суперечать божественному закону.

Розбіжності в оцінці соціальних явищ між людьми, які сповідають і представляють однакову віру, породжують нові ідеї, думки, вчення, виявляють тенденцію до утворення релігійних груп. Виникнувши в результаті протесту, вони через якийсь час показують схильність до компромісу із суспільством у новому ціннісному вимірі. На цій хвилі відбуваються модифікації інтерпретації ціннісних основ соціального ідеалу стосовно інтересів окремих спільнот. Тому наявність багатьох християнських конфесій, напрямків, організацій, свідчить про різноманітність дефініцій у питаннях узгодження релігійних та світських цінностей соціального ідеалу.

Ортодоксальність православ'я, наприклад, дозволяє трактувати ціннісний зміст соціального ідеалу у запереченні мирського світу та мирських проблем. В результаті вся соціальна дійсність є вважливою, але другорядною у порівнянні з аскетичним, чернечим ідеалом, що породив ідеї простоти, обмеження потреб і бажань, безкорисливості та негативного ставлення до матеріальних благ. Тому православні богослови не настільки переймаються питаннями цінності соціального ідеалу, соціальної рівності та справедливості. Лише вчення і віра в майбутнє Царство Боже є сучасне і майбутнє Церкви, а наступ на цю істину змушує Церкву діяти безкомпромісно в питаннях охорони свого віровчення. Таку ситуацію можна спостерігати на прикладі Російської Православної Церкви. Історичний доробок її православної аксіології виявляється обмеженим для формування ціннісних засадничих аспектів сучасної соціальної концепції. Апеляція до праць представників філософсько-богословської думки, що сформувалась до початку

XX ст. і є далекою від реалій сьогодення, дозволяє лише фрагментарно представити елементи сучасної православної рефлексії щодо соціальної проблематики.

Церковні лідери вважають, що служіння з метою порятунку світу і людини передбачає тісну взаємодію з суспільством, з різними суспільними інститутами, з окремими людьми, навіть якщо вони ідентифікують себе з світоглядними істинами, які часто суперечать основам християнської віри. Усунення релігії з простору духовно-ціннісного забезпечення соціальних процесів суперечить теоретичній обґрунтованості та практичній корисності такої взаємодії. Адже вона визначає поведінку багатьох людей та є основою різних форм суспільних відносин. Тому авторитетні суб'єкти політики та громадянського суспільства розуміють інституційне та світоглядне значення релігії в сучасному процесі плюралізму думок та діалогу різних культур.

Християнство не заперечує важливості прагнення досягнути істину і блага людьми, які мають інші релігійні чи нерелігійні переконання. Переломним моментом переходу із стану конфронтації до розвитку діалогу релігій, спрямованого на пошук шляхів співіснування і нових методів взаємодії у соціальній сфері став II Ватиканський собор (1962-1965) [4]. Після Собору стосунки між церквами та відносини Церкви до нехристиянських вчень вперше в історії християнства були зафіксовані на доктринальному рівні. Характерною рисою міжрелігійного діалогу є повага до тих образів, правил і переконань, що є істинними і святими в інших релігіях. Цей компроміс необхідний і можливий в широкому спектрі соціально важливих світоглядних питань у всьому їх розмаїтті.

Підтвердженням історичного формування та сучасного існування Європи як процесу діалогу різних культур є дослідження Віллема Ж.-П. [3]. Минуле християнської церкви та її вплив на формування західної цивілізації сприймається неоднозначно, часто негативно з моральної точки зору. Зустріч релігійної віри з розумом, секуляризацією та світським життям на теренах сучасної демократичної Європи легалізували автономію світського і релігійного. Нинішня європейська спільнота, багата на розмаїття релігійних ідей та філософських думок з елементами критичного підходу до релігії, має різний попит на релігійні цінності та особливі стосунків між релігією і суспільством.

Радикально нова ситуація у європейському просторі спричинена появою потужного ісламського сегмента. Релігійна, національна, історична і культурна ідентифікація Європи постала перед випробуванням новими соціокультурними реаліями. Вселенський патріарх Варфоломій розуміє такі процеси як зустріч з Іншим. Вона повинна привести до нової культури життя разом в оточенні різних поглядів і світоглядів, оновлення толерантності в атмосфері

відкритого діалогу та взаємоповаги. Така дійсність повинна спонукати кожного замислитися над істинними цінностями своєї віри [1, с. 297]. Трансформації сучасного світу, що спричинені різними політичними, науковими, економічними та іншими досягненнями людства, відкривають нові перспективи для міжкультурного діалогу, який веде як до творення, так і – руйнування. Сучасний процес взаємопроникнення та діалогу веде до еклектизму та нігілізму, створюючи загрозу ціннісним переконанням, які відточувались протягом багатьох століть. Тому питання про те, що в даному контексті є добрим і чому, навіть на шкоду самому собі, його слід чинити, – на думку Ратцінгера Й.– залишається без відповіді. Але, на його переконання, є три цінності, одностороннє сприйняття яких у сучасній свідомості є міфом і небезпекою для моралі. До таких він відносить: прогрес, науку, свободу, які потребують деміфологізації як звільнення розуму і повернення його до самого себе. Вічні цінності не можуть бути скасовані або нав'язані навіть рішенням більшості, що є міфом сучасної розумної політики [9].

Християнство вперше в історії не тільки у релігійно-духовному, а й у політико-правовому полі встановлює рівність людей, як особистостей, неповторних і унікальних носіїв свободи. Тому християнське богослов'я спільне в критичному, але водночас лояльному ставленні до демократії як системи, що забезпечує громадян можливість вибору, гарантує їм свободу в правовій державі. Але ідеально бачиться християнська демократія, де її принципи та моральні цінності не просто декларуються, а поряд з церковною ангажованістю мають безкомпромісне значення в житті всієї спільноти.

Найбільш комплексно обґрунтував засади християнської демократії французький католицький філософ Жак Маріте у своїх роботах «Всеохоплюючий гуманізм», «Християнство і демократія», «Права людини і природне право» і «Людина і держава». Будучи послідовником філософії персоналізму, яка прагнула зайняти своє місце між ідеями індивідуального лібералізму і колективного соціалізму, запропонував концепцію, в якій провідне місце займали поняття плюралізму та терпимості, концентруючи в собі ідеї світської демократії й католицької соціальної доктрини. Основна увага приділялась людині як особистості, що має соціальні зобов'язання і несе відповідальність. На сьогодні християнська демократія представляє собою політичний бренд, позбавлений власне християнської основи. Але плюралізм мислення робить її привабливою як для віруючих християн, так і для людей з іншими світоглядними переконаннями.

Усвідомлюючи кризовий стан та вичерпаність сучасної секуляризованої дійсності, християнські теологи працюють над вдосконаленням адаптації та впливу Церкви на демократичні способи організації суспільного життя. Вони будуть залежати від того, наскільки саме християнство бути здатне

сповідувати цінності демократії. Запропонували нові серйозні ідеї для наповнення соціального ідеалу, християнська демократія може стати актуальною перспективою для постсекулярного суспільства. Сучасна демократія виснажена секулярними концептами та не має власних ресурсів для оновлення. Отже, нове життя для демократії можуть дати трансформації християнства в результаті реальної проєкції власного соціального ідеалу в соціальну дію.

Співробітництво Церкви і держави полягає у справі духовно-моральної опіки, спрямованої на благополуччя своїх громадян і зміцнення соціальної стабільності. Пропагування ідей свободи, миру, добра, правди, істини, справедливості, принципів особистого і суспільного блага не перетворює Церкву на політичну силу. Це принижує значення християнських цінностей, які, безумовно, ширші рамок тієї чи іншої політики. Християнська Церква є не лише суспільним інститутом, а й божественним, що полягає у її походженні від Ісуса Христа та у її надприродному способі існування як Містичного Тіла Христового.

В аксіології християнства відобразилися особливості світогляду і специфічне ставлення представників православної, католицької та протестантської конфесій до питань релігійних цінностей. Вихідною позицією для з'ясування актуальних питань ціннісного характеру у різноманітності міжконфесійних християнських дискурсів виявляються суб'єктивні ознаки свідомості сучасної людини. У своїй глибинній основі суспільний ідеал являє собою соціокультурну цінність у єдності особистісних та надіндивідуальних вимог до значимого, належного, бажаного. Формування цінностей суспільного ідеалу як принципової цілісності в рамках окремо взятої форми суспільної свідомості можливо лише в синтезі наукових, філософських, етичних і богословських ідей і концепцій. Сьогодні Церква намагається переосмислювати своє соціальне вчення в есхатологічній перспективі, для якої важливо не стільки схоластичне бачення світу і людини, скільки практичні вказівки в сфері особистої, сімейної і суспільної моралі.

Головне завдання сучасної християнської аксіології зводиться до того, щоб на прикладі вирішення конкретних соціально значущих проблем відшукати спільну точку між абсолютним і відносним, між сподіванням на спасіння і реальністю нашого світу, зануреного в структурне зло. Сучасна християнська соціальна філософія прагне визначити сутність відповідальності за існуючі глобальні проблеми і негаразди. Складність та суперечність такого завдання у його практичній реалізації, на думку Анатолія Мініча, полягає в тому, що «фактично мова йде про персональну відповідальність за наслідки колективної діяльності» [5, с.275].

Отже, сучасні світові процеси та їх наслідки у всіх сферах життя сприяють зміні способів мислення та поведінки, пошуку компромісів між людиною, суспільством і Церквою. Сучасний світ з тріумфуючим індивідуалізмом і плюралізмом ускладнює можливість ціннісного витлумачення соціального ідеалу, пропонуючи швидкі та легкі способи зцілення суспільства без особливих духовних зусиль. Занепад моральності, руйнування традиційних цінностей та невизначеність нових, шлях до суспільства споживання викликають занепокоєння у багатьох сучасних християнських мислителів. Тому в сучасних умовах кризи ідентичності християнство бере на себе відповідальність за вироблення таких ціннісних засад соціального ідеалу, що будуть зводитись не лише до абстрактної ідеї індивідуального вибору шляху вдосконалення та спасіння, а й активізації для реалізації соціально важливих завдань сьогодні і на перспективу, де центральна роль відводиться людині. Такий процес формування і втілення соціального ідеалу в єдності абсолютного і відносного може означати можливість прагнення до ідеального суспільного устрою в межах земної історії.

Список літератури

Варфоломій Вселенський Патріарх. Віч-на-віч з тайною. Православне християнство у сучасному світі. – К.: Дух і Літера, 2011. – 360 с.

Вебер Макс. Избранные произведения. / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Пред. П.П.Гайденко. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

Віллем Ж-П. Європа та релігії. Ставки ХХІ-го століття. / Пер. з фр. – К.: Дух і Літера, 2006. – 331 с.

Документи Другого Ватиканського Собору: Конституції, декрети, декларації. – Л.: Свічадо, 1996. – 759 с.

Мініч А. Християнство в пошуках відповіді: проблеми соціально-етичної доктрини // Волинський Благовісник. – 2015. – №3 с. 261-280

Нойхауз Н. Ценности христианской демократии / Пер. с нем. – М.: Республика, 2005. – 192 с.

Пирог Г. В. Ціннісна природа релігії (аксіологічний аналіз християнства) // Автореф. ... канд. філос. наук: 09.00.11 / Інститут філософії імені Г.С.Сковороди, К., 2005. – 18 с.

Подольская Е. А. Ценностные ориентации и проблема активности личности / Е. А. Подольская. – Харьков: Изд-во "Основа" при ХТУ, 1991. – 164 с.

Рацінгер Йосиф. Цінності в часи перемін: Долання майбутніх викликів / Пер. з нім. О. Конкевича. – Львів: Місіонер, 2006. – 168 с.

Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität. - Bonn: Reinbek Verlag, 2008. – 228 s.

#2(54), 2020 część 7
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#2(54), 2020 part 7
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>